

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 5

СОДЕРЖАНИЕ:

ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ ЕВТУШЕНКО

Сиявуш МАМЕДЗАДЕ. <i>Стихи</i>	115
Чингиз АБДУЛЛАЕВ. Евгений Евтушенко – человек-эпоха	116
Эльдар ШАРИФОВ. Между городом Да и городом Нет	117

ПРОЗА

Натиг РАСУЛЗАДЕ. Мы всем здесь надоели. Неудачный день.	
<i>Рассказы</i>	8
Мурад ИБРАГИМБЕКОВ. Как Ленин закрывал двери в синагоге.	
<i>Рассказ</i>	42
Кямилль АФСАРОГЛУ. Любимая. <i>Рассказ</i>	60
Александр ХАКИМОВ. Сердце писателя. <i>Теорения разных лет</i>	73
Айдын ТАГИЕВ. <i>Маленькие рассказы</i>	111
Евгений СТЕПАНОВ. <i>Миниатюры</i>	124

ПОЭЗИЯ

Ханали КЕРИМЛИ. <i>Стихи</i>	29
Динара КАРАКМАЗЛИ. <i>Стихи</i>	52
Виктория ШИЛЯЕВА. <i>Стихи</i>	67
Валентина ЭФЕНДИЕВА. <i>Стихи</i>	106

ПУБЛИЦИСТИКА

Лала ГАСАНОВА . Во благо Отечества – жизненный пример Наримана Нариманова	3
Агагусейн ШУКЮРОВ. О судьбе казахских представителей Первого тюркологического съезда	36
Эмиль АГАЕВ. <i>Очерки</i>	55
Марк ВЕРХОВСКИЙ. Вторая встреча с «Первым». <i>Очерк</i>	71
Юрий МАМЕДОВ. Искал в пыли веков он золото семян	107

2017

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Зам.главного редактора	– Елизавета КАСУМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел прозы	– Надир АГАСИЕВ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел публицистики	– Ровшэн КАФАРОВ
Отдел подписки и рекламы	– Джамия ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49
Литсотрудники	– Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА
Компьютерная верстка	– Натаван ХАЛИЛОВА
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	<i>Почетный аксакал «Л.А.» Сияуш МАМЕДЗАДЕ, Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ</i>
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:

AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53

Электронный адрес: litaz@box.az

Тел: 493-75-81

Сдано в печать 25.04.2017г.

Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16

Печать офсетная, 8.25 печ. л.

Тираж 400

Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС

Тел.: 497-36-23

Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
Ранее опубликованные произведения редакцией
не рассматриваются***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

© «Литературный Азербайджан», 2017 г.

ЛАЛА ГАСАНОВА

**ВО БЛАГО ОТЕЧЕСТВА –
ЖИЗНЕННЫЙ ПРИМЕР НАРИМАНА НАРИМАНОВА**

*(о книге Р.Н.Иванова «Нариман Нариманов – основатель советского
Азербайджана и первый руководитель Союза ССР» – М., 2016)*

«...Я всеми фибрами души против рабства, где бы это ни было. ...Я принял программу большевиков с особенным удовольствием, т.к. в ней видел и вижу скорое осуществление моей именно программы: уничтожить рабство на земле. Быть может, ты прочтешь эти строки, когда и большевизма не будет. Это не значит, что большевизм не годится; это будет означать, что мы не сумели его удержать, мы недостаточно оценили его, мы плохо взялись за дела». «...власть окончательно испортила многих довольно хороших видных работников, которые решились взять судьбу огромного государства в свои руки и диктаторствовать безотчетно... Это необходимо было в первое время, но продолжать такое состояние до сих пор – это значило приближать большевизм к краху».

*(Недописанное письмо Наримана Нариманова
сыну Наджафу.
Москва, 28 января 1925 года)*

Сегодня, когда неоднозначно отношение к истории, к годам советской власти, и порой, не задумавшись, мы отказываемся от всего, что относится к «красной» власти, эта книга становится ориентиром того, как надо оценивать личность Наримана Нариманова. Кем он был и как служил своей Родине?

В книге Р.Иванова личность и жизненный путь Наримана Нариманова описаны на основе архивных документов (450 исторических источников, большинство которых хранилось под грифом «совершенно секретно»), здесь также приводятся статьи, письма, речи Нариманова. С помощью документов автор книги предоставляет возможность главному персонажу самому высказаться, пронести свою правду через годы и поколения и восстать перед потомками не таким, каким его представляют, а в истинной своей сущности – с ее правдой, погрешностями, идеалами.

Тот период был настолько противоречивым, сложным, что сегодня, спустя годы, возникают сомнения, споры относительно разных вопросов, и у каждого своя правда. Но документы не дают распадаться правде, указывая точные адресаты и причины.

В первой главе книги воссоздается образ молодого революционера, заботливого сына, окружившего свою семью заботой.

На основе документов исследуется отношение Нариманова к АДР, говорится о помощи Азербайджана голодающим областям в 20-ые годы, о «диком людоедстве», имевшем место в некоторых областях, о выходах армянских группировок, политической и экономической жизни Азербайджана в первые годы советской власти. Рудольф Иванов явно показывает свое восхищение личностью Нариманова. Автор основывается на материалах, которые подтверждают и объясняют его симпатию. Как нам кажется, такое отношение автора связано с тем, что, несмотря на преданность делу революции, Нариман Нариманов не превратился в бездушного чекиста, а до последнего оставался преданным сыном своего на-

рода. Советское правительство воспитывало особых людей – чекистов, которые слепо выполняли приказы государства (при этом происходила деформация личности, о которой рассказывалось в романах-утопиях Е.Замятина, А.Платонова и в др. произведениях. Народный писатель Азербайджана Анар также, оценивая эпоху сталинизма, особо останавливается на образе чекиста, для которого приказы государства были выше человеческих категорий (см. Анар «Ночные мысли»).

Деятельность Нариманова приходится в очень сложный период истории Азербайджана. 207 дней Нариманов являлся председателем Совнаркома АзССР. В книге собраны документы, свидетельствующие о его участии в возрождении Азербайджана. В 1920 году по инициативе Нариманова состоялся Первый съезд народов Востока, в 1921 году в Баку прошел I Всеазербайджанский Съезд Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Матросских депутатов, на котором была принята первая Конституция Азербайджанской ССР, избран первый законодательный орган – Азербайджанский Центральный Исполнительный Комитет (АзЦик). Нариманова высоко ценили современники, называя «самым выдающимся деятелем пробудившегося Востока» (М.Л. Вельтман).

В книге также много документов, касающихся азербайджано-армянских отношений, свидетельствующих о передаче азербайджанских земель (Зангезур) армянам, много фактов, раскрывающих историю возникновения этого конфликта.

Не смирившийся с проявлениями национализма, групповщины, разногласий в партийных кругах БК и АКП, Нариманов обращался к Ленину, выражал свое недовольство (письмо от 29 сентября, 1921 года). Будучи не в силах оставаться наблюдателем, он протестовал и требовал правосудия. В результате он добился верной политики в одной из главных сфер в Азербайджане – в области нефти. Его позиция в этом вопросе была определённа ясна – «Азербайджан занимается добычей нефти, обладает преимуществами в ее пользовании». Позднее его позиция была узаконена решением Политбюро.

«Я же ...исходил из главной своей цели – создать из Азербайджана образцовую советскую республику для Востока и тем скорее привлечь на нашу сторону угнетенных Востока, воспламенить пожар освободительного движения и тем лишить европейский капитализм своей экономической базы, углубить, ускорить кризис в жизни рабочих Европы и таким образом ускорить желанную нам в Европе революцию». Из этих слов становится ясно, что как и многие жертвы советского режима, он искренне верил в эти идеалы, но был лишь фигурантом в большой политике. Ему не давали свободы действия, требуя лишь подчинения. Не смирившись с этой участью, он сопротивлялся, бунтовал. На этом и кончилась жизнь великого революционера, и началась жизнь мученика за идеалы справедливости. Но завершилась эта борьба, увы, смертью Нариманова.

Добро не способно победить зло. Но поступком является то, что сильные люди идут против зла, не замечая неравенства сил, чтобы с честью потерпеть поражение. На такой поступок способен не каждый, а лишь избранные сыновья человечества. Он понимал, на что идет. Ясно представлял себе могучесть и беспощадность своих соратников. Но все это не остановило Наримана Нариманова. Все это тонко уловил автор, и потому, восхищаясь им, уподобляет его «легендарному рыцарю ...», называя эталоном «партийной личности» и т.п.

Будучи против сокращения числа уроков тюркского языка в школах, Н.Нариманов писал: «дети тюрков должны знать стихи не только Пушкина, но и Шекспира, Шиллера, но все же лишь после того, как они узнают, прежде всего, грозные боевые стихи истинного пролетарского поэта, родного Сабира, народных поэтов Вагифа, Закира, Видади». Эти темы сохраняют актуальность долгие годы, занимая основное место в поэзии 80-х годов XX века, в творчестве Б.Вагабзаде, Х.Р.Улутюрка и др. азербайджанских поэтов. Борьба за сохранение родного языка, за его чистоту стала одной из главных приоритетов для интеллигенции Азербайджана в советские годы.

Нариманов высоко ценил творчество азербайджанских поэтов и писателей, пророческие стихи Сабира. Предлагавшим сократить уроки тюркского языка чиновникам совето-

вал «изучать этот язык, чтобы иметь возможность разбираться в пророческих стихах тюрка Сабира, так как я утверждаю: в русской пролетарской литературе он не найдет ему подобного поэта, который бы так картинно и живо передавал все переживания рабочего класса и крестьянина под гнетом хозяина и помещика. И это писалось Сабиром в кошмарные годы реакции».

Два года проработал Нариманов в Баку. Потом, назначив руководителем Федерации Закавказских Республик, его вынудили покинуть родной край. В докладе на тему «К истории нашей революции на окраинах» (1923) он отмечал, что в Азербайджане не будет партии, представляющей интересы его Родины, «пока Мирзояны не откажутся от своей гнусной политики, политики обезличивания Азербайджана».

Этот период Рудольф Иванов называет началом второй жизни, «которая посвящена смертельной схватке с партийным руководством Советского Азербайджана... тяжелейшую борьбу за ленинские нормы партийной жизни Советской власти в Азербайджане, борьбу с групповщиной, коррупцией, с карьеристами и прочими случайными лицами, которые проникли в компартию и сгруппировались на почве корыстных и преступных замыслов».

В вышеназванном докладе Нариманов поднимает два вопроса: восточный вопрос и положение в Азербайджане. В первой части доклада, критикуя восточную политику Чичерина и других своих соратников, он разоблачает антиазербайджанскую политику БК, возглавляемого Микояном, Саркисом, Мирзояном, которые под прикрытием советизации претворяли в жизнь свои грязные намерения. Он подробно останавливается на событиях 1918 года, на бесчинствах дашнаков, которые напали и на его квартиру. «Через час меня с семьей спасает т. Шаумян от дашнаков – «защитников Советской Власти». После этого три дня был кошмарный разгул озверевших дашнаков по городу Баку». Напоминает о зверствах, совершенных по отношению к женщинам и детям. «Но зачем нужно было после этой кошмарной истории продолжать ее продлевать по уездам? Вот на этот вопрос должна ответить Советская власть 1918-го в Баку. Все это заставляло меня настаивать на том, чтобы в первое время не назначать товарищей-армян на видные посты».

Впоследствии со стороны государства была создана комиссия для проверки положений и фактов доклада. Но вместо того, чтобы изучать факты, началась компания клеветы против Нариманова. Его обвиняли в том, что он, якобы, стремится быть в Азербайджане в роли Ленина, называли мусаватистом («он прямо повторяет доводы Расул-заде»), пытались оклеветать его благие намерения.

В книгу включены протоколы заседаний, проведенных для уточнения заключающихся в докладе обвинений. В этих заседаниях участвовал и сам Нариманов («Протокол заседания комиссии ЦК РКП по разбору доклада и заявления т. Нариманова от 13-го июня 1923 года, гор. Москва»). Как видно из материалов книги, каждый обвиняемый лично выступал, опровергал показанные факты и клеветал на Нариманова.

Как мы уже отметили, в книге представлены документы, долгие годы хранившиеся под грифом «совершенно секретно». Все эти материалы доказывают, что в компании против Нариманова участвовали многие его соратники. Некоторые не могли забыть старые обиды (Ханбудагов), другие добивались свободы действий, им мешал честный и принципиальный революционер, истинный патриот и правозащитник прав Востока. Поэтому они хотели отделаться от него и начали действовать особо решительно.

Хотя доклад был серьезным сигналом о недостатках в работе Коммунистической партии, но комиссия признала доводы Нариманова необоснованными. Как отмечает Р.Иванов, в большинстве случаев председателем заседаний был Микоян (см. Протокол № 8 от 11 июля 1923 г. Заседание ответственных работников Бакинской организации; Конференция бюро ячеек Бакинской организации 12-го 1923г.), который был одним из главных обвиняемых в докладе.

Таким образом, доклад послужил началом нападков на Нариманова. Автор подробно останавливается на взаимоотношениях Нариманова с отдельными людьми – Лениным, Мир-

зояном, Сталиным и др., так как характеристика его окружения дает наиболее полное представление о временах и нравах советского времени.

И, как верно отмечает автор книги, Нариманов продолжал руководить Президиумом ЦИК Союза ССР, с мужеством выдерживая «психологические пытки».

Естественно, итог этих расследований был predetermined. В резолюции, принятой на собрании ответственных работников азербайджанской коммунистической партии, отмечалось:

«1) Что доклад Нариманова по существу является актом антипартийным и направлен на разложение партии и создание внутрипартийной национальной и всякого рода другой склоки.

2) Что его обвинения против целого ряда отечественных работников АКП являются голословными заявлениями честолюбивого человека, явного националиста, ставящего свои личные интересы выше интересов партии и рабочего класса.

3) Что работа Комиссии, направленная на выяснение верности тех обвинений, которые выдвигаются против многих работников, вполне правильна и должна исчерпывать все, чтобы раз и навсегда положить конец всякого рода честолюбивым попыткам разложения партии.

4) Констатируя, что доклад Нариманова по существу является антимарксистским и безграмотным документом и отвергая все обвинения, выдвинутые Наримановым в этом докладе, который объективно является на руку нашим врагам, собрание ответственных работников призывает членов партии не поддаваться провокационным выступлениям отдельных лиц и групп, а еще больше сплотиться в единую интернациональную коммунистическую семью. (Резолюция, принятая на собрании ответственных работников Азербайджанской Коммунистической Партии)».

Но все это не могло опорочить честное имя Н.Нариманова, поэтому ответ Политбюро был короток и ясен:

«Протокол Политбюро № 46

От ноября 1923 года

ПБ от 10 ноября 1923 года, протокол №43 п.19

Нариманов, Ярославский решено:

А) инцидент, вызванный заявлением Нариманова и контрзаявлением Ярославского, признать исчерпанным.

Б) констатировать, что Нариманов пользуется полным доверием ЦК и предложить Нариманову взять заявление об отставке обратно».

Его недруги не могли успокоиться и после его смерти. Опасаясь, что факты, имевшиеся у Нариманова, могут скомпрометировать их, взялись и за его архив.

Несмотря на успехи в политической деятельности Нариманова, были, конечно, вопросы, в которых он не мог отстаивать права Азербайджана, кое в чем приходилось уступать. Но никто не вправе слепо осуждать его, забывая о его заслугах перед своим народом.

Еще один момент касательно его отношений с М.Э.Расулзаде. Конечно же, эти отношения были сложными, противоречивыми. Ибо, желая блага своему народу, они стали на противоположные позиции. Но спустя годы ясно одно: они оба – великие сыновья своего народа. И поэтому сравнивать их заслуги, ставить кого-то из них выше, а кого-то ниже – не выход из ситуации. Оценивая историю, личность, всегда необходимо считаться с историческими условиями.

История не дает однозначных ответов. В большинстве случаев вчерашние кумиры – это сегодняшние враги. История советского режима также полна вопросов, их больше, чем ответов. Как мы уже отметили, ценность этой книги в том, что автор ссылается на документы, а фактами пренебрегать невозможно.

Личность Нариманова наиболее полно раскрылось в его недописанном письме к сыну. Обращаясь к своему сыну, которому было всего 5 лет, он писал: «Дорогой мой сын! Если ты

изучишь мою жизнь, то убедишься, что я, по крайней мере, до 1925 года жил для других. А дальше? Дальше также будет продолжаться, т.к. лишь в такой общественной работе я нахожу удовлетворение, тем более, что нынешний строй в России более всего подходит к моему духовному миру».

Во второй половине XX века еще одному азербайджанцу было суждено прожить схожую с Наримановым судьбу. Кремлевские чиновники не могли однозначно воспринимать умного, талантливого, видного, харизматичного политического и государственного деятеля – Гейдара Алиева. Зависть, интриги, неожиданное устранение от должности, отставка, все это пришлось пережить и Гейдару Алиеву. И наверно поэтому он высоко ценил Нариманова: «В 1970-году, когда накануне 100-летнего юбилея Наримана Нариманова я знакомился с материалами, меня очень потрясло, насколько трагичными были последние годы его жизни». В книге даны тексты выступлений Гейдара Алиева на столетнем юбилее Н Нариманова в 1972 году (он был председателем комиссии по проведению 100-летия со дня рождения Н.Нариманова), на открытии памятника Нариманову в Ульяновске (1977). В своем выступлении на юбилее Гейдар Алиев подробно описывает жизненный путь, политическую работу и художественное творчество великого человека. Высоко оценивая многогранную деятельность Н.Нариманова, Гейдар Алиев писал: «Нариман Нариманов принимал участие в разработке важнейших декретов, постановлений, воззваний, определявших в тот период многие стороны деятельности государственных органов и учреждений по руководству восстановлением и развитием народного хозяйства.... Нариман Нариманов имел прямое отношение к заключению ряда торговых и других соглашений...», активно участвовал «в разработке первой Конституции Союза Советских Социалистических Республик...». Не случайно в своем интервью о Нариманове Гейдар Алиев, напоминая о важности единения народа, вспоминает о жертвах репрессий в Азербайджане, а потом переводит разговор на 90-е годы: «Сейчас в Азербайджане тяжелые времена. Нам следует взять урок из истории и быть осторожными. Следует подумать, кому это, в первую очередь, выгодно...».

Азербайджан имеет богатую историю, много исторических личностей, жизнь и деятельность которых недостаточно изучены. Мы считаем, что эта книга должна стать началом серии книг об исторических лицах Азербайджана.

Необходимо подчеркнуть кропотливый труд Рудольфа Иванова над архивными материалами. Сегодня есть возможность представить общественности все документы, которые долгое время хранились под грифом «совершенно секретно». В этой сфере проводится немало работ. Можно отметить деятельность академика Исы Габиббейли, Виляята Кулиева, Гасана Гасанова и других исследователей, усердно трудящихся над архивными материалами. Очень важно знать историю своей страны. Ведь исторические факты – это прежде всего уроки для будущих поколений, ориентиры для дальнейшего развития.

В заключение хотелось бы выразить благодарность автору – публицисту, писателю Рудольфу Иванову, который, скрупулезно изучив архивные документы, проникся огромной любовью к великому сыну азербайджанского народа и представил читателям образ сильного, справедливого политического деятеля, безмерно преданного как идеалам революции, так и своему народу. Сумев оценить масштабность, силу, харизму этого великого человека и одновременно воссоздать трагизм его судьбы Р Иванов создал образ великого сына азербайджанского народа, который навсегда останется в его памяти.

НАТИГ РАСУЛЗАДЕ

Р А С С К А З Ы

Мы всем здесь надоели

Новость облетела дом в одно мгновение, как пожар: к старухе Нушабе приехал сын, и не откуда-нибудь, а из самой Америки, и теперь, поговаривают, заберет её к себе, и Нушаба уже не будет жить в психушке, а будет жить у сына, в его большой квартире, здесь, в своем родном городе, потому что сын её вернулся навсегда. Обитатели дома были потрясены этой новостью еще и потому, что отсюда редко кого родные надолго забирали домой; они, больные, ограничивали свободу, притесняли родных, многие не имели возможности присматривать за ними, потому что контингент пациентов дома составляли в подавляющем большинстве люди бедные, неимущие, зачем богатым сходить с ума, с какой стати? Товарки, долгие годы сложно дружившие с Нушабой, прослышав о потрясающей новости, окружили её, чтобы узнать побольше, позавидовать от всего сердца и от всего сердца порадоваться за неё, но вид у старухи был не очень-то радостный.

– Все-таки я уже почти девять лет провела с вами, конечно, здесь не курорт, но как же теперь в один день мне в мои годы поменять... поменять...

Она хотела сказать «жизнь», но отвыкла от этого слова, как отвыкла от многих громких слов за все эти годы, что провела в лечебнице, где её и других пациентов лечили от неизлечимой болезни.

– Куда я от вас денусь? Привыкла...

– От такого места отвыкать не трудно будет... – возражали ей товарки, те из них, на которых временно сошло просветление, и они могли нормально общаться. – Разве тебе нравится тут, что здесь может нравиться, живем, как скоты...

Нушаба в свои восемьдесят четыре года, пожалуй, была самой старой пациенткой в женском отделении больницы для душевнобольных, но были тут еще несколько старух, близких ей по возрасту, по кругу интересов, по часто нападавшей на них безудержной разговорчивости... Порой они собирались вместе и болтали до изнеможения, перебивая друг друга, не слушая друг друга, так что остальные больные женщины или медсестры делали им замечания, утихомиривая их. Тогда они замолкали, привыкшие к дисциплине в доме и боясь болезненных уколов, которыми не столько лечили, сколько наказывали больных. Время от времени, когда врачи считали, что в болезни того или другого пациента наступило улучшение, вызывали родственников, и родные забирали своих больных домой, но проходило время, и у них обычно наступал кризис, вновь появлялись странности, не совместимые с жизнью в нормальных условиях среди родных, психически здоровых. И вновь больных привозили в лечебницу, куда они возвращались как к себе домой, без особой радости, разумеется, но возвращались на свое место, обжитое среди себе подобных. Нушабу

тоже несколько раз забирала дочь, когда ей становилось лучше и она не удивляла окружающих странными разговорами и непонятными поступками, но в тесной квартире зятя и дочери с взрослым сыном старуха была явно обузой, и зять порой, придя домой пьяным, пенял ей за то, что она зажилась на этом свете, потом уже откровенно стал попрекать куском. Дочь была обычно на стороне мужа.

– Сын бы твой помог! – в сердцах ворчала дочь. – Там, в Америке, верно, как сыр в масле катается, забыл о больной матери, забросил нам на шею, даже не интересуется...

Было неприятно все эти упреки выслушивать, особенно когда Нушаба чувствовала себя вполне нормальной и жила реальной своей жизнью временно психически здорового человека, но молчала, опустив голову, будто была в самом деле виновата, что так долго живет, не возражала, знала – начни возражать и вспыхнет скандал, а скандалов она боялась пуще огня, пуще пожара в сумасшедшем доме, потому что не раз была свидетелем того, как скандалили зять с дочерью по разным пустякам, по раздражающим мелочам, по укорачивающим жизнь нервотрепкам, по всему тому, на что богата жизнь бедных людей городской окраины.

Не слишком много потребовалось времени поначалу, чтобы она привыкла к жизни в лечебнице, её окружали такие же несчастные больные люди, как она, они быстро сошлись, но в отличие от многих пациентов дома, любивших жаловаться и плакаться друг другу на своих родных, не навещавших их тут, Нушаба никогда не выставляла дочь в неприглядном свете, никогда не стремилась, чтобы товарки её здесь возненавидели её родных, не жаловалась ни на дочь, изредка навещавшую её в больнице, ни на сына, казалось, напрочь забывшего её уже почти десять лет. Старые люди в этом доме чем-то напоминали детей, часто меняли друзей, с которыми любили посплетничать, поделиться сокровенным, своими тайнами и фантазиями, забыв старых, заводили новых, ревновали, обижались за прерванную дружбу, сходились и расходились подобно школьникам в младших классах.

Однажды утром сын приехал за ней. Она его еле узнала, к тому же у Нушабы начинался кризисный период болезни, и врач в доме, предварительно побеседовав с сыном старухи, предупредил его об этом и посоветовал повременить и пока не забирать её из больницы. Но сын, Эмин, настоял на своем.

– Я уже сиделку нанял, – сказал он врачу. – Не думаю, что ей будет у меня хуже, чем здесь.

Высказано было предельно откровенно, как привык Эмин разговаривать за долгие годы жизни в Америке. Врач вызвал Нушабу к себе в кабинет, где она встретилась с сыном.

– А, ты тоже пришел? – встретила сына Нушаба довольно прохладно непонятной фразой. – Жарко на улице? А собак все еще выгуливают?

Эмин хотел что-то сказать, поднялся с кресла, в котором сидел, но врач сделал ему знак и обратился к старухе:

– Нушаба, кто это? Узнаете?

– Конечно, – пренебрежительно хмыкнула старуха в адрес врача, задающего глупые вопросы. – Это мой покойный муж, Алекпер, кто же еще?..

Врач многозначительно посмотрел на Эмина.

– Ничего, – успокоил его Эмин. – Я все равно должен забрать её.

Врач не стал возражать, ведь с уходом каждого больного освобождалось место в больнице.

– Как знаете, – сказал он.

– Мама, я – Эмин, твой сын, меня долго не было здесь, теперь я приехал и мы будем жить вместе. Я Эмин, мама.

– А, – простодушно отозвалась Нушаба, погасшим взглядом уставившись на сына. – Конечно... А я думаю, как это Алекпер, он же умер давно?

– Это у неё возрастное, склероз, – сказал врач. – К её болезни отношения не имеет.

Эмин забрал мать к себе и поручил её заботам сиделки, он нанял даже двух сиделок, одну ночную. Квартира была большая, в престижной новостройке. Нушаба обеих сиделок приняла за свою дочь, ни та, ни другая не возражали.

На следующее утро, во время завтрака Эмин стал рассказывать матери о своей жизни в Америке. Она слушала внимательно, казалось, теперь это был совершенно другой человек, чем вчера.

– Я жил в Америке, в городе Балтиморе. Я чувствовал в себе силы и способности, чтобы по-настоящему раскрутиться, хотел разбогатеть и взять тебя к себе туда, в Америку. Это страна огромных возможностей. Но мне сразу не повезло. Я нашел работу в типографии, как раз в то время, когда хозяева издательств и типографий стали ущемлять права работников. Типографские работники вышли на демонстрацию протеста против увольнений и урезаний зарплат. Толпа была человек в триста с плакатами, с речами профсоюзных активистов, все честь честью, все проходило спокойно, полиция наблюдала, но потом вдруг какие-то молодчики-provokatory учинили драку, беспорядки, началась потасовка, полиция с дубинками, я оттолкнул полицейского, он упал, ударился головой о тротуар, потерял сознание, несколько суток пробыл в коме, но потом, слава богу, выкарабкался. Меня посадили. Дали адвоката, он старался доказать, что это не нападение на полицейского, случайность...

Старуха сочувственно качала головой, слушая рассказ сына. Вдруг протянула руку, неуверенно, несмело погладила его по голове, почти такой же седой, как её голова.

– Мой сынок... – сказала она.

Эмин вздрогнул, отвыкший от материнской ласки, он взял её руку, хотел поднести к губам, но, заранее почувствовав в этом жесте что-то фальшивое, стал долго смотреть на маленькую, сморщенную руку матери в своей ладони, что-то стремясь узнать о ней по руке, сам не понимая, что именно, позабыв, что подобное узнавание может произойти только сердцем, а не умом, не головой. Он рассказывал ей о годах, проведенных вдали от неё, и это было что-то вроде короткого отчета, и ему было приятно, что она так внимательно слушает его, не перебивая, и во взгляде матери он видел сочувствие всему, что с ним произошло.

– Вот, мама, такие дела... – подытожил Эмин свой рассказ. – Уехал, мне было под сорок... Семью не создал. И теперь я один через столько лет, только ты у меня...

– У тебя есть сестра, – напомнила старуха и, немного помолчав, просительно добавила: – Не держи на неё зла...

Она говорила сейчас как вполне нормальный человек, и это радовало Эмина, и он с удовольствием с ней разговаривал.

– Что ты, мама, – сказал он. – Я понимаю. У них самих тяжелое положение. Муж её без работы. Я им помогу.

– Плохо тебе там было? – вздохнула мать.

– В тюрьме – конечно... Как бы адвокат ни старался, отсидеть все-таки мне при-

шлось. Потом, после тюрьмы, мне помог один человек, я многим ему обязан, и меня после отсидки не отослали, не депортировали. Я стал работать с ним, с моим боссом. Потом открыл свой бизнес, быстро встал на ноги, у меня все получалось. Правда, с непредвиденным опозданием, но что поделаешь, это судьба... Стал прилично зарабатывать, платил налоги. Одним словом – раскрутился. Теперь я нашел здесь в своем городе компаньонов и переносу бизнес сюда, буду жить здесь, мама, с тобой, я позабочусь о тебе, ты теперь ни в чем не будешь нуждаться. – Эмин рассказывал матери историю своей жизни вдали от дома очень кратко, не вдаваясь в подробности, которые ей были бы неинтересны, он рассказывал просто потому, что считал своим долгом донести до неё тот период жизни, о котором она не знала, и в то же время будто подводил итоги всего, что случилось до сих пор.

– Ты уехал оттуда навсегда? – осторожно, словно боясь нежелательного ответа, спросила мать.

– Да, – сказал Эмин. – Там, конечно, я мог бы еще больше зарабатывать, зарабатывать по-американски, я быстро рос в бизнесе и расширял его, но пришел новый президент, и у меня появились проблемы с моей работой...

Наступила долгая пауза, во время которой Нушаба, мягко улыбаясь, ласково смотрела на постаревшего своего сына.

– Все мои три бабушки были гадалками, – сказала вдруг старуха. – Они меня предупреждали, если будешь жить с сыном, смотри, он будет с тебя спрашивать каждый день таблицу умножения...

Сиделка, стоявшая за спиной Нушабы, бросила взгляд на Эмина, словно ожидала от него какого-то знака.

– Мама, – стараясь говорить как можно мягче, проговорил Эмин. – Тебе надо отдохнуть, поди поспи... Потом поговорим, хорошо?

– Хорошо? – повторила мать. – Хорошо... какое странное слово... Хорошо... Хо-о-о-ро-о-о-о-о-о-о. Все теряет смысл... Все теряет смысл... Даже жизнь, если слишком долго задерживаешься в ней... Ведь правда? А? Правда ведь?

– Правда, правда, – проговорил Эмин и замолчал, устремив взгляд в окно.

Надолго воцарилась тишина.

– А ты знаешь таблицу умножения? – спросила старуха, резко нарушив тишину, и тут внезапно, странно и страшно, неестественно захихикала. – А-а, ты тоже забыл таблицу умножения... Математика всегда была предвестником хаоса, люди слишком уставали от четкости и точности математики, их это сильно нервировало; людей тяготит, если порядок и дисциплина длятся слишком долго, это сводит с ума, хочется противостоять этому, сломать клетку, в которую загнала их математика, отсюда революции и войны, и вот люди начинают беситься, создавая хаос и неразбериху, – старуха говорила торопливо, словно боясь, что её перебьют и не дадут высказаться до конца, все больше и больше возбуждалась и уже вся тряслась оттого, что безуспешно старалась донести свои мысли до бестолкового собеседника.

– Мама, поди отдохни, – сказал Эмин и сделал знак стоявшей поодаль медсестре, чтобы подошла.

– Эмин, Эмин, – тихо всполошилась мать, видя, как подходит к ней девушка. – Я тебе на ухо скажу...

Эмин приблизил к её губам ухо, она быстро впилась ногтями в мочку его уха, так что он чуть не вскрикнул, и прошептала, испуганно поглядывая на медсестру:

– Я её боюсь, и её, и другую тоже, мне становится тревожно, когда я вижу их

в белых больничных халатах...

– Мама, отпусти мое ухо, – сказал Эмин. – Ты мне больно делаешь.

Она расслабила пальцы, отпустила ухо сына.

– Хорошо, я скажу им, чтобы не надевали белых халатов, – сказал он. – Так будет лучше?

– Нет, так будет хуже, – сказала старуха, видимо, в ней проснулся дух противоречия, – тогда они меня просто отравят, дадут отравленный суп или чай...

– Мама, что ты такое говоришь? – усталым голосом произнес Эмин. – Они здесь, чтобы заботиться о тебе. Иди. Приляг, отдохни. Мне надо по делам. Приеду, поговорим, сколько хочешь.

– А с ней мне можно разговаривать? – спросила старуха. – Она выучила таблицу умножения?

– Не знаю. Спроси у неё, – сказал Эмин и вышел из комнаты.

В голове у него крутилась масса вопросов и проблем по бизнесу, который только-только восстанавливался на новом месте, он думал, как бы свое дело сделать здесь, на родине, востребованным и прибыльным, предстояло много встреч с нужными людьми, с чиновниками, надо было многое обдумать, взвесить и принять правильное решение, и подобные разговоры с матерью его утомляли своей никчемностью.

С сестрой и её семьей Эмин сблизился, немало этому сближению способствовал тот факт, что Эмин щедро помогал им, устроил племянника работать в своем офисе, назначил ему хорошее жалованье, купил им новую, более просторную квартиру, и вскоре сестра с зятем и детьми стали часто навещать мать в доме Эмина. Сестра, Эльнура, каждый раз приносила ей пироги и торты собственного изготовления, этим она одно время зарабатывала на жизнь и фактически содержала свою семью, готовя кондитерские изделия для чужих людей и относя их на продажу в известные в городе кондитерские, теперь эта необходимость отпала, осталась в прошлом; брат им помогал, брат был одинок, брат был крутым бизнесменом и миллионером, и негоже было бы опускаться столь низко при таком брате и готовить для других, зарабатывая своим трудом гроши. Но руки Эльнуры порой скучали по привычному делу, и она принималась печь, фантазировать и создавать произведения искусства из теста, крема, яиц и всего остального, необходимого для изготовления тортов; и каждый раз, навещая мать, приносила ей что-нибудь вкусненькое. Нушаба принимала равнодушно подобные знаки внимания, и когда наступало просветление, что в последнее время случалось с ней все реже, просила дочь не беспокоиться, потому что она с некоторых пор стала абсолютно безразлична к сладкому.

– Главное, – говорила она назидательным тоном, ковыряясь ложкой в целом торте, – чтобы вы, и ты, и Эмин, не забывали таблицу умножения.

– Мама была долгие годы доцентом в техническом университете, – словно извиняясь за несурязицу, что несла старуха, сообщала, будто новость, Эльнура мужу и сыну, присутствующим при этом разговоре, хотя им, разумеется, этот факт был хорошо известен. – Она чуть не стала профессором, потом вышла на пенсию, но математику она знала великолепно, много раз писала диссертации для других людей, на свою докторскую не оставалось времени...

– Да знаем мы, знаем, – нетерпеливо перебивал её сын. – Её кандидатскую диссертацию хотели расценить как докторскую, но начались интрижки в среде ученых и так далее...

– Вот именно, – обиженно заканчивала Эльнура. – А тебе не мешает еще раз

послушать, даже если знаешь, а то неизвестно, кто ты по профессии, чем занимаешься.

– Я занимаюсь тем, – парировал сын, – за что платят. И ничем другим. Время бабушек-бессребрениц давно прошло. Надо деньги делать. Вот дядя Эмин это хорошо понимает. Я буду, как он.

Нушаба с напряженным вниманием слушала, что говорит дочь, легкие ненавязчивые пререкания её с сыном, слушала, будто впервые что-то новое слышала и узнавала о себе.

Так проходили дни, недели, месяцы, и хотя за это время ухудшений в состоянии старухи было немало, Эмину никогда не приходило на ум отправить её хотя бы временно обратно в больницу, несмотря на то, что главврач, провожая их, предупредил его, что в случае обострения болезни он может тотчас привезти старуху в лечебницу, где для неё всегда будут держать место. Эмин порой спрашивал мать, не скучает ли она по товаркам, с которыми раньше, будучи в больнице, часто беседовала, имела общие интересы, делилась своими мыслями, но старуха не проявляла никакого интереса и никакого желания встретиться с подругами по общей беде.

– Я с ними общалась просто потому, что больше не с кем было, – отвечала она. – Как можно скучать по людям, которые ничего нового тебе не могут сказать? Они и слушать не умеют...

– Ну и отлично, что не скучаешь по ним, – сказал Эмин. – Теперь у тебя свой дом, а если я тебе наскучу, я могу уйти.

На эти его слова мать вдруг улыбнулась такой осознанной, такой светлой улыбкой, так умно, глубоко, проникновенно взглянула на него, что Эмин внутренне вздрогнул: сейчас она ничуть не была похожа на душевнобольную, от чего же её лечили, от странностей, которых и у людей, что называют себя нормальными, хоть отбавляй?

– Я видела сон, – вдруг, будто прочитав его мысли и стремясь опровергнуть их, словно неизвестно за что вымещая на сыне накопившуюся злость, проговорила она. – Будто вы с Эльнурой маленькие, а я работаю, пишу диссертацию, и вдруг эта моя работа превращается в какую-то узкую-узкую, не пойму даже, что это, вроде пещерки, где мне тесно, я задыхаюсь, не могу выбраться, тесно, жутко, жутко... И вот посмотри, – она вдруг схватила со стола лист бумаги и стала лихорадочно исписывать его, – вот, погляди, разве эту формулу так выводят, там же прошла ошибка, а они все на ней настаивают, чтобы никто не смел критиковать их учебник, а бедные студенты должны расхлебывать.

Эмин приподнялся и посмотрел на лист, исписанный матерью.

«abc abc xzy xzy abc xzy abc abc abc...»

И так на протяжении всей страницы.

– Конечно, – сказал он, сочувственно покачав головой. – Это безобразие.

Что он такое говорит, будто что-то понимает, нет, обязательно, непременно четыре, четыре и только четыре, я люблю эту цифру, но в последнее время она стала плохо себя вести, он приседал по четыре раза утром и вечером, и вот, пожалуйста – заболел, долго болел, мучился, а потом умер, боже мой, разве надо непременно мучиться перед смертью, что за бессмыслица, все равно же умирает, зачем же ему еще и мучиться, ну ладно, теперь я эту четверку видеть не могу, а где вижу, зачеркиваю, но зато мне остается семерка, эта не подведет, хорошая цифра, только полюбуясь 7777777777, вся наполненная положительной энергетикой, вся устремленная в будущее, зовущая к действию. Энергичная, не то что вялые двойки или чванливые, за-

диристые тройки, а об единице я вообще молчу, просто недоразумение, а не цифра, но вот девятка, это как будтоходишь в сосновый лес, прекрасный, влажный, идешь по тропинке, которая заканчивается просветом вдали, дышишь полной грудью, легко превращаешься в облако, летишь и знаешь: в конце тропинки тебя ждет море, как только выйдешь из этого прекрасного леса, даже выходить не хочется, восьмерка тоже ничего, но она всегда в тени девятки, будто просит, как попрошайка: возьми меня к себе, возьми меня, даже неловко как-то смотреть на неё. Мне кажется, он в последнее время слишком уж увлекается четверками, надо его предостеречь, разве покойный Алекпер не от этого умер?..

– Нушаба-ханым, пора обедать.

Старуха оторвалась от своих мыслей, подняла голову и встретила приветливый взгляд медсестры. Теперь на девушке не было белого халата, она была одета в строгое синее платье и была больше похожа на учительницу в школе, чем на медсестру, тем не менее, она держала в ладони и протягивала Нушабе таблетку, которую каждый раз перед едой старухе было рекомендовано принимать, а в другой руке – стакан с водой.

Интересно, сколько он им платит? Улыбается, платье надела, старается угождать, ловит взгляд, наверное, хорошая девушка, хорошая из бедной семьи, такая работа не всякой достается...

– А формулы вы выучили? – строго посмотрела на неё Нушаба. – А таблицу умножения знаете? Вот хотя бы для начала выучите гармоническое среднее, смотрите как, – и Нушаба на обороте того же листка, на котором писала для Эмина, теперь торопливо стала записывать:

$$X = n / (1/X/1 + 1/X/2 + 1/X/3 + \dots 1/X/n)$$

– Как видите, все очень просто, – сказала она, закончив писать и показав лист девушке.

– Да, просто, – покорно согласилась девушка, – примите.

Нушаба взяла таблетку с её протянутой ладони и приняла, водой запила. Она путала этих двух медсестер, что присматривали за ней по очереди, полагала, что они очень похожи друг на друга, похожи, как две близняшки, хотя это было не так, и все никак не могла уточнить для себя, которая из них хочет её смерти.

– Сколько мне лет? – спросила однажды она сына, и он ответил:

– Скоро будем отмечать твой юбилей, мама. Восемьдесят пять.

Она помолчала, удрученно покачала головой.

– Это много, – тихо произнесла она. – А сколько вообще люди живут?

Эмин растерянно поглядел на неё, хотел ответить, но она не дала ему раскрыть рта, вдруг широко улыбнулась светлой радостной детской улыбкой.

– Посмотри только, какая правильная мысль, она на каждом шагу оправдывает себя, – сказала Нушаба. – Работа не дает стариться. Я ведь совсем не чувствую себя старой. Это оттого, что я постоянно работаю. Погоди, я сейчас принесу. Посмотришь.

Она торопливо прошла в свою спальню, которую называла кабинетом, взяла картонную папку с письменного стола и принесла показать Эмину.

– Вот, погляди только, сколько я трудилась.

Эмин взял протянутую ему папку, раскрыл её и увидел аккуратно исписанную одними и теми же цифрами страницу, точно так же была исписана и вторая страница, и третья, Эмин перелистал стопку бумаг, страниц было пятьдесят или шестьдесят, и на всех были одни и те же цифры, и это было похоже на игру ребенка,

который пишет все, что в голову взбредет, втайне считая это чем-то серьезным и важным, чего взрослые не поймут.

– Ну, как? – спросила она, внимательно следя за выражением его лица.

– Очень хорошо, мама, – сказал он. – Ты делаешь успехи.

– Ты знаешь, я тут думала... – она вдруг застыдилась, покраснела даже, захихикала. – Да нет... пустяки...

– Ну, что, говори, – подбодрил он её.

– Ведь за математические открытия дают всякие премии... и... и... могут дать Нобелевскую премию, правда? – сказала она, отводя взгляд от сына.

– Да, мама, конечно, – устало произнес он. – Я немного отдохну, ладно? Сегодня был тяжелый день.

– Иди, иди, отдыхай, – охотно отозвалась она. – А я еще немного поработаю, пока голова не разболелась.

– Не утомляйся, помни, что сказал врач.

– А Эльнура сегодня не придет? – спросила старуха.

– Не знаю, пока не звонила, – ответил Эмин, выходя из комнаты и снимая галстук.

Он на самом деле очень устал за последние дни, он все расширял свой книжный бизнес, приобрел издательство и типографию, но здесь, в его родном городе, это оказалось не очень-то прибыльным делом, книги не пользовались спросом, и потому Эмин теперь еще вошел в новое для себя дело, стал компаньоном в одной строительной компании, возводящей новостройки в пригородах столицы. Новый бизнес требовал много времени и энергии, и Эмин усиленно изучал необычное для себя дело, вникал во все мелочи, что по ходу работ могли превратиться в крупные проблемы, если вовремя не направить дело в нужное русло; изучал также и своих компаньонов, могущих в дальнейшем доставить ему немало хлопот, так что свободного времени оставалось все меньше, и глупости, что приходилось слышать от старухи матери, все больше раздражали и утомляли его, и Эмин уже подумывал, что было бы неплохо снять для старушки отдельную квартиру неподалеку, и пусть эти девушки сиделки присматривали бы за ней там, не в его присутствии. Когда он поделился своими мыслями с сестрой, та согласилась, что так будет лучше.

– Но в то же время, – сказала Эльнура, немного подумав, – ей ведь нужно время от времени быть под наблюдением настоящего врача, а не полуграмотных деревенских девиц, разве нет? Что они могут?.. А если болезнь обострится?..

Эмин поглядел на сестру.

– Что ты хочешь сказать? Отправить её обратно в сумасшедший дом? – спросил он несколько раздраженно, потому что сам об этом подумывал, и теперь ему было неловко признаться, и это обстоятельство его нервировало, он не хотел, чтобы их мнения совпали с такой очевидностью, хотел, чтобы сестра, напротив, не соглашалась бы с ним.

– Почему ты так называешь? – возразила Эльнура. – Там сидят вполне приличные люди.

– Там сидят... – повторил он. – Ты так говоришь, будто это тюрьма.

Эльнура промолчала. На этот раз вместо обычного пирога она принесла с собой альбомы с их фотографиями. Здесь были их детские фотографии с молодой мамой на городском Приморском бульваре, были фотографии с матерью и отцом в парке Кисловодска, где в те годы было принято отдыхать, убегая от знойного бакинского лета,

потом для него, Эмина, наступила пауза на долгие годы, когда он покинул их, уехал в погоне за лучшей жизнью, и снимки были уже без него, все больше фотографии молодой семьи Эльнуры, с озабоченным, вечно хмурым мужем, с сыном, с матерью, умер отец и тоже выпал из их жизни, как и временно Эмин. Она перелистывала альбом, а он, ничего не ощущая, ничего не чувствуя, безучастный, смотрел и слушал её комментарии, сопровождавшие каждое фото, и думал о том, что долгое пребывание далеко от дома, тяжелый период пребывания в тюрьме, когда он считал, что уже невозможно будет возродиться, восстановить в себе силы и целенаправленно и энергично идти вперед, наложили на него свой отпечаток, отняли то нежное, теплое, что было в его душе вдали от родины, вдали от дома, от мамы, и сделали его бездушным, не способным нормально воспринимать ничего, кроме дел, кроме бизнеса, который здесь уже, у себя дома, затягивал его все глубже, отнимая все время и высасывая все соки, всю жизнь, всю любовь...

В комнату вошла Нушаба.

– А, ты пришла? – равнодушно произнесла она, увидев дочь. – Что это у вас?

– Смотрим наши фотографии, – сказала дочь, поднимаясь и целуя мать. – Давнишние снимки.

– А я там есть? – спросила Нушаба.

– Конечно, есть, и ты, и папа, – ответила дочь. – Мы же все одна семья, разве нет? – и почему-то посмотрела на Эмина, будто ожидая от него подтверждения.

– А-а... – проговорила Нушаба и улыбнулась, – как интересно. Я тоже посмотрю?

Сердце разрывается на части, как вспомню, какими они были, маленькие, беззащитные, возьмешь их за руку, покорно и доверчиво идут за тобой, даже не зная, куда их ведут, я не занималась ими должным образом, не все отдавала им, не всю себя, все считала, что обязана добиться больших успехов в науке, преподавала, только потом выяснилось, что ничего особенного, что одна из многих, и есть настоящие лидеры в науке, до которых мне далеко, далеко... А детей упустила, не насладились их детством, не дала им должной материнской любви, ласки, их фактически растил и воспитывал Алекпер, а теперь... что теперь?... Я редко бываю нормальной, приходится признать; в отличие от многих душевнобольных, считающих себя нормальными людьми, я наоборот – знаю, что больна, тяжело больна, и когда находит на меня, могу испортить жизнь всем, кто рядом, и потому не хочу, чтобы рядом был кто-то, особенно кто-то из близких людей, из родных, пусть простит меня бог... Но не он ли отнял у меня разум? А-а... Он думает, что не понимаю, не-ет, отлично все понимаю, разве быть сумасшедшей – это означает быть глупой, непонятливой?.. Пусть вернут меня туда, там мне самое место, я не буду жаловаться, как не жаловалась прежде, но лучше там, чем становиться предметом ненависти близких, которых сильно-сильно любишь, которых в свое время недолюбила, и теперь все это накопилось и жжет меня, жжет... Что можно с этим поделать, если уж это состоявшаяся судьба, и куда деться в моем возрасте в двух шагах от могилы?.. А интересно, холодно, наверное, зимой в могиле? А можно мне летом умереть?..

Она присела рядом с дочерью и сыном, глядя на фотографии, что поднимала к её лицу дочь, рассеянным взглядом и ничего не видя из-за выступивших слез.

Вскоре ко всем её странностям прибавилась еще одна, уже утомительная, раздражающая Эмина и нервирующая гораздо больше всех этих пустых разговоров: старуха стала среди ночи приходить в его комнату и что-то порой сердито, порой

доброжелательно торопливо уже с порога неудержимо болтать. Эмин, вздрогнув, просыпался, сон пропал, он чувствовал себя не выспавшимся, разбитым после тяжелого рабочего дня, старался вникнуть в слова матери, но ничего не мог понять, это была какая-то неразборчивая мешанина слов, белиберда.

– Я вас уволю, – сказал он сиделке, когда это случилось в первый раз, и когда девушка, встревоженная, стараясь опередить старуху, не дать ей войти к сыну, вместе с Нушабой оказалась в его комнате и с виноватым видом стояла позади старухи.

– Что я могла поделать? – чуть не плача возразила девушка, которой было страшно лишиться столь выгодного места. – Не связывать же её.

Эти её слова заставили Эмина задуматься, но он тут же отбросил подобные ничемные мысли, рожденные сильным раздражением. И вновь подумал о том, каким холодным и равнодушным он стал за последнее время.

Однажды вернувшись после работы поздно вечером, он застал у матери пожилую её подругу. Эмин посмотрел на часы на запястье: часы показывали половину одиннадцатого.

Обе сиделки были здесь – дневная еще не ушла, дожидаясь, когда придется проводить гостью, чтобы уйти вместе с ней, ночная приступила к своим обязанностям, ухаживая и стараясь завоевать расположение обеих старух.

– Это её подруга по... по тому дому, – прошептала она Эмину в ухо, когда тот, поздоровавшись со старыми полуночницами, выходил из комнаты. – Мы никак не можем выпроводить её.

– Ладно, – сказал Эмин, – я иду спать, смотрите, чтобы они меня не беспокоили.

Но беспокойство все-таки произошло. Эмин, прежде чем лечь в постель, стал просматривать документы и сметы на строительство начатой многоэтажной новостройки, делал пометки в своем блокноте, вычислял на калькуляторе расходы, стоимость материалов и прочее, и так незаметно для себя углубился в работу, даже не заметив, что за окном глубокая ночь. И вот этой глубокой ночью к нему в спальню ворвались без стука две старухи, очень взволнованные чем-то, очень взвинченные, а за ними еще более встревоженные и напуганные девушки-сиделки.

– Что это такое?! – с порога истерически громко вскричала Нушаба. – Почему у нас творится черт знает что, кто позволил, и вообще, кто-то занимается этим, или все пущено на самотек, и полная анархия?!

Эмин не успел спросить, о чем это она говорит, как подключилась подруга матери, сидевшая у неё в гостях и, видимо, забывшая, что надо возвращаться домой.

– Права Нушаба, тысячу раз права! Вот я танцевала в театре в балете «Семь красавиц», все хлопали, хлопали, аплодировали. Так принимали, букеты цветов бросали на сцену. Иногда эти букеты попадали мне даже в лицо, что было не очень хорошо, но я кланялась, кланялась, кланялась...

– Да! Она кланялась, кланялась публике, – подхватила Нушаба, и с этого момента старухи стали говорить одновременно, и хоть раньше не было в их речах никакой логики, теперь попросту ничего нельзя было разобрать.

– А я, а я, – уже в полный голос, возбужденная до крайности, кричала старуха, обращаясь к Нушабе и Эмину одновременно, – как будто я стою на плоту. Ночь. Подо мной три километра толща воды, а в ней плавают разные страшные осьминоги, акулы и прочие, а плот такой маленький, такой махонький, еле держит меня, а внизу, как уже было сказано, три километра, это вам не шутка, еще если бы хотя бы километр,

а то целых три, тут утонешь – никто и не найдет хоть тыщу лет. А ночь, ничего не видно посреди океана, а издали нарастает так, нарастает, нарастает и показывает свои белые зубы пена огромной волны, которая должна меня вместе с плиткой этим проглотить, нет, ты только представь, – захлебывалась словами, будто что-то очень срочное и важное сообщала, старуха. – Вот танцевала в балете, и вдруг на тебе...

– Это какой-то ужас, просто темный ужас! – поддержала подругу Нушаба, уклоняясь от рук сиделок, которые хотели увести обеих старух из комнаты Эмина.

– Именно темный, как ты верно подметила, именно темный! – обрадовалась старуха непонятно чему и даже посмеялась коротко.

Тут зазвонил телефон Эмина, он посмотрел – высветился номер компаньона по возведению новостройки, сейчас пока только был выкопан котлован под фундамент, но уже работ был непочатый край, и тот просто так звонить и беспокоить Эмина в столь поздний час не стал бы. Эмин схватил телефон и торопливо выскочил из комнаты. Старухи пошли было за ним, но в дверях встретили решительное сопротивление сиделок. Старухи, недоумевая и продолжая трещать, перебивая друг друга, отступили в глубь комнаты.

– А я говорила, говорила и не раз предупреждала, на них не угодишь, разве они понимают хорошее отношение! – все больше распаляясь, торопливо говорила Нушаба, непонятно, к кому обращаясь.

– Надо было вовремя стелить постели, а они там что делали в это время, телефоны свои просматривали, играли во всякую чепуху! – поддерживала её страстно и нервно старуха товарка, и нельзя было понять, что и кого она имела в виду. – Разве можно так, разве это жизнь, мы же должны это кушать с вареньем, а нам даже джема не дают, вот я и ушла оттуда... Что мне там делать, мне все аплодировали и вызывали на бис, на бис, на бис!

– А вот предупреждала ведь о таблице умножения, ты разве не помнишь?.. А они что?! Перестроили всю таблицу! Все перепуталось! Теперь все наоборот! Как можно с этим жить?!

– Никто не хочет джема, а они всё несут и все больше, говорят: полезно, а меня пучит и еще изжога... И еще говорят мне: ты старая, пора на покой, а я разве не хочу на покой, но оставьте, говорю, меня в покое, если мне надо на покой...

– Вот если б лечили порядком, то все бы уже знали основные математические формулы, погоди, я сейчас принесу, посмотришь, как я продвинулась...

Но, говоря это, Нушаба и не подумала куда-то выходить и что-то приносить, напротив – она уселась на край кровати сына и жестом пригласила подругу сесть рядом, но девушки вновь воспротивились. Когда в комнату вернулся Эмин, девушки выпроваживали старую подругу Нушабы, а Нушаба плакала, как ребенок, у которого отнимают любимую игрушку.

Теперь все меньше оставалось просветов между приступами душевной болезни, все длительнее и утомительнее делались эти приступы, порой становясь довольно агрессивными, все дальше отдалялся от Нушабы ускользающий мир людей, она замыкалась в себе, говорила с собой, а в присутствии другого человека, даже Эмина, замолкала, упорно не желая раскрывать рта. Измордованный неотложными делами, требующими ежечасного его присутствия и оперативных решений, Эмин не мог уделять матери достаточно внимания, которое было крайне необходимо в её теперешнем положении; наоборот, с каждым днем все больше он чувствовал, как необходимо ему остаться одному, сосредоточиться после работы, чтобы не наделать ошибок и не

сделать неправильных ходов в процессе работы, чтобы не рухнул бизнес, который он с таким трудом по крупицам, шаг за шагом создавал, отдавая все силы, всю энергию и весь свой талант одаренного бизнесмена любимому делу. Труднее всего было работать с людьми, и хоть он, решив вернуться в свой родной город, предполагал это, но, отвыкнув за долгие годы от общения со своими земляками и сотрудничая с американцами, он и подумать не мог, как много сил и времени может уйти в процессе работы здесь на борьбу с мелкими интригами, на беспредел чиновников, контролирующих каждый его шаг с одной лишь целью – сорвать куш, как придется убеждать работавших с ним плечом к плечу союзников и напарников по бизнесу в очевидных вещах, потому что они лучше него знали ситуацию на месте и предпочитали обходные и долгие, утомительные пути прямой дороге, когда положительных результатов можно было бы добиться в гораздо более сжатые сроки. Эмин недоумевал, но приходилось считаться с обстоятельствами и следовать установившимся здесь правилам игры, порой и очень часто напомиравшим как раз игру без каких-либо правил.

И в подобной ситуации старуха мать с обострившимися симптомами неизлечимой болезни все больше утомляла и раздражала его, он был на грани нервного срыва. Наконец, выбрав свободный час, он решил посоветоваться с главврачом больницы, в которой несколько месяцев назад пребывала мать.

– Я вам советую, пусть лучше она будет у нас под присмотром, – сказал главврач. – Здесь может понадобиться врач, все под рукой... А дома... Ну как вы себе представляете, чтобы наши врачи каждый день навещали её? А ведь в периоды обострения болезни им требуется не только каждый день, а иногда и по нескольку раз в день. Нет, я считаю, что все-таки лучше пусть она побудет у нас, тем более, она много лет провела тут, здесь остались её друзья-товарищи...

«Еще бы, – подумал, слушая врача, Эмин. – Так тебе будет гораздо проще вытягивать из меня деньги». Но ничего не ответил, ему не понравилось, как врач, говоря о его матери, употребил выражение «им», таким образом, обобщая её с другими пациентами психбольницы, неизвестно еще какими.

Он еще раньше поговорил с Эльнурой, и она посоветовала ему то же, что и врач.

– Мы бы взяли её к себе, но в таком состоянии, сам понимаешь... – сказала она. – Кто за ней будет присматривать? Наши теперь, слава богу и благодаря тебе, работают, я тоже, одну её оставлять нельзя, взять сиделку, чужого человека в дом, чтобы присматривала, – бессмысленно, так уж лучше пусть там, на всем готовом... А мы время от времени будем её навещать. Да и тебе так проще будет, разве нет?

Через несколько дней после этого разговора Эмин созвонился с главврачом психиатрической больницы, и наутро еще до того часа, когда Эмину нужно было ехать в свой офис, за Нушабой приехал её лечащий врач с двумя здоровенными санитарями, больше напомиравшими вышибал из дорогих городских баров. Старушка, увидев их, тихо, мягко улыбнулась, покивала, соглашаясь, видимо, со своими невысказанными мыслями, не противилась, когда ночная сиделка, бывшая при ней до утра, помогла ей одеться и причесала редкие волосы старухи, устало поднялась на ноги и пошла к выходу сопровождаемая Эмином, санитарями, сиделкой, а впереди Нушабы шел к дверям знавший её все эти годы врач.

– Я так устала, – вдруг приостановившись и обернувшись к сыну, проговорила еле слышно Нушаба. – Ночью плохо спала. Какое-то неясное предчувствие... не давало спать... Хоть бы я умерла...

– Что вы такое говорите, Нушаба-ханым, – тут же отозвался на её слова врач. Остальные молчали.

Нушабу вернули в лечебницу. Она скоро там освоилась, будто и не покидала свое место, врачи и медсестры были ласковы и предупредительны с ней, старались выполнять её капризы, которых, кстати, становилось все меньше с каждым днем, она довольствовалась малым, как и полагалось нормальному человеку её возраста, старалась не беспокоить окружающих, хотя сын и дочь, время от времени навещавшие её, предупредили старуху, чтобы она ни в чем не ограничивала себя и что весь медицинский персонал, начиная от санитаров и до главврача, предупрежден и задобрен; но старуха как-то внезапно сникла, уже не болтала всякий вздор насчет математики и мифических премий и наград за непонятные достижения в науке, старалась ничего не просить, довольствуясь тем, что присылали или приносили родные, у кого выпадал свободный часик, обычно – дочь или внук, и вскоре, не прошло и года, тихо и мирно скончалась вполне естественной для её возраста смертью в окружении новых пациентов лечебницы, поскольку старые её знакомые здесь или покинули эту больницу, или покинули этот мир.

– У меня такое ощущение, что у нас души окаменели, – сказала Эльнура, сообщив о смерти матери Эмину и внезапно разрыдавшись. – Я ничего, ничего не почувствовала, когда узнала, – проговорила она сквозь плач.

– При чем тут души? – сказал Эмин. – Старушка преклонного возраста.

Эмин, Эльнура, её муж и внук старухи пришли и забрали тело старой Нушабы, чтобы похоронить честь честью, справить поминки в мечети, как полагается, чтобы потом не было никаких пересудов и сплетен среди родственников и знакомых.

Неудачный день

– Но это же воровство, – нерешительно возразил Нурлан. – Это же...

– Ну и что? – перебил его товарищ. – Посмотри вокруг: мало воруют, что ли? А ты со своими бутылками так и будешь копейки считать. Давай, тебе говорю, соглашайся, немного заработаем. Да тебе и делать ничего не придется-э, мне просто нужен подельник, на шухере стоять.

Нурлан задумался. Ему очень хотелось заработать денег, чтобы купить велосипед, он давно его приглядел и последний месяц мечтал о нем, о велосипеде, не новом, подержанном, но хорошо сохранившемся, который продавал соседский мальчик, да и цена была вполне приемлемая... Но пойти ради этого на воровство, как подбивал его приятель, Махмуд, это еще надо крепко помозговать. Махмуду что, он и школу забросил три года назад, нигде не работает, ничем не брезгует, чтобы заработать, а деньги тратит, если только не врет, на женщин. Он на два года старше Нурлана, всего на два года, ему неполных шестнадцать, а ушлый такой! Опыта у него хватит на десятерых таких, как Нурлан. А с другой стороны, в самом деле, сколько он сможет заработать, собирая и сдавая бутылки? Никогда не накопить ему на велосипед, если и дальше так пойдет, если ничего не изменится в его жизни, а ни на какие изменения в своей жизни он и не надеялся. Живут они в поселке, в сорока километрах от большого города, от столицы, здесь, можно сказать, в основном одна беднота обитает, на состоятельных людей пальцем показывают, как на какую диковинку. Школу Нурлан посещает редко, как и многие его сверстники, что заняты или по дому,

или торгуют всякой мелочевкой с рук в городе возле станций метро... Мать Нурлана постоянно болеет, и когда бывают деньги, очень неаккуратно лечит сердце, от болезни которого страдает уже много лет, отец уже второй год ищет работу, то временно ночным сторожем устроится на стройку, то поденно поработает день-другой на чьей-то даче, и опять сидит дома без дела, без работы, без денег. Старший брат, Самед, намного старше Нурлана, ему уже двадцать пять, он работает официантом в маленьком заштатном ресторанчике здесь же, в поселке, кое-что зарабатывает, но все проедает семья, он – единственный у них, имеющий постоянную работу, но у него свои проблемы, свои заботы: Самед хочет жениться, у него и невеста есть, хорошая девушка из их же поселка, он старается при каждой возможности откладывать деньги на свадьбу, но ему это плохо удается – что может заработать официант в таком поселке, как их, где одна беднота? А богатые разве пойдут в такой ресторан, где хоть и хорошо готовят, но сплошная грязь и антисанитария, как-то даже клиент в гарнире мертвого таракана обнаружил, шум поднялся до небес; нет, богатенькие в такой ресторанчик редко когда навещаются, что им там делать, они пойдут в дорогой, чистый ресторан и там с удовольствием потратят свои денежки. Да и Самеда держат там только потому, что умеет хорошо готовить некоторые блюда, пользующиеся спросом у постоянных клиентов, так что хозяин ресторанчика порой экономит на настоящем поваре, а Самеду приходится разрываться на части между кухней и посетителями, обслуживая их и выслушивая недовольные реплики и нарекания из-за того, что не успевает обслужить. Каждый раз, когда Самед приносил домой дневную выручку, Нурлан видел, как каменело лицо брата, когда он выкладывал на стол перед отцом мятые мелкие купюры, которые могли бы приблизить день его свадьбы с любимой девушкой. И девушку эту Нурлан хорошо знает, и многие соседи и родственники знали, что они мечтают пожениться; но пока не было никакой возможности – семья девушки мало чем отличалась от их, Нурлана, семьи, были такими же неимущими, жили в тесноте, как и семья Нурлана, куда к ним приводить еще и невестку, самим повернуться негде. В то же время в поселке водились и богачи в представлении Нурлана, имевшие машины, хорошие квартиры, а некоторые даже особняки близ моря, владевшие небольшими магазинчиками, куда многие из жителей близлежащих домов ходили покупать продукты. Одним словом, беднота выкручивалась, беднота жила, как могла...

– Ну, что замолчал? – прервал его мысли Махмуд. – По рукам, что ли? Потом спасибо скажешь.

– Да, – отозвался рассеянно Нурлан. – Если не поймут.

– Да кому ты нужен-э, ловить тебя еще? – протянул свою узловатую руку Махмуд к лицу Нурлана, чуть не касаясь его носа, показывая, каким ничтожным в его глазах кажется Нурлан. – Если ловить, то меня. Я-э все буду. Ты только на шухере будешь стоять и чуть что, свистнешь, подашь сигнал, и разбежимся. Но ничего такого не будет. Я время выбрал самое подходящее – четыре утра, когда все дрыхнут, как убитые. Так что, смотри-э, не проспи. Две-три такие вылазки, и купишь себе велосипед, а то всем уши прожужжал, не трепаться надо, а дело делать... А дело верное, это тебе не бутылки сдавать за копейки... Ну, долго будешь из себя целку строить?

– Ладно, – через силу произнес Нурлан; при упоминании о велосипеде он будто очнулся от своих тягучих мыслей, сердце встрепенулось, облилось горячей волной. – Приду.

В три часа ночи мальчики, как условились, встретились возле небольшой поселковой автостоянки, на которой тихо и мирно стояли, будто нарочно ожидая, когда

их ограбят, около тридцати автомобилей. Сторож автостоянки храпел так, что сотрясались стены будки, в которой он спал, сидя на неудобном табурете, чтобы не спать, а в случае, если заснет – то упасть сонному с табурета и проснуться, но спал, как обычно, не падал и храпел угрожающе громко, словно воров отпугивал. Да и в самом деле, страшновато было при таком шуме что-то воровать, воровство – дело тихое, не выносящее шума и грохота.

– Он всегда так спит в это время, – шепотом сообщил Махмуд, хотя при таком грохочущем храпе мог бы говорить нормальным голосом. – В такое время его пушкой не разбудишь. Пошли...

Приблизившись к автостоянке, Махмуд остановился и обернулся к Нурлану.

– Теперь ты стой тут, – сказал он приказным тоном, чуть задрожавшим от волнения голосом, и Нурлан понял, что с этой минуты начинается настоящее дело. – Если кого заметишь – тихо свисти. Понял?

Нурлан кивнул, потеряв от испуга голос, но в крошечной тьме его кивок пропал даром.

– Ты понял?! – все еще шепотом, но уже сердито, не заметив кивка, спросил Махмуд.

– Да, да, понял, – тоже прошептал Нурлан пересохшими губами.

Махмуд тихими шагами пошел к машинам на стоянке, в одной руке шланг, в другой – пустая вместительная канистра; Нурлан стоял, оглядываясь и пристально всматриваясь в тьму ночной улицы, стараясь не упустить, если кто появится. На стоянке лампочка была только в будке сторожа, она освещала обычно сторожевую будку и малую часть стоянки близ будки, где располагались самые дорогие машины из имевшихся на стоянке, это умник-сторож сам догадался, потому что, чем дороже машина, тем дороже с него спросится, если что случится, это он хорошо понимал и потому дорогие машины держал поближе к себе. Но свет поздно ночью все же выключал, чтобы не мешал спать, заботился, значит, сволочь, о своем покое. Когда глаза Нурлана стали постепенно привыкать к темноте, он различил фигуру Махмуда, согнувшегося над принесенной канистрой, куда из бензобака не первой уже молодости «Вольво» переливал бензин. Он некоторое время наблюдал за действиями Махмуда, пока не вспомнил, что его задача озираться по сторонам, и опять стал вертеть головой, всматривая, если вдруг появится случайный прохожий, чтобы предупредить товарища. Ему было не по себе, он еще никогда ничего не воровал, и отец его, и брат никогда не воровали, не брали чужого, даже когда приходилось особенно туго, когда терпели нужду. А теперь он участвует в воровстве, и если даже сегодняшнее преступление сойдет им с рук, если, дай бог, ничего плохого не произойдет, как он завтра будет смотреть в лицо отцу, брату, которым, несмотря ни на что, несмотря на нелегкую их жизнь, никогда бы не пришло в голову что-то украсть, присвоить чужое, жульничать. Нурлана била мелкая дрожь от этих мыслей, и он даже перестал оглядываться по сторонам и перестал наблюдать за Махмудом, мучимый своими мыслями, и когда Махмуд неслышными шагами приблизился к нему, Нурлан вздрогнул от неожиданности.

– Пошли, – сказал Махмуд, – неплохой улов, целую канистру набрал-э. На, тащи... Теперь твоя очередь повкалывать.

Они торопливо стали удаляться от стоянки. Махмуд был в приподнятом настроении и все хотел похвалиться своей удачей перед еле тащившим тяжелую, полную до краев канистру с бензином Нурланом.

– Я еще зеркало снял с «Мерседеса», удачно получилось! – радостно сообщил он. – Плохо только, что эти суки стали бензобак запирать, там уже половина машин с бензобаком на замке. Если так пойдет, конец бизнесу...

Нурлан не отвечал. Он вдруг вспомнил, что это не первый случай, когда он крадет, но о том год назад случившемся происшествии, натолкнувшем его на воровство, он никому не рассказывал, ни брату, ни отцу. Да и вряд ли это можно было назвать воровством, он же ничем не поживился тогда...

В поселке было несколько продуктовых магазинов, и один из них на соседней улице – маленький магазинчик, куда ходили отовариваться жители близлежащих кварталов. Сафар, хозяин магазина, продавал самое необходимое для поселковой бедноты: хлеб, сахар, масло, несколько дешевых сортов сыра, подозрительного вида колбасу, консервы, картошку и все такое прочее, необходимые продукты на каждый день по относительно дешевой цене. В больших магазинах здесь, что гордо именовались супермаркетами, продукты стоили подороже, и потому этот поселковый магазинчик Сафара пользовался особой популярностью еще и потому, что хозяин отпускал товары в кредит; но кредитом могли пользоваться только те, кто имел работу, кто получал зарплату и мог в конце месяца или в начале, кто когда, при получении рассчитаться с ним. Безработные подобной привилегией в магазине Сафара не пользовались. Он знал свое дело, недаром был торгашом, хотя гордо называл себя бизнесменом, и долги покупателей аккуратно вносил в свою специальную тетрадку, чтобы не забыть, хотя в этом не было никакой необходимости, Сафар на этот счет отличался хорошей памятью, как и многие торгаши. Однажды мать послала Нурлана купить хлеба и картошки, дала денег, ровно столько, сколько стоили эти продукты в магазине, и Нурлан, поклявшись еще мелочь на жвачку и получив от матери подзатыльник вместо мелочи, отправился в магазин Сафара.

– Жвачку жуют после мяса или курицы, у нас сегодня нет ни того, ни другого, – напутствовала его мать вслед. – Так что нечего...

Нурлан, купив необходимое и расплатившись, уже выходил из магазина, когда вошла старуха, мать двух сыновей, один из которых погиб в Карабахской войне.

– Сафар, сынок, – обратилась она к хозяину магазина. – Знаю, мы задолжали тебе, но запиши еще в свою тетрадку, дай буханку заводского хлеба и полкило сахара, еще немного сыра... – старушка говорила заискивающим голосом, не смея поднять глаза на хозяина лавки. – Аллах тебя наградит.

– Та-ак, – проговорил Сафар, мельком глянув на старушку. – Посмотрим, сколько за вами, – хотя, судя по всему, наверняка отлично помнил долг старухи.

Он достал из ящика стола свою знаменитую тетрадку, полистал её, нашел нужную страницу, хмыкнул и сказал:

– Твой сын вроде сейчас уже без работы?

– Нет, нет! – испуганно пролепетала старуха. – Он на стройке сторожем будет теперь, не без работы, не без работы, – зачастила она, чуть не плача и неумело обманывая этого в её глазах всемогущего хозяина продуктовой лавки.

– Вот когда получит деньги, пусть придет, вернет старый долг, и тогда покупай, что хочешь, хоть весь магазин... – спокойно и равнодушно проговорил Сафар. – А пока иди в другой маркет, там, по крайней мере, вы ничего не должны.

– Да кто же мне там даст в долг? – запричитала старуха. – Мы же всегда у тебя... На тебя вся надежда, храни тебя Аллах.

– Ну, так я скоро вылечу в трубу, если буду бесплатно раздавать товары...

– Куда вылетишь? – не поняла старуха. – Сделай божескую милость, Аллах тебя не забудет, – стала молить старуха.

Целый день он был под впечатлением от слов старухи, думал, как же она будет дальше жить со своим сыном, не имея денег даже на хлеб, и среди ночи вдруг принял неожиданное решение. Он тихо, чтобы не разбудить домашних, поднялся с постели, оделся, вышел на улицу и направился напрямиком к магазину Сафара. Прямо над магазином на высоком столбе горел уличный фонарь, освещая вход в продуктовую лавку, но фонарь мог бы и не освещать, жители поселка были честными и порядочными людьми, хоть в большинстве своем и неимущими, и случаи воровства тут были крайне редки. Нурлан обогнул магазин и подошел к задней двери, откуда Сафар с рабочими обычно вносили ящики и мешки с продуктами в магазин. Дверь была на замке, но железные скобки, на которых висел замок, можно было легко снять. Нурлан вытащил из кармана отвертку, захваченную из дома, и, легко сняв скобки вместе с замком, проник внутрь магазинчика. Он на ощупь пробрался к столу, ящик которого оказался незапертым, вынул из ящика тетрадку Сафара, сложил её вдвое, засунул в задний карман брюк и поспешно вышел из магазина. На улице Нурлан приладил скобы с замком на прежнее место, неслышно постучал кулаком, чтобы прочнее сели гвозди в свои гнёзда, и торопливо покинул магазин. Была глубокая ночь, и улицы, по которым Нурлан возвращался домой, были пустынные – рабочий люд, усталый, спал глубоким сном, а безработные – тревожным.

Во дворе у себя Нурлан сжег тетрадку и долго ждал, пока плотная бумага переплета не сгорела окончательно. После этого он пошел и лег в постель. Начинало светать. Нурлана грызли сомнения в правильности своего поступка, он чувствовал, что, скорее всего, совершил глупость, и теперь понимал, что поступок его был продиктован больше эмоциями, а не разумом, и не был уверен, что поступил правильно, и эта неуверенность мучила и терзала его.

– Ты что молчишь? – подозрительно спросил Махмуд.

Нурлан вздрогнул, оторвавшись от своих воспоминаний.

– А... Тяжело? Ну, тащи, тащи... Мне еще завтра на трассе стоять, бензин продавать, вот продам, и получишь свою долю... На половину, конечно, не рассчитывай, но все же, неплохие денежки...

Хоть Махмуд и был воришкой, но слово свое сдержал. Нурлан весь следующий день между терзавшими его мыслями о том, что теперь он сообщник настоящего вора, нет-нет, да и задумывался, как бы его товарищ не надул, но тот честно принес причитающуюся, как сам определил, Нурлану сумму, понимая, что парнишка еще не раз может понадобится ему и обижать поделщика не годится.

Отдавая Нурлану мятые купюры, каких тот давно не держал в руках, он проговорил:

– Это от продажи бензина, держи... – и как бы между прочим, прибавил. – Тут у меня женщина одна в соседнем поселке, у неё бывают девочки. Я ходил к ним... Ты теперь при деньгах, если хочешь, поедем...

Нурлана это сообщение застало врасплох. Он заволновался. До сих пор голых женщин он видел только во сне и в своих мечтах, да и то фрагментарно, не целиком, потому что никогда в жизни еще не доводилось видеть голых женщин, и даже порнофильмы, порнушки, о которых с увлечением рассказывали некоторые из его одноклассников, имевшие дома компьютеры и Интернет, Нурлану никогда не доводилось смотреть, никто его не приглашал из школьных товарищей посмотреть такие фильмы.

И теперь предложение Махмуда сильно смутило его, смутило и растревожило. Как-то естественным образом мечта о велосипеде отодвинулась на задний план, заслоненная смутным видением женщины, которой, как утверждал Махмуд, можно было обладать, заплатив деньги. Он всю ночь не спал, решая, что же все-таки ему больше хочется, а к утру пошел к соседскому мальчику, хозяину велосипеда, и попросил его дать на несколько часов покататься, опробовать, чтобы не покупать кота в мешке.

– Я же должен знать, что покупаю... – сказал Нурлан, заранее волнуясь и нервничая, что может получить отказ, и невнятно пробормотал: – Кота в мешке... кота в мешке...

– Что-э кота в мешке? Что ты заладил?

– Не хочу кота в мешке... – как ему казалось, доходчиво пояснил Нурлан.

Мальчик подумал, оглядел Нурлана с ног до головы, будто впервые видел, посмотрел на свой велосипед, словно прощался с ним навсегда, и предупредил:

– Смотри-а-а, если что сломаешь, то это уже твоя забота, цену не сбавлю...

Нурлан кивнул, вывел велосипед за изогнутый руль с соседского двора на улицу и собирался уже влезть на седло, когда бабушка соседского мальчика крикнула ему вслед пронзительным голосом:

– Куда наш велосипед уводит?!

И тут же мальчик заорал нервно внезапно задрожавшим голосом, видимо, все же растревоженный своим не совсем обдуманном поступком, все еще колеблясь и злясь на себя, что дал себя уговорить и отдал велосипед в чужие руки:

– Не твое дело! Куда надо, туда уводят!

– Идиёт! – закричала в ответ старушка.

Нурлан, однако, был уже в седле и катил на встречу со своим товарищем и подельником Махмудом. Нурлан ехал на велосипеде, и сердце его радостно и в то же время тревожно стучало и трепетало, когда он любовался торопливым бегом спиц переднего колеса, которые сливались в одно сплошное солнце, отражая собой яркие утренние лучи, любовался крепким изогнутым рулем, обмотанным синей липкой лентой, чтобы легче было держаться, он с удовольствием ощущал под собой поскрипывающее седло, мягко подталкивающее его чуть вверх, когда он наезжал на небольшие бугорки на дороге, слышал в утренней тишине шорох колес под собой, и этот шорох был для уха Нурлана сейчас слаще и желаннее самой прекрасной музыки, он весь сливался с велосипедом, и велосипед, чувствуя такую безмерную любовь седока, ехал не спеша, вдумчиво, чтобы сидящий на нем прочувствовал, проникся, наслаждался всей прелестью езды. Махмуд тоже на велосипеде, опираясь одной ногой на землю, стоял у въезда в поселок и, завидев приближавшегося Нурлана, молча нажал на педали, и некоторое время они ехали молча рядом по асфальтовой дороге, ведущей к соседнему поселку. Нурлану много чего хотелось спросить у Махмуда, но он не решался, стеснялся и ждал, когда тот первым нарушит молчание.

– Хорошо, что удалось и зеркало продать, – сообщил, заговорив наконец, Махмуд. – Держи, твоя доля.

И он, достав из кармана, прямо на ходу, не останавливаясь, протянул Нурлану мятые купюры.

– Доля воровская, – проговорил Нурлан, вспомнив слова из популярной песни, и забрал у Махмуда деньги.

– А что тебе не нравится? Спрячь-э, пригодится, когда расплачиваться будешь с бандершей.

Нурлану хотелось спросить, что такое бандерша, и вообще порасспросить товарища о предстоящем им приключении, потому что для него, Нурлана, это и было приключением и исключительным событием, но он не знал, с чего начать, что именно спросить.

– А как там... вообще... все будет? – наконец, спросил он.

– Хорошо будет! – вдруг заорал Махмуд, видимо, от избытка чувств в предвкушении ожидаемого удовольствия, и, сильно нажав на педали, оторвался от Нурлана.

Нурлан стал догонять его.

Женщина жила на первом этаже двухэтажного дома, где на общий балкон второго этажа вела лестница и можно было, ни к кому не обращаясь за разрешением, подняться и походить по этому балкону взад и вперед. Нурлану это понравилось, и он уже хотел попробовать подняться по лестнице, но Махмуд потянул его за рукав к облезлой двери квартиры на первом этаже с новеньким, видно, совсем недавно вставленным глазком. Через этот глазок их долго рассматривали, прежде чем открыть. Махмуд, желая напомнить, что они все еще здесь, негромко постучал повторно, сразу было видно, что он тут свой человек. Дверь приоткрылась, и теперь их стали рассматривать через щель двери, закрытой на цепочку.

– Что смотришь, не узнала? – развязно спросил Махмуд, стараясь быть еще более наглым, чем был на самом деле.

Немолодая, лет за сорок женщина с всклокоченной прической, заспанная, запахиваясь в яркий халат, тарасила на них сонные глаза.

– А это еще кто с тобой? – спросила она Махмуда.

– Твой новый любовник, – нахально улыбаясь, сообщил ей Махмуд.

– Нет, нет, мальчикам нельзя, – сказала женщина, стараясь затворить дверь, но Махмуд вовремя подставил ногу, и дверь уперлась в его старый ботинок.

– Не хулигань, хуже будет, – предупредила женщина, и Нурлану после её слов захотелось убежать, он даже почувствовал небольшое облегчение от того, что теперь можно уйти, и не надо будет бояться неведомого, не надо будет ломать себе голову, как себя вести в подобной ситуации и что делать, он схватил Махмуда за плечо и уже готовился сказать ему приготовленные для этого случая слова, и пролепетал пересохшим от волнения языком:

– Давай уйдем...

Но Махмуд смахнул его руку с плеча, полез в карман и показал женщине деньги.

Женщина посмотрела на бумажки в потном кулаке Махмуда, нерешительно еще раз, теперь более внимательно окинула взглядом Нурлана и, открыв цепочку, нехотя проговорила:

– Ладно, только по-быстрому.

Они вошли. От женщины пахло потом, как и от Махмуда. Нурлан по примеру Махмуда, втащившего в помещение свой велосипед, тоже вошел в квартиру с велосипедом, но тут женщина громко закричала на них обоих:

– Это еще что?! Гараж вам здесь, что ли?!

– А где оставить? – спросил Махмуд. – На улице, чтобы сперли?

– Да кому нужна ваша рухлядь? – возразила женщина, но на этот раз более спокойно.

Махмуд не ответил, и велосипеды остались стоять, прислоненные к стене комнаты.

Нурлан огляделся – комната, куда они вошли, была крайне запущена, давно не отремонтирована, грязный потолок надо было освежить, побелить, старые обои поменять, оконные рамы обновить, сразу становилось ясно, что тут не было мужской руки, как у них дома, где отец Нурлана мог починить, побелить и покрасить в квартире все что угодно, когда оставался без работы и не знал, куда себя деть. Этой квартире давно требовался ремонт, и это било в глаза, но зато на кушетке и диване было множество пестрых, ярких подушек, красивых покрывал, кресла были покрыты новыми чехлами, тоже яркими, притягивавшими взгляд, в углу комнаты стоял кальян с золотистой гравировкой, из большой, тяжелой на вид вазы на столе торчали головки неизвестных искусственных цветов. Такая была комната. Махмуд тоже огляделся, но, видимо, не нашел то, чего искал.

– А где же девочки? – спросил он недовольным тоном.

– У девочек сегодня выходной, – пошутила женщина и коротко, хрипло посмеялась. – Шучу. Разобрали. Только к вечеру вернутся. Так что... Хотите, я обслужу? Тебе же не впервой, – обратилась она к Махмуду, снимая покрывало с дивана.

– Ну, раз уж приехали... – недовольным голосом проговорил разочарованный Махмуд.

– Ты мне одолжений не делай! – вдруг сердито прикрикнула на него женщина.

– Или хочешь цену сбавить? Цена всегда постоянная, так и знай.

– Ничего я не хочу-э сбавить... – сказал Махмуд.

– Вот и хорошо, – сказала женщина, моментально успокоившись, и протянула руку к нему. – Давай.

Она мгновенно переходила из одного состояния в другое, и Нурлану это показалось странным, он впервые встречал такую женщину, в ней словно было что-то настоящее.

Махмуд, достав из кармана брюк, всунул ей в руку несколько бумажек, женщина бросила на них взгляд, засунула деньги за бюстгальтер и, распахнув халат, тут же, как солдат, получивший приказ, легла на диван. Махмуд, приспустив брюки, лег на неё. Нурлан остался стоять, не зная, куда девать глаза, куда самому деваться – здесь, как оказалось, была только одна комната, а в углу этой комнаты было нечто вроде кухни: стояли газовая на две конфорки плита и железная с отбитой эмалью раковина под краном. Нурлан отвернулся и стал смотреть в окно: пробежала собака молча, не лая, потом прошла старушка с большой сумкой... Нурлан слышал пыхтение, сопение, кряхтение Махмуда, женщина же не издавала ни звука, как мертвая. Слыша за своей спиной возню и представляя себе, что там происходит, но не смея взглянуть, Нурлан весь обмяк, однако желание, охватившее его по пути сюда, когда он предвкушал, трепетал и боялся одновременно, прошло, и он почувствовал, что ему это не нужно сейчас и при таких обстоятельствах, почувствовал, что его интерес угас, растаял. И внезапно волнение, охватившее Нурлана, когда они только входили в эту квартиру, исчезло так же вдруг, он теперь был спокоен, и то, что происходило за его спиной, теперь ничуть его не волновало. Через минуту он услышал, как женщина сказала, обращаясь к нему:

– Теперь ты. Иди.

Нурлан обернулся, увидел Махмуда, застегивавшего брюки, женщину, лежавшую раскинув ноги не меняя позы, и сказал:

– Не хочу.

Тогда женщина поднялась с дивана, запахнула халат и спокойно произнесла:

– Не хочешь, не надо, – и, посмотрев на Махмуда, сказала: – Это бывает у мальчиков, он ведь в первый раз?..

Возвращались домой молча, ехали на велосипедах рядом, Махмуд поначалу приставал с вопросами, что-то спрашивал, хихикал, Нурлан не слышал его, не прислушивался, не отвечал, и тот вынужден был замолчать. Нурлан знал, что никогда больше не пойдет с ним воровать бензин и вообще никогда с ним никуда не пойдет.

У въезда в поселок стоял Самед и ждал брата. Нурлан притормозил велосипед рядом с ним. Махмуд, помахав им рукой, поехал дальше, что-то проорав на прощание.

– Что? – предчувствуя недоброе, спросил Нурлан. – Что случилось?

– Матери плохо, – сказал Самед. – «Скорая» приезжала. Лекарства разные выписали, надо купить... Иди домой, мать там одна... лежит... Пойду, посмотрю, может, у кого удастся занять...

Нурлан посмотрел на брата, полез в карман и протянул ему все деньги, что у него были. Самед, взяв у него деньги, пересчитал и вдруг строго уставился на брата.

– Откуда у тебя столько? – подозрительно спросил он. – Смотри-а-а! Ты связался с этим бездельником?! – он кивнул в сторону уехавшего Махмуда.

Нурлан не ответил. Самед не стал дальше выяснять, а, торопливо засунув деньги в карман, побежал в сторону поселковой аптеки. Нурлан посмотрел ему вслед, потом поглядел на велосипед, что держал за руль, погладил его по кожаному протертому сиденью и, не садясь в седло, повел велосипед рядом, как живое существо, как товарища, с которым успел за короткий срок крепко подружиться. Нурлан опять, как прежде, когда выезжал из поселка полный надежд, что наконец-то у него появилась возможность купить велосипед, любовно поглядывал, как переливаются и бегут под солнечными лучами спицы переднего колеса, слушал, наслаждался, упивался стрекотом колес и шорохом шин по земле, сжимал руками кожаные наконечники с двух концов красиво изогнутого руля, какжимают руку близкому существу, человеку, кого успел полюбить и с кем теперь приходится прощаться надолго, может, навсегда. Но теперь ему было грустно, бесконечно грустно.

Он подошел к двери соседского мальчика, хозяина велосипеда, и тихо постучал, рука была как неживая, но, пересилив себя, он вторично сильно забарабанил в дверь. На пороге тут же появился перепуганный соседский мальчик.

– Что?! – встревоженно закричал он, грубо вырывая велосипед из рук Нурлана и осматривая его. – Сломал?!

– Н-ничего я не ломал! – сердито ответил Нурлан, заикаясь от досады и злости, охватившей его. – Как взял, так и возвращаю.

Мальчик, закончив осмотр и убедившись, что поломок нет, спросил равнодушно:

– Ну и что решил? Покупаешь?

Нурлан хотел тоже спокойно ответить ему, что-нибудь придумать, но в горле стоял ком, и он не мог говорить. Тогда он, дрожа от бессильной ярости и несправедливости, с которой судьба постоянно обходится с ним, закричал в лицо соседского мальчика:

– Это плохой велосипед! Плохой!

И, торопливо отвернувшись, чтобы мальчик не видел его слез, побежал домой.

ХАНАЛИ КЕРИМЛИ

Будет поздно потом

Ох, бреду я в бреду всё с бедою своей,
За спиной мои слезы, что льются рекой.
Беспокойные души, туман, горизонт –
Вот друзья сирой жизни мне машут рукой.

Среди душ чье-то место пустует совсем,
Не хватает среди них лишь одной, лишь одной.
Исходил я всю землю туда и сюда,
Не нашлось мне по сердцу сторонки родной!..

Не осталось уж в мире добра, теплоты,
И границы порушились все навсегда.
Тот, кто хлеб раздавал людям бедным, больным,
Отвернулся от них – умерла доброта.

Человека зовут мирозданья венцом,
Ни изнанки его не понять, ни лица.
В новой маске мы видим его каждый день,
Позабыл человек наставленья отца.

Человек, мы куда всё с тобою идем?!
Присмотришь, этот путь наш – тупик, присмотришь.
Сердце храмом когда-то звалось, но теперь
Ни стыда не осталось, ни срама внутри.

Муравей и угод, и пчела, и паук
Сохранили в движеньях частичку Творца.
Человек охладел, потерял свой удел,
Стали сталью и камнем людские сердца.

Холодеет душа, как подумаешь вдруг:
Человек смог постичь ноль – таинственный круг,
Но себя самого не постиг, не достиг.
Его мысль мирозданье объемлет за миг,
Но не в силах объять горький плач, тихий крик!

Но осталась еще в нас крупичка любви,
И осталась слезинка еще, в горле ком.
Нам не вечно гостить здесь, пора знать и честь!..
Человечность ушла –
Будет поздно потом...

Этот поезд уже не вернется назад

Свою жизнь прожил я средь невзгод и тоски,
И она скорым ходом несётся к концу.
Словно поезд на миг задержал бег колес,
Испустил резкий свист, как во славу Творцу.

Этот поезд уже не вернется назад,
Нет у сил, чтобы мучить дороги-пути.
Моя вера преграды брала так легко,
А теперь поезд жаждет лишь с рельсов сойти.

Весом с целую жизнь груз таскал поезд мой,
Не роптал и одышки не знал поезд мой.
Попадал в ураган, прорывал и туман,
Никогда не терял свою честь и настрой.

Вот и всё, что осталось от жизни моей,
Пассажиры садились, сходили гурьбой.
Время кровью по жилам моим протекло –
Значит, больше не пой; значит, больше не в бой!

Остановка-итог, остановка-финал?!
Но ведь скрыто начало в финале пути.
Впереди меня ждет очень длинная жизнь
Без начала, конца, Боже, как ни крути...

Отражающий тайну, что любит мерцать

Свои стихи я кормлю и пою,
Словно птица, кормящая выводок свой.
Грусть с печалью и радость мне в помощь, когда
Я желанья души изъясляю строкой.

А желанья души – как таинственный знак,
Словно сердце в них бьются Вселенная, мир.
В каждом мире таком отыщу отчий дом,
Во Вселенной я, значит, не гол и не сир.

Воплощен целый космос во мне, сотворён,
Вне меня нет ни жизни, ни истины нет.
Я – Сират, тонкий мост, по которому все
В Судный день зашагают во Тьму или в Свет.

Мой конец и начало, по сути, одно,
Я вернусь вспять туда же, откуда истёк.
Меня встретит в конце этих странствий старик,
И ему я верну стародавний свой долг.

Всё, что ново, по сути, забыто давно,
То, что есть или будет – имелось и встарь.

Письмена мира нашего тщусь разобрать –
Невозможно прочесть, словно Бога словарь.

Я откуда пришел? – Это ведомо мне.
А куда я уйду? – Это дело Творца.
В моей каждой частичке сокрыт океан,
Отражающий тайну, что любит мерцать.

Порой

Закрываю я глаза,
Обращаю взор назад:
В свою душу, в свою память.
Что придется унести,
Что придется здесь оставить?

А порой совсем смолкаю
И хочу расслышать голос,
Что звучит как из колодца –
Совестью сей глас зовётся.
В свете совести своей
Честно я стремлюсь понять
Землю, горы, моря гладь.

А случается, порой
Затыкаю ватой уши,
Чтоб услышать свою душу.
Перед миром я не трушу –

Времени обманчив шум.
Он тревожит сердце, ум.
Я хочу расслышать время,
Что растёт внутри, как семя,
И даёт созреть поэме.

А ещё всем сердцем жажду
Услышать, как глас народа
Моего, что ныне страждет,
Станет голосом свободы...

Словом слову жизнь я дал

Разбросал свои стихи
Как зерно, что жаждет всходов,
В память века своего,
В память вечную народа.
Примет пусть зерно природа,
Сохраняя год из года.
Пусть стихи хранит земля,
За которую, любя,
Погибали сыновья.

Может, семена взойдут,
В колос обратится стих.
Может, семена умрут,
Выживет одно из них.

Только вовремя успел
Я посеять семена, –
Среди них моя надежда
На грядущее видна.

Жизнь моя в конце концов
Только это лишь сумела, –
Приносили робость ночи,
Но рассвет дарил мне смелость.
Дерева не посадил,
И путей не проложил,
И хибары не построил –
Просто не хватило сил...

Словом слову жизнь я дал,
Жизнь себе дал точно так же.
Чем владею, а чем нет,
Лишь грядущее покажет.

Тегеран, 01.06.2014.

Безумец ты...

У Всевышнего проси
Ты здоровья – вот и всё.
Если Он с тобой в ладах,
Будь уверен, что спасён.

Роскошь мира – лишь пустяк,
Был богатым – стал босяк,
Да отстрой хоть особняк,
Впереди лишь вечный сон.

Главное – себя понять,
Ярким пламенем пылать,
Если нечего сказать,
То, считай, проигран кон.

Долго я себя искал,
В слове суть свою познал,
Одолел девятый вал,
Истиной был напоён.

Есть амброзия, есть яд,
Может ранить резкий взгляд,

Эти строки – листопад,
Ветром каждый стих взметён.

Ханали, безумец ты!..
Ты испил святой воды,
И небесные сады
Низкий шлют тебе поклон.

Платан – краса родной земли

В одном из парков я увидел платан, сохнувший от жажды

О, платан, что жаждой мучим,
Кто не стал тебя поить?
Сохнут листья, шелест звучен,
Кто не стал тебя поить?

Все иссохли твои ветки,
И зачахли почки-детки,
Плачешь ты смолою едкой,
Кто не стал тебя поить?

Не клянeshь свою судьбу,
А возносишь лишь мольбу, –
Прочь всю эту голытьбу...
Кто не стал тебя поить?

Ты не даришь больше тень,
Наступил последний день,
Ветви к небу ты воздешь,
Кто не стал тебя поить?

Ты – краса моей земли,
Гордо высился вдали,
Ты – души моей разлив,
Кто не стал тебя поить?

Многое для нас ты значишь,
Сердце под корою прячешь,
По тебе я горько плачу,
Кто не стал тебя поить?

Горестна судьба платанов,
Им наносят только раны,
Перед смертью гордо встанут,
Кто не стал тебя поить?

Жадный сам умрет от жажды,
Пусть запомнит это каждый,
Повторять не буду дважды,
Кто не стал тебя поить?

Безымянные стихи

1

Вне меня – одна толпа
Балаганная, всё пёстро,
Не расслышать свой же голос.
Сердце – одинокий остров,
Нет родных на белом свете.
И над островом моим
Нет, не веет божий ветер...

2

Моя жизнь
Похожа на
Разукрашенную чашу.

Но разбита чаша эта.
Изнутри себе я страшен.
А снаружи – всем предметам.

3

У одних – теплые руки,
У других – сердца.
Первые не знают разлуки,
Тягостной скуки.
А вторые свой хлеб
Добывают в мýке...

4

Зима – весне,
Лету – весна,
Осени – лето,
И зиме – осень
Уступают свой черёд.
А я на этом поле боя
Страдаю от холода, зноя,
И жду, когда Бог заберёт...

5

Улыбку увидели на моем лице
И сказали: «Вот везунчик!
Не возьмешь даже тараном».
Загляните же мне в сердце,
Распахните эту дверцу:
Там одна сплошная рана...

Картина жизни

Человек покладистый,
Сердцем тоже мягок ты.
Дожил ты уже до ста,
Но как солнышко сияешь:
И улыбка, и черты –
Нет в них капли черноты.

Неспособен ты на зло,
Не обманешь никогда.
Неспособен ты на ложь,
Держишь в чистоте уста.

Целиком пожертвовал
Жизнь свою, свое добро,
Чтобы вечно в очаге
Тлели угли серебром...

Одного лишь ты желаешь:
Всем душевного здоровья,
Счастья, воли и покоя.
Для народа своего
Тоже просишь одного:
Мирно жить, прожить без боя.

Но устал ты, так устал
От обманов, злобы, козней,
От того, что мир разрознен...
Всё равно обид не держишь,
На людей ты не рассержен.

Для кого-то жизнь – лишь скука,
Для тебя – сплошная мука.
Сердца каждая струна
Скорби, горечи полна.

Лопнуть та струна готова,
Чуть услышишь злое слово.
Не услышал ты «спасибо»
От того, кого с колен
Ты поднял и образумил.
Средь толпы, живущей в шуме,
Ты живешь, всё понимая,
Кровью сердце обливая.
Вряд ли в наш железный век,
В век бесчувственных калек
Будет понят Человек.

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

ПЕРВЫЙ ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД – 90

АГАГУСЕЙН ШУКЮРОВ

О СУДЬБЕ КАЗАХСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПЕРВОГО ТЮРКОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА

В изучении истории литературы тюркских народов материалы Первого Тюркологического съезда, прошедшего с 26 февраля по 6 марта 1926 года в г.Баку в здании «Исмаилия» (в настоящее время здание Президиума НАНА – А.Ш.), имеют особое значение. Съезд, на котором были подняты такие проблемы и вопросы, как общетюркский литературный язык, создание нового алфавита, терминология, история, археология и т.д., стал важным событием в жизни республики.

В 2016 году в Азербайджане и в других тюркских республиках широко отмечался юбилей Первого Тюркологического съезда. Так, в столице Казахстана Астане в мае 2016 года прошел Первый Международный гуманитарный форум «Великая Степь», в котором приняли участие представители тюркоязычных республик, руководители международных организаций и дипломатические делегации, более 200 экспертов и ученых из многих стран мира.

На форуме были проведены обсуждения по темам «Научное сотрудничество и интеграция Евразийского пространства: поиск современных подходов», «Тюркология на новом этапе: Методологические подходы, современные технологии и межпредметные аспекты», «Современное тюркское этнокультурное наследие в интеграционном контексте», «Цивилизация Великой Степи: в общей и специальной теме», «Культуры Великой Степи и формирование человека в этой цивилизации». С интересом были выслушаны мнения известных ученых об истории, археологии, этнографии, фольклоре, литературе и искусстве, языковедении и терминологии, обсуждались вопросы, связанные с латинским алфавитом.

Модератором платформы по теме «Тюркология на новом этапе: методологические подходы, современные технологии и межпредметные аспекты» стал академик Иса Габиббейли, который выступил с докладом: «Процессы интеграции в тюркском мире: культурно-исторические традиции и современный период». В докладе было рассмотрено историческое и научное значение Первого Тюркологического съезда, освещена судьба 131 делегата, назван каждый участник по имени и народ, который они представляли, после чего участники съезда почтили память ученых-тюркологов. На собрании выступили с докладом профессор Сеульского университета Йонг Сонг Ли (Корея), старший научный сотрудник института Языкознания имени Ахмеда Байтурсунова Алимхан Жунисбек (Казахстан), президент Ассоциации Тюркского языка Мустафа Качалин (Турция), профессор Мичиганского университета Тимур Годжаоглу (США), профессор Стамбульского университета Осман Фикри Сартгая (Турция) и заместитель директора Филологического института Сибирского отделения АН РФ, профессор Наталья Широбокова (Россия). Выступавшие говорили об исследованиях, посвященных группе алтайских языков, о тюркских памятниках литературы и культуры, об общетюркском алфавите, о задачах и проблемах перехода на общетюркский латинский алфавит, об исторических связях современного тюркского мира и т.д.

В рамках Международного форума также прошло заседание Содружества Академий наук Тюркского Мира. По предложению академика Исы Габиббейли, после проведения юбилейных мероприятий в тюркоязычных республиках, в ноябре 2016 года в Баку была проведена финальная международная конференция.

Как известно, в работе первого Тюркологического съезда участвовал 131 делегат. Впоследствии около 120 его участников, ученых и мыслителей, были арестованы и физически уничтожены.

На историческом съезде за девять дней было проведено 17 собраний, заслушано 29 докладов, посвященных языку, истории, литературе и культуре тюркского мира.

Как было отмечено, решение провести съезд в честь Исмаил-бека Гаспринский (1851-1914) и Василия Радлова (1837-1918) имело важное значение в литературно-культурной жизни тюркских народов.

Из известных ученых-тюркологов на съезде с интересными научными докладами выступили Василий Бартольд (1869-1930) «Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей», Сергей Ольденбург (1863-1934) «Методы краеведческой работы среди тюркских народов», А.А.Миллер (1875-1935) «Об изобразительном искусстве тюркских народов», Фуад Кёпрюлю-Заде (1890-1966) «Развитие литературных языков у тюркских народов», Александр Самойлович (1880-1938) «Современное состояние и ближайшие задачи изучения турецких языков», Бекир Чобанзаде (1893-1938) «О близкой родственности тюркских наречий», Ханафи Зейналлы (1895-1937) «О системе научной терминологии», «О системе научной терминологии в тюркских языках», Артур Зифельдт-Симумяги (1889-1938), «О принципах образования научной терминологии в тюркских языках», Сергей Малов (1880-1957) «Изучение древних турецких языков», Фархад Агазаде (1880-1931) «Правописание в тюркском языке», Николай Яковлев (1892-1974) «Вопросы алфавита в связи с социальными и культурными условиями существования тюркских национальностей и проблема установления системы письма», Джамаледдин Мамедзаде (1864-1911) «О системах алфавитов тюркских народов», Исмаил Леманов (1871-1942) «Основы методики преподавания тюркских языков», Николай Поппе (1897-1971) «История и современное положение вопроса о взаимном родстве алтайских языков», Галимджан Шариф (1896-1950) «Арабская и латинская система шрифтов и вопрос о применении их для тюрко-татарских народностей», Теодор Менцель (1878-1939) «Итоги и перспективы изучения литературы анатолийско-балканских турок». Большой интерес с научно-теоретической точки зрения вызвали доклады видного ученого-языковеда и фонолога Льва Щербы (1880-1944) «Основные принципы орфографии и их социальное значение» и «Новейшие течения в методике преподавания родного языка». Армянский языковед Рачия Ачарян (1876-1953) в своем докладе «Взаимное влияние тюркского и армянского языков» основной причиной перехода с древнеармянского языка (грабара) на современный армянский язык (ашграбара) назвал влияние тюркского языка и обосновал свои выводы.

В работе Первого Бакинского Тюркологического съезда активное участие принимали и представители казахского народа, в своих выступлениях они коснулись тем, охватывающих многоаспектные направления в тюркологии: проблемы орфографии, алфавита, терминологии, методики преподавания; взаимосвязи родственных языков и проблемы интерференции; проблемы литературного языка тюркских народов, в том числе общетюркского литературного языка, теории древнетюркского языка и истории тюркских языков. Проблемы, вынесенные на обсуждение, в основном касались языкознания и не охватывали вопросов филологии.

В 1937-1940 годах по указанию И.В.Сталина алфавит тюркских народов был изменен. Переход на кириллицу и переименование названия языка стало составной частью идеологии тоталитарного режима и советской репрессивной политики.

Первый Тюркологический съезд дал стимул для расширения взаимных культурных связей между тюркоязычными народами, изучения проблем тюркологии. Съезд определил полиграфические и орфографические основы алфавита тюркоязычных народов, литературный язык, научно-терминологические вопросы. После съезда были написаны учебники на тюркских языках, проделана большая работа по созданию словарей. Известный русский ученый-востоковед XX века, видный языковед и тюрколог Андрей Кононов особо отмечал,

что «Научное значение решений съезда ни на один день не теряло своей актуальности».

Доклады и выступления, посвященные истории тюркских народов, тюркской этнографии, тюркского изобразительного искусства и сегодня не потеряли своего научного значения и отличаются своей исследовательской глубиной.

Первый Тюркологический съезд дал толчок и для работы в этом направлении в самых разных регионах. Так, под влиянием Первого Тюркологического Съезда прошли советские тюркологические конгрессы: в 1927 году – в Крыму, в 1928 году – в Самарканде, в 1930 году – в Алма-Ате; начиная с 1932 года проводились Конгрессы Тюркского языка: в 1976 году – в Алма-Ате, в 1980 году – в Ташкенте, в 1988 году – в Ашхабаде. Эти научные съезды сыграли важную роль в развитии и исследованиях различных областей тюркологии.

В этой статье мы проследим судьбу членов казахстанской делегации, участвовавших в работе съезда. Из Казахстана приехали 4 делегата. Еще один казах – Назир Торекулов – был приглашен на съезд из Москвы. Таким образом, Казахстан был представлен пятью учеными, просветителями и языковедами: Ахмедом Байтурсуновым (1872-1937), Элдесом Омаровым (1892-1937), Назиром Торекуловым (1892-1937), Билалом Сулеевым (1893-1937), Азизом Байсейидовым (1893-1955).

Общественно-политический деятель, просветитель, ученый лингвист, литературовед, тюрколог, переводчик **Ахмед Байтурсунов** (1872-1937) был известен как блестящий литературовед и педагог.

Начальное образование Ахмед Байтурсунов получил в моллахане в родном ауле, которую он закончил с отличием. Затем учился в двухгодичной Тургайской русско-казахской школе, после окончания школы уехал в Оренбург и поступил в учительскую семинарию, основанную видным просветителем Ибраем Алтынсаром. Несмотря на большие материальные и финансовые трудности, А.Байтурсунов в 1895 году завершил учебу и до 1909 года работал преподавателем в аульных волостных школах в Актюбинском, Кустанайском и Каркалинском уездах. Во время работы в Кустанайском уезде жил в доме лесника и женился на его дочери Александре, которая приняла ислам и взяла себе новое имя – Бадрафа Мамедсадыг гызы Байтурсунова. Семья, проживающая вначале в Кустанае, переезжает в Омск, а потом в Каркалинск, где и проживает до 1909 года.

В 1905 году А.Байтурсунов активно включается в политическую деятельность. Он один из авторов «Каркаралинской петиции», в которой были выдвинуты требования прекратить экспроприацию земли у казахов, приостановить поток переселенцев и учредить народные земства. В 1907 году он был впервые заключён в тюрьму за критику царской администрации, а в 1909 году А.Байтурсунов был вторично заключён на 8 месяцев без суда в семипалатинскую тюрьму. В 1913 году Байтурсунов вместе с бывшим депутатом Первой Государственной думы Алиханом Букейхановым и поэтом и писателем Миржакипом Дулатовым открывает в Оренбурге газету «Казах». Газета просуществовала 5 лет – до осени 1918 года. За это время она стала главным национальным общественно-политическим и научно-литературным изданием. В 1917 году на двух Общекиргизских съездах в Оренбурге Байтурсунов участвовал в создании казахской партии «Алаш» и был одним из организаторов и руководителей правительства Алаш-Орда. Позже он перешёл на сторону советской власти, более того, вступил в члены Коммунистической партии большевиков (ВКПб). С 1919 года был членом Кирревкома, наркомом просвещения, членом ВЦИК, КазЦИК, работал в газете «Аг йол», являющейся печатным органом ЦК Туркестанской КП, продолжал свою научную и педагогическую деятельность.

В 1926 году его освободили от занимаемых должностей и исключили из партии. В июне 1929 года ему припомнили прежнюю политическую деятельность, он был арестован органами НКВД, сидел в тюрьме в Гызыл-Орде, как и в царское время опять с Миржакипом Дулатовым, и выслан в Архангельскую область, а жена Бадрисафа Мухамедсадыковна и приёмная дочь Шолпан были отправлены в Томск. В 1934 году по ходатайству жены Мак-

сима Горького Е.Пешковой, работавшей тогда в комиссии Красного Креста, Ахмед Байтурсынов был освобожден. Тогда же он вместе с семьёй и уже тремя приёмными детьми вернулся в Алма-Ату и жил в доме, позже ставшем Домом-музеем его имени. В октябре 1937 года Ахмед Байтурсынов был снова арестован, а спустя два месяца, 8 декабря, расстрелян как «враг народа» по приговору тройки НКВД.

Только через 51 год после смерти – в 1988 году – он был реабилитирован.

Решающее влияние на мировоззрение и творчество молодого Ахмеда Байтурсунова оказало его знакомство в 1886 году с чувашским исследователем Алекторовым, который обходил казахские степи и собирал фольклор, изучал этнографию и диалекты казахского народа. Любящий родину беззаветной любовью Ахмед тоже начинает изучать географию родного края, образ жизни народа, собирает фольклор, ищет формы и методы хорошего и быстрого образования детей. С юных лет играя на домбре, Ахмед занимается и сбором народных песен, называемых казахами «жыр».

Ахмед Байтурсынов предложил проект реформирования арабского алфавита. В 1912 году он, исключив из арабского алфавита неиспользуемые буквы, включил в него необходимые в казахском языке буквы. Этот алфавит получил название «Jan emle» («Новая орфография»), которым до сих пор пользуются казахи, проживающие в Китае, Иране, Пакистане, Афганистане.

Политический деятель, публицист, переводчик, лингвист **Элдес Омаров** родился 29 февраля (в некоторых документах 1 марта) 1892 года в ауле Кожай Дамбарской волости Кустанайского уезда. Начальное образование получил в моллахане аула, после с отличием окончил Кустанайскую двухлетнюю русско-казахскую школу и позже – Оренбургское киргизское училище, по окончании которого учительствовал в ауле Добай Комекской волости Кустанайского уезда. В 1917 году он был утвержден членом комиссии по подготовке учебников. Элдес был одним из активных авторов газеты «Казах», издававшейся в Оренбурге. В годы гражданской войны Э.Омаров – председатель Кустанайского отделения и комиссар «Алаш-Орды» по Кустанайскому уезду. С начала 20-х годов трудился в школьном отделе Оренбургского комиссариата народного образования, позже преподавал в Казахском институте народного просвещения. Является автором школьного учебника. Жил и работал в городе Алма-Ата, был одним из авторов создания программы автономии Алаш-Орды.

Его коллегами и друзьями были видные деятели той поры: Ахмед Байтурсунов, Миржакыб Дулатов, Мухтар Мурзин, Жусиббек Аймаутов, которых, как и его самого, сочли впоследствии «врагами народа».

Элдес Омаров был сторонником разработки казахской письменности на основе арабской графики. Об этом он заявил и на первом тюркологическом съезде. Элдес Омаров был известен как знаток казахской устной литературы, а современники называли его «Казахским Ломоносовым». Став автором множества учебников по математике, алгебре, физике, тригонометрии, геометрии Элдес Омаров подготовил для детей и букварь («Alippe») с поговорками, с примерами из устного народного творчества, но не смог добиться его издания. Он был одним из первых исследователей научного творчества видного казахского писателя Мухтара Ауэзова.

Элдес Омаров прожил нелегкую жизнь, полную лишений. В первый раз он был осужден на 10 лет, которые прожил в ссылке в лесах Карелии. В 1933 году досрочно был освобожден, одно время преподавал в Медицинском институте, а потом в Казахском Государственном университете, не прекращая работы над новыми учебниками. Ему было поручено подготовить учебник казахского языка для врачей. 22 ноября 1937 года он снова был арестован, 1 декабря ему был вынесен смертный приговор, и он был расстрелян.

25 мая 1989 года прокуратурой города Алма-Ата видный сын казахского народа Элдес Омаров был реабилитирован.

Видный политический деятель, языковед, дипломат, публицист, филолог, первый посол бывшего Советского Союза в Саудовской Аравии **Назир Торекулов** родился в 1892 году в Ферганской области. Начальное образование получил в медресе «Джадид» и в русско-туземской школе, после чего окончил восьмилетнюю коммерческую школу в Коканде. В 1914-1916 годы (а также в 1922-1923 годах) учился на экономическом отделении Московского коммерческого института.

Сознавая, сколько бед принесет Туркестану российская колонизация, он открыто выступал против нее в статьях и докладах в ташкентских и московских изданиях. Колониальная политика не была заинтересована в культурном становлении края и тормозила его рост и развитие. Назир Торекулов страстно разоблачал все препятствия, чинимые на пути прогрессивных преобразований в Туркестане.

Н. Торекулов активно участвовал в создании печатного органа кокандского Совета депутатов «Халық газетасы» («Народная газета»), организовал выпуск первого номера журнала «Инкилоб» – органа ЦК Компартии Туркестана. Участвовал в издании и редактировании журналов «Вестник просвещения и коммунистической культуры», «Хакикат» («Истина»), «Билим очагы» («Очаг знания»), «Туркмен эли» («Туркменский народ») и др., распространившихся далеко за пределами Туркестана – в Кашгаре, Кульдже, Поволжье, Бухаре, Хиве. Был редактором газеты «Ак жол», «Вестника просвещения и коммунистической культуры».

С 1922 г. Торекулов работал в Москве.

С 1922 по 1928 год был председателем правления Центрального издательства народов Востока (Центриздат), возглавлял восточное издательство. Член Президиума Всесоюзной научной ассоциации востоковедения, заместитель ректора Института народов Востока.

Торекулов проявил себя как выдающийся просветитель, издатель, редактор и ученый-лингвист. Под его руководством Центриздатом было издано почти 60 млн. оттисков учебной, научно-популярной, политической, художественной литературы, публицистики, наглядных пособий на языках свыше 50 национальностей. В 1928 г. Центриздат выпускал 21 периодическое издание на 12 языках.

Участвуя в I Всесоюзном съезде учителей (1925 г.), Торекулов в своем выступлении поднял вопросы развития национальных культурно-просветительных учреждений, строительства национальных школ в регионах, развития женского образования, создания специальных профтехнических и сельскохозяйственных школ. Эти вопросы с одобрения делегатов были внесены в резолюцию съезда.

Значителен вклад Торекулова, как председателя Всесоюзной комиссии по ново-тюркскому алфавиту, в переводе тюркской письменности с арабского алфавита на латиницу. Он занимался также проблемой латинизации тюркских письменностей, являлся автором проекта нового тюркского алфавита (1923-1928), а также участвовал в работе 1-го Всесоюзного тюркологического съезда (Баку, 1926).

За поддержку Алаш-Ордынцев был обвинен в национализме, а 3 октября 1937 года был репрессирован и расстрелян.

28 января 1958 года реабилитирован Военной коллегией Верховного Суда СССР за отсутствием в его деятельности состава преступления.

Видный деятель, блестящий просветитель, в совершенстве знающий казахский, русский, татарский языки, **Билал Сулеев** родился в 1893 году в Капальском уезде Семиреченской области (нынешняя Талды-Курганская область). Он – один из основоположников системы образования Казахстана. После окончания учительской семинарии в Оренбурге Билал Сулеев какое-то время работал учителем. В 1918 году женился на татарке Фатиме Гаибовой, писательнице, прекрасно знающей русский, немецкий и французский языки. В ту пору Билал Сулеев был уже авторитетным работником просвещения, возглавлял Комитет бедноты, печатался в Казани. В 1923 году вступив в ряды Коммунистической партии, ра-

ботал на ответственных должностях в области просвещения и образования. С 1920 по 1929 годы, заведя Семиреченским областным отделом народного образования, Сулеев организовал открытие школ и интернатов во всех населенных пунктах области. В 1928 году, будучи ответственным Казнаркомпроса, Билал Сулеев совместно с Уразом Джандосовым приложили немало сил к созданию и открытию первого в Казахстане университета

В 1929 году семья Сулеевых переехала в Актюбинск. Билал работал заведующим облоно, Фатима преподавала в казахской школе № 6. Вскоре Билала назначили ректором педагогического института в Семипалатинске. Семья перебралась на новое место. В 1930 году по ложному доносу Билал Сулеев был арестован НКВД.

После освобождения в 1932 году он уехал в Москву, где занимался культурно-просветительской деятельностью на производстве. В 1934 году Б.Сулеева направили в Нукус для работы в Наркомате просвещения Каракалпакии, а в 1937 году он подвергся вторичному аресту и был расстрелян.

В 1958 году Билал Сулеев был реабилитирован Верховным Судом Казахской ССР.

Азиз Байсейидов родился в 1893 году в Зайсанском уезде Семипалатинской губернии. Окончил семилетнюю школу в Зайсане и учительскую семинарию.

В 1924 году вступил в ряды Коммунистической партии. Работал преподавателем в Ташкентском казахском институте просвещения (1919-1920). Жил в Аул-Ата, где работал в школе в (1920-1921), был директором сельскохозяйственного техникума (1921-1922), секретарем председателя Союза бедных «Кошчи» Аул-Ата (1922-1923), начальником отдела Народного образования (1923-1924), инспектором Сырдарьинского отдела просвещения (1924-1925), директором краевой инструкторской школы края в составе Академического Центра Народного Комиссариата Просвещения Казахской ССР (1926-1927). Создал автодорожный техникум в городе Семипалатинск и до 1935 года был его директором.

Азиз Байсейидов был обвинен в организации национальной группировки контрреволюционеров и арестован 28 декабря 1935 года. В 1937 году его осудили. После 5 лет отбывания наказания в исправительно-трудовых лагерях, в связи началом войны срок заключения Азиза Байсейидова был продлен до 1945 года. До 1949 года он работал в дорожном отделе города Улутау Карагандинской области. 3 мая 1949 года как «враг народа» снова был арестован, осужден на 10 лет и сослан на Колыму. В 1954 году в связи с отсутствием состава преступления Азиза Байсейидова вновь оправдали. Освободившись в 1955 году, он вернулся к семье, но через несколько месяцев умер.

В 1957 году в связи с отсутствием в его действиях состава преступления Азиз Байсейидов Верховным Судом Казахской ССР был реабилитирован.

В 2003 году прокуратура Восточно-Казахстанской области причислила Азиза Байсейидова к жертвам массовых репрессий и окончательно реабилитировала.

Ахмед Байтурсунов, Элдес Омаров, Назир Торекулов Билал Сулеев, Азиз Байсейидов остались в памяти казахского народа как просветители, посвятившие жизнь служению своему народу.

Перевод Натаван ХАЛИЛОВОЙ

МУРАД ИБРАГИМБЕКОВ

КАК ЛЕНИН ЗАКРЫВАЛ ДВЕРИ В СИНАГОГЕ

Рассказ

Когда он появился на свет, папа с мамой называли его Ленин. Звучало не вполне привычно, да и в семье никого так сроду не звали, но отец новорожденного пребывал в твердом убеждении, что в будущем имя это пойдет ребенку на пользу. К тому же имел место резон о собственной его, отца, партийной карьере. Так в свидетельстве о рождении и записали – Ленин Мамедов. Имя как имя, со временем привыкли. Рос Ленин ребенком крепеньким, не по годам физически развитым, а с возрастом сделался нрава своенравного и в чем-то диким. Отличался среди сверстников своих удальством и лихостью, с того самого момента, как ходить начал.

В те недалёкие от нас времена у всех мальчишек в квартале рогатки в почете были. Каждый по-своему свою рогатку сточить норовил, на то много способов имелось. Рогатка – вещь не простая. Известно было много способов, как рогатку сделать. У каждого на улице на то свой взгляд был.

Одни тетиву из резинок-венгерок крутили, другие из медицинских эластиков, кто-то из арматуры металлической остов предпочитал, а некоторые из обычной дёревяшки мастерили.

Ленин же для своей рогатки тетиву из осетровой хорды высушенной сварганил, по древней технологии сладил, как в старину тетивы для боевых луков делали (правда то или вымысел, не скажу, однако в учёных книгах о подобном информация имеется). А для остова рогатки гибкий корень дерева тутового раздобыл, и в растворе солёном его терпеливо вымачивал. Чудо, а не рогатка у мальчика получилась. А помимо рогатки знатной обнаружилась в пареньке меткость неслыханная. Сорванцы из рогаток своих пуляют да пуляют, а Ленин всегда впереди всех. Никто столько стекол оконных и ламп фонарных в округе не раскурочил, сколько Ленин. Как не стрельнёт, так сразу звон веселый да осколочков стеклянных россыпь, а в каждом осколочке мир ленинский отражается – родной город южный, ароматом эвкалипта, нефтепромыслов и многим еще чем наполненный. Очень по душе было маленькому Ленину в этом самом мире шепутным быть. К учебе же Ленин не проявлял должного для мальчика с таким многообещающим именем прилежания и учился из рук вон плохо.

А потом совершил Ленин ошибку, чуть не ставшую роковой, стрельнул он однажды, не подумав, из своей рогатки чудной в городской комитет коммунистической партии, в горком сокращенно. Дело не шуточное, не просто фонарь уличный расфигачил, а стекло оконное в партийном доме. Тут его, голубка, и словили. Словить-то словили, привели под белы ручки с понурой головой вместе с родителями в отделение милиции, а делать-то что?

Не возгласишь же прилюдно, что Ленин в горкоме стекла бьет – засмеют. Какое-то политическое непотребство выходит, блядство, можно сказать, а не идеалы марксизма-ленинизма. Не знали, одним словом, как с Лениным поступить. И тогда

один большой начальник, ответственности не избегая, за всех решил. Положил он отечески ладонь на голову сорванца и внушительно произнес: «Не балуй больше, маленький Ленин, ступай». Рогатку же ленинскую с осетровой хордой и корнем тутовым у себя оставил, на память или еще для чего, не скажу.

В тот раз пронесло. После, имя волшебное мальчика еще пару раз выручало, профилактическими беседами дело ограничивалось, но не могло же подобное до бесконечности длиться.

Мамедовых в городе много, а Ленин один. Как милицейский протокол составлять? Не напишешь ведь, к примеру, в официальной бумаге, Ленин курил анашу, или Ленин принес в школу нож, или Ленин угнал автомобиль. Ну никак не может Ленин автомобили угонять или старшеклассникам ножиком грозить, пусть даже за дело. Все равно непорядок идеологический. Для властей имя это обузой стало.

И тогда отца Ленина вызвали в самое главное партийное учреждение, что возле памятника одноименного, и по той самой партийной линии настоятельно порекомендовали имя ребенку сменить. Упирали на его, отца, партийную сознательность и грозили неприятностями на службе, а то по городу уже стали гулять политически вредные анекдоты на тему о реинкарнации вождя мирового пролетариата.

Не мог ленинский отец против партии идти, да и не хотел.

И лишили мальчика имени и нарекли по-иному, не так, как с рождения заведено было.

Маму Ленина это даже обрадовало, она с самого начала не хотела называть сына Ленином, а мечтала назвать его в честь дедушки. И со второго раза это ей удалось. Записали парня в документах повторно Мамедом и метрики новые выправили. Стал он Мамедом Мамедовым, но кликуха Ленин на всю жизнь за ним закрепилась. Ленин-Мамед зваться стал. В тот непростой период жизни мальчик талант особый в себе и обнаружил. Можно сказать, одарённость свою осознал.

Дело было так. Сидели как-то раз ребята соседские на пустыре, в кружке своем молодежном. В легком сизом дымке от папиросы вечеров коротали за неспешной беседой, как между добрыми знакомыми водится. И спросили Ленина наперсники по уличным делам и забавам, юноши, уже жизнь повидавшие и возрастом годков на пять Ленина постарше, не хочет ли Ленин вместо рогатки детской из настоящей волюны популять.

– Хочу, – с хитрым прищуром ответил Ленин.

И дали ему те ребята на пробу ТТ. Тут-то талант его и раскрылся в полном объёме. Пулял Ленин – любо-дорого поглядеть. Будто и не стреляет, а просто пальцем куда хочет тычет, а пуля туда сама дорогу находит. С первого раза, как ствол в руку взял, так за ним это и повелось.

Записался Ленин в кружок по стрельбе во Дворце пионеров. Стал он тир посещать, призвание свое нашёл.

Впервые за всю его жизнь мальчика в школе хвалить стали. Да как!

Гордостью школы Ленин сделался. А завуч, учитель по истории, человек строгий и бескомпромиссный, на педсовете так и заявил, вот как изначальное имя в Мамедике нашем проявилось, может, и не надо было мальчика переименовывать! Но с этим уже ничего к тому времени поделывать нельзя было.

На всех районных и городских соревнованиях побеждал Ленин-Мамед. По всем раскладам вскоре нешуточным спортсменом должен был стать, в том тренер во

Дворце пионеров на все сто процентов убежден был.

И вот пришло время на большие соревнования ехать, честь страны защищать, и не куда-нибудь, а за границу. Включили Ленина-Мамеда в список молодых спортсменов на кратковременный выезд за пределы родины. Пришли юные спортсмены, как заведено было, разрешение на выезд из страны получать в специальную комиссию, и Ленин среди них.

Под мраморным бюстом Ленина сидела та комиссия партийная и решала, кому можно за границу ехать, а кому – шиш. Люди ведь разные бывают, случалось, кого и не пускали. Но тут дело ясное было. Одна формальность. Дети, как-никак. Кому от Ленина-Мамеда за границей вред мог быть? Наоборот, если подумать, стране и обществу одна польза. Но затесался в ту самую выездную комиссию молодежный активист по имени Фазиль. Фазиком его все звали. В одной школе с Лениным учился, на три года старше. С детства ничем особо не выделялся, кроме как общественным рвением и комсомольской активностью, временами попросту непристойной. И решил тот самый Фазик, юноша подлый и карьерно чуткий, проявить принципиальность, или, как в те времена говорили, бдительность. Вроде всё своим чередом шло, и уже с отъездом всё на мази было, как вдруг в работу комиссии этот самый Фазик и встрял, спросил с пафосом неуместным:

– Разве можно человека, который имя свое высокое однажды не оправдал и переименован был, за границу выпускать?

Никем в том собрании не был, так, на побегушках, первые шаги по партийной линии делал, а вот поди ж, подгадил. Не пустили молодого стрелка в Болгарию. А ведь так хотел Ленин за границу повидать.

С детства Ленин-Мамед несправедливость не терпел. И в этот раз терпеть не стал.

– Если вы меня, по навету подлому, стрелять на соревнованиях юных снайперов в болгарский город Варна не допускаете, то и в тир ваш ходить больше не стану, другим путем пойду, – сказал Ленин.

В тот же день из секции спортивной во Дворце пионеров навсегда выписался и пошел другим путем. А почему б не сходить? Разве мало в городе южном мест приметных, где пострелять можно?

Из стволов разнообразных, отечественных и зарубежных, из макарова, ТТ, маузера, беретты и парабеллума пулял. С двух рук умел в цель попасть, и с движения также, не целясь, без промаха бил. На спор, под заклад или на просто так чудеса меткости показывал. Все диву давались.

А Фазика того, злокозненного, Ленин не забыл. Повстречал как-то раз на улице, тормознул и разъяснил доходчиво и иронично, о присущей комсомольцам, и Фазику в особенности, склонности к содомии и прочим анальным утехам. Терминов подобных, медицинских, не употреблял Ленин, да и не знал, но смысл текста неполиткорректного всем очевидцам той беседы понятен был.

Закручинился Фазик, а возразить не посмел, это ж не на собраниях выступать, тут душок требуется. Принял текст ленинский без возражений, сглотнул, и ушел, понурившись. Сглотнул-то сглотнул, но обиду на Ленина затаил на долгие годы.

Годы шли. Жил в том городе торговый человек по имени Йося Бехер, о нем и надо рассказать.

Вначале Йося был персонажем неприметным, мелким бизнесом промышлял. Пакетами целлофановыми приторговывал на углу возле городского банка. Вымени-

вал он те пакеты в порту у моряков, что в заграничье ходят. Много из того, чего в стране нехватка была, у моряков тех имелось: резинка жевательная, очки солнцезащитные, зажигалки, всего и не перечислишь, да мало ли чего за кордоном раздобыть можно. А Йося у них исключительно пакеты брал, специализация у него такая была. И ведь угадал Йося с бизнесом. Пакеты все иметь хотели, потому что человек, который с фирменным пакетом по городу разгуливает, совсем другой вид имеет. Пакет, вроде, вещь одноразовая, повседневная, но из-за этой самой своей повседневности пешеходу совсем иное качество придает. Как будто человек недавно из за границы приехал и случайно из дома вместо авоськи пакет захватил, по рассеянности. Толкал Йося пакеты, на которых задница с надписью Wrangler изображена, по пять рублей, а за те, на которых красный гоночный автомобиль, ему и все семь рублей отстегивали. На том Йося и поднялся. Завел Йося со временем универмаг, конечно, неофициально, официально при советской власти универмаг завести было никак невозможно, даже и помыслить о таком нельзя было.

Но при социализме в каждом магазине и ресторане свой директор, советской властью назначенный, имелся. Директор и был настоящим хозяином. Все про то знали, но виду не подавали, просто говорили меж собой, это лавка Йоси, к примеру. И у каждого директора в кабинете обязательно бюст Ленина стоял, и у Йоси такой имелся, на самом видном месте красовался.

Ленин-Мамед к тому времени тоже определенной величины достиг, был он человеком в определенных кругах уважаемым. Если споры какие-то или недопонимание промеж торгового люда возникали, к нему за советом обращались, рассудить просили, что Ленин-Мамед всегда и делал по совести. Конечно, если в тот момент его на воле застать могли, а такое не всегда случалось.

Пару раз Ленин-Мамед с Йосей пересекались, но не по делам, а так, случайно в одной компании оказывались, шапочно знакомы были.

Йося рассказчиком хорошим был, много баек забавных знал, а если и привирал иногда, то исключительно для поддержания интриги, а не из личной корысти. Байки его по всему городу расходились, что впоследствии его к беде и привело.

Зашел раз за одним столом разговор о женщинах. Каждый своё суждение и мнение высказал. А Йося помолчал, помолчал, а потом спросил с нескрываемым превосходством:

– А кто из вас хоть раз в жизни за писающую женщину пятьдесят рублей отваливал? А?

Пауза наступила, никто из присутствующих не знал, что ответить Йосе.

Только один робко спросил:

– Это как?

– А вот так, – гордо ответил Йося и самодовольно рассказал, как вез он три дня назад девушку на ужин в загородный ресторан у моря, и захотелось ей в туалет, так сильно, что ясно стало, что сухой ей до кабака никак не добраться.

– Что делать? Я машину на обочине остановил и сказал, ссы, Сусанночка моя ненаглядная. И как только она присела, в тот же миг менты подъехали, вот такое совпадение. Ну что ж тут поделывать, не протокол же им, служивым, составлять за нарушение общественного порядка, пришлось договариваться, целых пятьдесят рублей отстегнул.

Рассказал Йося случай этот, как он умел, с юмором и самоиронией ему присущей, в лицах изображал и ментов алчных, и Сусанночку, нужду стыдливо справляющую.

щую. Так складно изложил, что все с хохоту покатывались.

Весь город потом этот казус обсуждал, констатировало население окончательное падение нравов в правоохранительных органах, если теперь уже и за такое бабки слупить норовят.

Смех смехом, а Йосе тот анекдот дорожный боком вышел. Привлек он к себе внимание ненужное, начальство высокое вопросом задалось, это что же такой за работник советской торговли выискался, что за писающую тёлку на дороге такие деньги шутя отдаёт. Пришли в универмаг к Йосе с проверкой, да с не одной нагрянули, а сразу с несколькими приперлись. Но Йося – калач тертый, его так просто не прижмешь, сколько проверяющие не вынюхивали – никаких нарушений найти не могли. Все чин чинарем, по всей, что ни на есть, социалистической законности и правилам советской торговли. Весь товар, который в магазине имеется, учтен, переучтен, кассовый аппарат как часы тикает – чеки выдает, ни одного таракана на весь объект, все продавцы в комсомоле состоят, лозунги идеологические на стенах в нужном количестве развешаны, ленинский бюст в кабинете директора на своем месте красуется – не к чему придраться. Хотели проверяющие уже, как водится, взять за труды немного и откланяться, да тут в дело Фазик встрял. К тому времени, как дело происходило, Фазик, тот самый, что Ленину-Мамеду в юности поднагадил, вверх проскользнул по партийной линии, и в подобных инспекциях заметную роль играл. Вроде бы уж закончили проверять, и Йося уж выдохнуть хотел облегченно, предложить проверяющим перекусить на дорожку, да не тут-то было. Осенило Фазика или стукнул кто, неизвестно, да только встал Фазик перед бюстом ленинским, посмотрел пристально на лик гипсовый и произнес с расстановкой:

– А давайте, товарищи, Ленина этого обыщем.

И обыскали вождя изнутри. А бюст-то не простой, полый, а внутри монеты золотые и валюта. Йося, хитроумный, в бюсте ленинском сбережения свои хранил. Тут-то Йося Бехер и попал. Незаконное хранение валюты, ну и далее по списку ...

Вину свою Йося на следствии не признал, от клада найденного отрекся, как мог, на суде скором принципиально все отрицал, но срок получил.

К Ленину-Мамеду событие это касательства не имело, и потому в происходящее он особо не вникал, слышал, конечно. О Ленине йосином в городе много говорили, да что с того Ленину-Мамеду? Очередной курьез с торговым человеком приключился и только, умней прятать надо было.

Жил поживал Ленин-Мамед своей жизнью после очередной отсидки, на рожон без надобности не лез, на кусок хлеба хватало, и ладно.

Поехал как-то раз он в загородный ресторан ужинать и девушку с собой прихватил за компанию, чтобы её покормить. Дорога не близкая, захотела девушка по малой нужде нестерпимо. Остановил Ленин-Мамед машину на обочине пустынной и галантно в сторону отвернулся, чтобы спутнице своей не мешать. Подумал еще, только бы менты не нарисовались, лишняя головная боль ни к чему. Сделала девушка свои дела благополучно и чинно в машину вернулась. Тут бы и дальше ехать, да Ленину-Мамеду самому захотелось. И надо ж такому случиться, только он отлить начал, тут милицейский патруль и подъехал.

И ведь не виноват был Ленин-Мамед, дорога не людная, кому от того, что он нужду справил, вред, а ведь начали патрульные протокол составлять, в отделение отвезти грозились. Увещевал их Ленин-Мамед по добру, а все без толку. Никогда Ленин-Мамед несправедливости не терпел, и в этот раз не стал, вскипел. Так осер-

чал из-за всей этой ситуации нелепой, что уговоры свои и доводы разумные в сторону отставил, снял с бардачка автомобильного волыну свою и тех двух ментов на дороге ограбил.

Стволы их себе забрал, а ключи от их машины служебной далеко в степь закинул, чтоб искали.

Хлопнул дверью и уехал. Да только не удалось ему далеко отъехать. У патрульных тех с собой рация была, на пост сообщили. Повязали Ленина-Мамеда. А ведь такой вечер хороший намечался.

Дали на суде не по полной, не хотели те менты светить, что оружие у них Ленин-Мамед забрал, такое не приветствуется, промолчали. Вменили хулиганство и неподчинение, вообще-то ненадолго заперли, за такое могло и хуже быть, учитывая рецидив подсудимого.

Там, в тюрьме, Ленин-Мамед с Йосей и сошлись. Люди вроде и разные, Йося был не робкого десятка, но человеком торговым, а Ленин был не из робкого десятка вдвойне, но человеком торговым не был, отнюдь, коммерцией себя никогда не утруждал, забирал сам, бесхитростно, то, что надо для пропитания. Но было в них двоих что-то общее. Сдружились.

Шло время.

Так судьба распорядилась, что на свободу в один год вышли.

Йося первым, а Ленин-Мамед следом, через полгода, по амнистии освобожден.

Вроде и не первая отсидка у Ленина-Мамеда была, а в этот раз он не сразу к воле привыкать начал. Что-то на воле не так сделалось, поменялось, а что, разобрат Ленин не мог. Семьи у него не было, мать с отцом давно умерли, а обычный круг общения за годы, пока Ленин срок тянул, исчез вовсе. И особой нужды в таких людях, как он, не наблюдалось, прошла нужда в таких, как Ленин-Мамед – шепутных. Люди другими стали, а какими, он и сам сказать не мог.

По закону Ленин-Мамед на работу устроиться должен был и специальную справку о трудоустройстве иметь. Дело не сложное, всегда такой документ выправить можно было, а сейчас не так оказалось. Никто помочь не хотел, власть менялась, а на какую и как, никто не знал. Ждали.

А трудоустройство Ленину в то время позарез нужно было. За то время, пока он в тюрьме был, те два мента, у которых Ленин стволы отобрал, в начальство выбились. И затаилась в них на Ленина злоба, и не могли они её в себе притушить, потому что случай тот позорный промеж прочих ментов известен стал, и коллеги их уважать перестали.

И стали те двое Ленина терзать всякими проверками и не давали ему жить на воле по-людски. Два раза задерживали без составления протокола, а на самый Новый год в участке заперли. Предъявляли отсутствие прописки, а значит, и жилья городского. Хотя знали прекрасно, что живёт Ленин, хоть и без прописки, в коммуналке на углу Чапаева, где всегда и жил, где детство его прошло. А прописку городскую не ставили, потому что Ленин безработным был, а без работы был, потому что устроиться не мог, ну да я об этом уже рассказывал. Несладко Ленину приходилось.

В конце концов, при встрече он даже к своему дальнему родственнику мулле невзначай обратился, может, он, Ленин, при мечети числиться будет, на месте сторожа или кочегара? Отказал мулла, хоть и в дальнем родстве с Лениным состоял.

– Не могу, дорогой Ленин, время сейчас не простое, неизвестно, куда вывезет, в стране реформы идут, и как все обернется, никто не знает. Могу предложить тебе

иногда на разговение приходиться, по праздникам, поесть. А на работу взять, даже формально, для справки, не возьму.

– Ну нет, так нет, – вежливо сказал Ленин.

Вот так и вышло, что Ленин-Мамед не при делах оказался, а Йося, наоборот, сразу в вольную жизнь нырнул, так как во многих городских объектах долю свою еще до отсидки имел.

Но не был Йося счастлив на воле, не радовался жизни, как мог бы, терзало Йося несбыточное желание. Хотел Йося мир повидать.

Как-то раз Йося Ленина навестил.

И упомянул вскользь о лоере, слово для Ленина незнакомое было, но Йося его значение подробно растолковал. Лоером за границей адвокат называется. По Йосяным словам выходило, что бывают такие лоеры, которые человека от всякого обвинения отмазать могут, надо только такого лоера найти. И вроде за границей такой лоер у Йося уже имеется.

Для Ленина в этом секрета не было, он пару таких адвокатов лично знал, обходились они очень дорого, потому что вместе с адвокатом надо было судье и другим судебским щедро платить.

Но Йося говорил о другом, он этот разговор не случайно начал, и к Ленину на огонек не просто так заглянул. Свинтить Йося из страны мечтал. А сделать это Йося никак невозможно было, с судимостью из страны ни под каким видом не выпускали, закон такой был.

И как-то Йося осенило, что если он приобретет билет на внутренние авиалинии и полетит в самолете в качестве пассажира, не пересекая государственных границ, в другой город, а самолет этот вдруг, вместе с пассажирами, кто-то возьмет и угонит за границу, то Йося возьмет и там за границей останется, вместе с деньгами. А потом наймет Йося лоера и этого угонщика на суде отмажет.

Йося Ленину предложение сделал, потому как знал, что Ленину доверять можно и что Ленин с таким делом справится. В детали плана Йося Ленина не посвящал, принципиальное согласие получить хотел. Подумал Ленин и спросил, а сумеет твой хваленый лоер меня обратно на родину вернуть после угона. Удивился Йося вопросу товарища, но ответил честно.

– Вернуться ты, Ленин, при желании и без лоера сумеешь, но только на пожизненное, и то, если повезет.

Не захотел Ленин переезжать, отказался от той работы. Сказал, что для него и на родине, вне свободного мира, свободы предостаточно. И ведь вправду, Ленин везде свободен был.

Вскоре Йося дело Ленину и без угона нашел. А случилось это так. Зашел как-то раз промеж Йосяных друзей разговор о том, кто будет новым шабес-гоем в городской синагоге. Прежний шабес-гой в другой город переехал, и вакансия эта освободилась.

У евреев так заведено издревле, что после молитвы пятничной, шабат тот день называется, делать ничего руками нельзя. Традиция такая, никакими механизмами до субботнего вечера пользоваться не допускается вообще. Можно только книжки читать, да и те на религиозные темы, а детективы нельзя. Потому евреи среди своих в синагоге одного человека не еврейской веры держат. Он-то, когда все молиться закончат и по домам разойдутся, всё нужное в синагоге и сделает. Свет выключит, отопление отрегулирует и двери в синагоге закрывает. Потому что и двери закрывать

евреям в шабат нельзя, ведь дверь с петлями тоже механизм, а уж замок с ключом и подавно. Это и есть редкая профессия – шабес-гой.

Йося к этому никогда особого отношения не имел, человеком он был не религиозным и синагогу посещал не часто, от случая к случаю, скорее по делам коммерческим и общения ради, чем для молитвы и других клерикальных таинств. Хотя общине Йося всегда, чем мог, помогал, а мог помочь он только деньгами, на то он всегда не скупился.

Многие из евреев своего человека на шабес-гоя предлагали. Вначале Йося в дискуссию не вступал, был от всех этих синагожных дел и интриг далек, а потом подумал, а чем не работа для Ленина-Мамеда. И кандидатуру друга своего на должность выдвинул. А синагогальные люди ни в какую не хотят Ленина-Мамеда на работу брать, у каждого своя кандидатура на примете. Должность-то завидная. Тут уж у Йоси соображения престижа разыгрались. Неужели у него авторитета нету достаточного, чтобы хоть один раз в синагоге родной своё решение провести? Впрягся он в дискуссию не по-детски.

– Дайте должность Ленину! – вскричал Йося. – А не то не дам я денег на хануку. А ханука, праздник такой еврейский, уже на подходе был.

– Но, Йося, если ты не дашь денег, дети останутся без ханукальных конфет, и на остальное тоже может не хватить, – возопили прижимистые в большинстве своем прихожане.

– Дети получают конфеты, – стоял на своем Йося. – А Ленин должность!

Спорили, спорили и решили собеседование провести. Пошел Йося за Лениным-Мамедом. Нашел того в чайхане, возле мечети, сидит Ленин один, чай пьет, грустит.

– Так и так, – говорит Йося, – работа для тебя есть.

Обрадовался Ленин-Мамед.

– Работа мне сейчас позарез нужна. Что за работа? – поинтересовался. – Не самолет ли опять, случаем?

Растолковал ему Йося, что к чему, а Ленин-Мамед ни в какую не соглашается.

– Какая такая синагога? Я и в мечеть-то не хожу. Что мне в вашем еврейском храме делать?

– Двери закрывать будешь! Электричество выключать, ну и так, по мелочи... Раз в неделю. За бабки. На работу трудоустроишься, чтобы нелегкие времена пережить, – терпеливо Йося свою линию гнул. – На договор возьмут.

В конце концов уломал. Пришли они на собеседование.

А за то время раввин, священник по еврейской линии, тоже справки о Ленине навел. Пошел он к своему давнишнему приятелю, тому самому мулле соседской мечети, и все о Ленине-Мамеде выведал. Не сказать, что сведения эти его очень уж порадовали, но и отторжения особого не вызвали. Люди разные бывают, а что Ленин-Мамед человек правильный, хоть и непростой судьбы, он и без мульты знал. Город не большой, все друг про дружку всё выведать норовят и информацией обладают. Так что кандидатура Ленина особого возражения раввина не вызвала, да и с Йосей отношения портить ему не резон было.

Привел Йося Ленина-Мамеда на собеседование, знакомиться.

Познакомились. Хотя кое с кем из собравшихся Ленин-Мамед и до того знаком был. Одного из работодателей он давным-давно на мушке держал. В тот раз, много лет назад, человек тот, по неразумению юношескому, первым за стволом своим потянулся, но Ленин-Мамед его упредил, быстрее свой достал, чем, возможно, человека

от беды роковой уберег.

Он держал на мушке это лукавое лицо, и глаза человека смотрели на него чуть искоса, через ствол, который Ленин-Мамед аккуратно вставил неразумному в рот. И произнес Ленин своим теплым бархатным баритоном:

– Долги возвращать надо, сволочь, – и забрал часы «сейко» и деньги, которые человек уже год как за бензоколонку должен был.

Конфликт тот Ленин-Мамед уладил, а человек упомянутый с тех пор за ум взялся. Навязчиво пунктуален и точен в денежных вопросах стал, чем всеобщее уважение в деловых кругах снискал. Он за кандидатуру Ленина тоже проголосовал с воодушевлением.

Прошло собеседование с успехом, сделался Ленин шабес-гоем по договору и стал в синагоге по пятницам, после молитвы двери ключом запирает. Работа не сложная.

В городе делить людей по этнической принадлежности не принято было, жили вперемежку, на национальную принадлежность внимание не обращая. Узнал Ленин, что большинство еврейских семей в город в начале века из Украины переехали. От погромов спасались. Так и его, ленинская семья, сюда в тот же исторический период перебралась, после того как банда армянская их село вырезала. Люди в большинстве своем в синагоге собирались славные, и вскоре стал Ленин-Мамед промеж них своим.

...

А время на месте не стояло, и всё с каждым годом другим становилось.

Власть менялась, и хоть каждая новая из прежней выходила, но на саму себя прежнюю непохожей делалась.

Взять, к примеру, коммерцию, то торговать нельзя было, а теперь вдруг можно.

Или вождь мирового пролетариата Ульянов-Ленин, то был живее всех живых, а тут: раз – вурдалак какой-то и монстр.

То был человек потомственным пролетарием и коммунистом, а теперь выясняется, что дедушка его знатный нефтепромышленник и абсолютная жертва революции.

Еще недавно все атеистами были, а теперь, как по расписанию, стали в храмы ходить. И что интересно, кто недавно о ленинизме-марксизме людей поучал, так он же теперь и в религии лучше всех разбираться стал, знает, что почём и как!

Менялся квартал в укладе жизни и порядках своих, а люди те же были, и никто особо не протестовал и даже метаморфозы эти вроде и не замечал.

Ленин и помыслить не мог, что мирозданье может так быстро меняться, и делало это Ленина беспокойным и тревожным, а чувства эти были ему неприятны.

Взять того же Фазика, от партийной линии отошел, в религию ударился, и так истово, что все диву давались, откуда в советском партийном работнике такой молитвенный энтузиазм взялся. Даже на людях пить перестал, на свадьбах голимым шербетом тосты поднимал. Зараз правоверным заделался, как будто и не было за плечами комсомольского стажа юного ленинца. Почуял шельмец, что хана ленинским идеалам. А всем хоть бы что. Плюнуть Ленину хотелось, а зачем, да и в кого, если все улыбаются и делают вид, что все в порядке.

Может, и правда: метаморфоза – дело личное?

...

Как-то встретились на улице мулла с раввином.

– Как дела, равва?

– Как дела, хаджи?

– Не ахти, равва, хреново дела, – искренне поделился мулла.

И рассказал он, что с недавнего времени повадились в мечеть чужаки, которые учат молиться по-другому, не как всегда заведено было. И что привносят те люди обычаи и правила, для него непривычные, и делают это навязчиво и агрессивно, и сладу с ними нет никакого. И что страннее всего, главный среди них бывший партийный, с детства молла его знал, на соседней улице вырос, Фазиком его все называли.

– Жаль, что нет с нами Ленина, он бы на них управу нашел, – с грустью констатировал мулла.

– Да уж, – согласился раввин. – Ленин теперь закрывает двери в синагоге.

...

Сменились времена в очередной раз – открыл режим границы. И все, кто хотел свалить, поимели такую возможность с комфортом. Стали евреи массово уезжать. На каждый шабат всё меньше людей приходило. Один за другим прощаться приходили, все Ленина в гости на новое местожительство приглашали, обещали писать и не забывать. И тот персонаж, которого Ленин на мушке держал, прощаться пришел перед своим отъездом к родне в солнечные Майами. Вскоре и Йося в дорогу собрался.

– Самолет уже угонять не придется, давай с нами, друг, – предложил он.

«Езжайте, – подумал Ленин, – доброго вам пути, от всего сердца, друзья мои. Счастья вам в чужих краях, даже если вы не любите эту землю, как люблю её я. Уезжайте, а я останусь и буду закрывать двери в вашем храме, даже если храм опустел, и вас в нем уже нет. Потому что это мой город, и храм это мой, как и ваш, потому что Б ог един», – мог бы продолжить свою мысль Ленин, но подобные философские конструкции были ему неведомы.

– Нет, дорогой, не поеду, – просто ответил он. И не поехал.

И раввин не поехал, он совсем старенький был, и все могилы его тут были, не хотел он их оставлять, покойников своих. Меньше чем через год остались в синагоге двое, раввин и Ленин.

Как-то раз, в пятницу, закрыл Ленин синагогу и пошел домой. Шел он по улице, думал о своем, а навстречу Фазик с многочисленной компанией приятелей своих повстречался. Могли б мирно разойтись, Ленин в его сторону и не глядел даже. Так нет, Фазик в тот день силу свою почувствовал, восемь против одного выходило.

– Как дела, синагога? – спросил Фазик, не поздоровавшись, и сплюнул. Мог Ленин кивнуть и мимо пройти, но развязности Ленин-Мамед никогда не терпел и в этот раз терпеть не стал.

Остановился для беседы. Окружили Ленина. Может, и обошлось бы, и не такое обходилось, но то давно было. Возраст о себе знать дал. Прошло ленинское время. Не успел он свой ствол с кармана снять, опередил его один из дружков Фазика. Семь раз спину ленинскую ножом проткнул.

...

– Я же ему говорил, ехать надо, – сказал Йося, когда о случившемся узнал, и горько заплакал.

ДИНАРА КАРАКМАЗЛИ

М Г Н О В Е Н И Я

Тайна моря

Почему люди любят море?..
Потому ли, что оно изменчиво и величаво?..
Изумрудные, стальные, синие краски
То и дело сменяют друг друга.
Гексаметр волн неизбежен –
Накатывает и накатывает.
А ты стоишь на берегу и ждешь повтора...

Немая речь

Еду с ним в машине
и мучительно соображаю:
о чем бы таком рассказать,
чтобы растопить лед?..
Открываю рот –
и опять не в тему...
У матери и сына
уже совсем разная жизнь?..
Разве не я, увидев его во сне,
вскакиваю, будто меня ударяет ток,
и молю Танры,
чтобы был к нему милостив и добр?
Разве не я из легкой пыльцы взрастила этот цветок?
За́ ночь
по сто раз просыпалась у его колыбели,
сторожа его сон...
Разве не я поила его из родников любви?..
Еду в машине,
И сердце не мое, и язык не мой.
Одно меня успокаивает,
что молчание тоже – речь.
Молча, без слов, любя,
кровь родная говорит сама за себя.

Взгляд со стороны

Почему нельзя посмотреть на себя,
как на дерево на пути?..
Гляжу на чинару и наглядеться не могу:
сгибает ее ветер,
согнуть не может...

Бессонница

Не сплю по ночам...
Включаю ТВ
и слышу –
что на границе
вновь обстреливают наши села,
гибнут невинные люди....
Слышу –
как «цивилизованные» европейцы
сжигают временные убежища беженцев...
Слышу –
как Америка угрожает Ирану,
а Иран – Америке...
Слышу –
как на берега Новой Зеландии выбросились киты...
Вероятно, и к ним каким-то образом
добрались вести о дьявольских кознях человека.
Кругом война, война, война...
Мир стал таким доступным для нашего мозга –
отнимая у людей сон,
отнимает думы о собственной судьбе.
Выхожу на балкон
и вижу, что и в соседних домах
лихорадочно светятся окна –
там тоже не спят...
Видно, и там люди глотают извне
информацию,
информацию,
информацию...
А из-за синего моря
уже восходит алое солнце...
Неужели на свете не осталось человека,
который видит это
и прислушивается к своей душе?..

Борьба с улитками

Нашествие улиток на сад
грозило смертью виноградным кустам.
И тогда, собрав
эти крошечные безъязыкие создания,
я бросила их
на кучу сухого хвороста и подожгла.
Я слышала потрескивание древесных сучьев,
но не слышала криков улиток –
улитки умирали молча.
Молча ли?..
Соседская девочка, помогавшая мне в сборе улиток,
отнесла их в глубь степи
и оставила там...
Мне стало не по себе.
Ведь уши имели мы обе –
неужто она
услышала крики улиток?

* * *

Тщетно пытаюсь разжечь костер –
мокрые поленья не горят.
Влажные ветви дымятся, дымятся –
и затухают.
Так и мои неокрепшие чувства
не хотят гореть...
Их пока еще не обдал ветер,
они еще не просохли на солнце,
не прошли дорогами испытаний –
огнём огонь разжигают...

Мгновение

Мальчик застыл,
притворившись деревцем.
И по руке его
пробежала золотистая белка.
Она решила, что руки его –
это ветви дерева...
Благодаря этой бесхитростной игре
пережил он
прекрасное мгновение жизни.

Рисунки на воде

Рисунки на воде –
легкие, прозрачные.
Ничего не стоит стереть их
кончиками пальцев...
Вот солнце, дерево, птицы,
вот я...
(Я – ничья?..)
Рисунки на воде –
непостижимые узоры жизни.
Некто незримый, играя,
рисует на воде, стирает...

Дремлющее сердце

Из когтей оцепенения
сердце хочет – и не хочет вырваться...
Уже не мечтаю о кругосветном путешествии –
только в мыслях все еще вижу
Антарктиду, джунгли, тундру...
Все те экзотичные земли,
Которые – увы!.. – никогда уже не увижу в этой жизни.
А над головой пролетает птица,
Которая все это видит...

ЭМИЛЬ АГАЕВ

Он ни перед кем не гнул шею

Это не очерк, не репортаж – информационно-аналитический бэкграунд. Он был написан сразу же, по горячим следам события, потрясшего весь Азербайджан – убийства выдающегося ученого и выдающегося человека Зии Буниятова, с которым я, как журналист, не раз встречался, которого хорошо знал.

Штрихи биографии

Будучи уроженцем Астары (город на юге страны), он вырос в Баку, учился в Москве. С детства верховодил во дворе, отличался твердым, упрямым характером. Умел не только быть во главе драки, но и с невероятной смелостью драться сам. Именно поэтому он пошел в военное училище, которое закончил как раз в 1941 году, к началу войны.

Но и став профессиональным военным, он не научился безоговорочно подчиняться приказам и высказывал свое мнение, не считаясь со званиями. Даже как-то побил одного высшего офицера, за что попал в штрафной батальон. Правда, в качестве командира. Его штрафники в бою выказывали чудеса героизма.

Звание Героя Советского Союза получил за бои под Варшавой. Несмотря на сильный обстрел, его рота сумела удержать мост и обеспечить проход войск. Из 670 бойцов в живых остались 47. Это был не единственный воинский подвиг Буниятова. Рассказывают, еще до Варшавы он представлялся к званию Героя, но за строптивость и непослушность по отношению к начальству звание хотя и получил, его у него отняли (бывает и такое!).

Он продолжал воевать, драться и после войны. Как человек и как ученый.

Автор этих строк был свидетелем партийной конференции в Академии наук, когда Зия Буниятов с трибуны демонстрировал груды писем и телеграмм в его адрес с угрозами и оскорблениями и говорил, обращаясь к сидящим в президиуме представителям ЦК: «Примите меры. Обратитесь в Политбюро в Москву, чего вы боитесь?» Речь шла об организованной травле Буниятова, публикующего все новые труды и средневековые источники, в которых опровергались исторические фальсификации и мифы по истории Азербайджана и Кавказа. В армянской прессе даже появился термин: «буниятовщина». Было это задолго до Гарабаха, в 60-х годах.

Но Буниятов воевал не только с националистически настроенными армянскими авторами. Он публично высмеивал и своих «ученых», которые искусственно «удревляют» свою национальную историю.

В Академии наук Азербайджана ходят легенды о том, как он поступал со своими коллегами за те или иные проступки или недобросовестность. Его выступления на сессиях АН и ученых советах, отличавшиеся резкостью и прямотой, меткими словами и характеристиками, потом передавались из уст в уста. Он был во всем человеком слова и дела – вплоть до мелочей. Так, известна история о том, как Буниятов побил одного из сослуживцев...в кабинете президента Академии. За то, что тот закурил в комнате, где сидели женщины, несмотря на запрет. Увидев, как со своего места угрожающе поднимается Буниятов, закуривший бросился бежать. Преследуемый Буниятовым, он вбежал в кабинет президента и спрятался под столом, думая, что это его спасет. Но не спасло. Буниятов вытащил его, хладнокровно спросил: «Я предупредил, что побыю того, кто закурит?». И побил – на глазах у президента!

С началом гарабахских событий Буниятов – в первых рядах национально-освободи-

тельного движения. На трибунах и митингах. Несмотря на то, что в Ереване и Степанакерте его объявили врагом номер один, несмотря на опасность совершения в отношении него теракта, он был в местах массового скопления людей. На первых порах помогая народнофронтовцам, Буниятов вскоре называл их не иначе, как «ефрейторами и сержантами».

На какое-то время Буниятов отошел от активной политической жизни, вернувшись в архивы. Написал серию статей о репрессированных в 1937 году азербайджанцах, а также свою последнюю книгу – о премьер-министре Азербайджанской Демократической Республики Хойском (к слову, также убитом в результате террористического акта).

В пору гонений на Гейдара Алиева в Москве и Баку открыто заявил, что Алиева необходимо вернуть. Поехал к нему в Нахчыван, где морозным ноябрем 1992 года прошла учредительная конференция партии «Ени Азербайджан», на которой он был избран заместителем председателя. Более того. На первых порах заседания правления «Ени Азербайджана» в Баку в силу того, что тогдашнее руководство страны эту партию не признавало, проходили в академии, в его рабочем кабинете....

Он никогда и ничего не боялся.

Убийство

«Невиданное», «невероятное», «совершенно неожиданное»...Этими и другими подобными эпитетами сопровождает местная пресса сообщения об убийстве Буниятова.

К той же терминологии прибегают и президент Гейдар Алиев в речи на церемонии прощания с покойным: «Ужасное событие. Трудно себе представить такое».

Возможно, убийство столь смелого, бесстрашного человека не воспринималось чисто ПСИХОЛОГИЧЕСКИ.

Убийство было совершено с демонстративной жестокостью и «подтекстом». После нанесения четырех ножевых ранений бандиты не просто выстрелили в него – выстрелили ему в рот. В смысле – не будешь больше говорить НИЧЕГО ЛИШНЕГО...При этом явно были следы борьбы уже далеко не молодого ученого с несколькими бандитами – он отчаянно сопротивлялся, и убийцы, несмотря на неожиданность нападения, не сразу смогли справиться с ним!

В интервью, данном телекомпаниями АНС, на месте убийства через несколько часов после него генеральный прокурор заявил, что «даже киллеры могут растеряться» (его мужественным сопротивлением или же самим сознанием того, КОГО они убивают!).

Хронография последнего дня: с 8.30 он – в Институте востоковедения, на работе; с 11.20 выехал на заседание Милли меджлиса; во время перерыва ездил в президиум Академии наук, затем, с 16 и до 18, вновь участвовал в заседании парламента.

По словам водителя, ничем не был озабочен, выглядел, как всегда. Только сказал, направляясь на перерыв, что успели рассмотреть только 6 из 95 статей обсуждаемого законопроекта (о Конституционном суде). Выходя из машины, положил в карман лампу, которую купил.

Сотрудники института и Милли меджлиса подтвердили то, что покойный не выглядел в тот день озабоченным, был, как всегда, спокоен и хладнокровен, шутил. Читал газеты («Известия», «Аргументы и факты», «Московские новости», местную прессу).

Версии

Буниятов, как человек независимый, был до конца честен и дисциплинирован. Считался одним из самых аккуратных и активных депутатов. Не раз в парламенте и в прессе он говорил о коррупции и воровстве в армии. Собранные им факты о нарушениях в Минобороны по постановлению парламента должны были быть переданы Верховному главнокомандующему...У него спросили – не делает ли он это в личных целях, чтобы министром стал его сын от первого брака, проживающий в России офицер Валерий Буниятов (он был в 1990 году военным комендантом Баку). На это Буниятов заявил, что как бывший военный не может оставаться

равнодушным к делам армии, и если кого видит министром, то только СЕБЯ САМОГО! Он бы навел там порядок (и это, на мой взгляд, действительно так!).

«Я ни перед кем не гну позвоночника». Эти слова Буниятова относятся и к властям, которых он – да, поддерживал, но никогда им НЕ СЛУЖИЛ.

Стоят ли за этим убийством религиозные мотивы, Иран? Трудно сказать. Хотя с убийством совпало начало суда над руководителями Исламской партии Азербайджана, обвиняемых в шпионаже в пользу Ирана, а Буниятов был не просто востоковедом и переводчиком Корана. Он знал многое об исламе и исламистах, причем, судил о них опять же с независимых, научных позиций. Наконец, не стоит забывать, что, занимаясь в последнее время историей XX века, Буниятов много работал в архивах (в том числе архивах КГБ). Как человек при должности и профессиональный историк, он умел обращаться с документами, искать их. А значит – мог знать и о событиях, к примеру, январских, всю правду о которых, по словам Эльчибея, пока РАНО раскрывать, или – о попытках переворотов последних лет.

Армянские спецслужбы? Очень и очень может быть! Армянские националисты еще с советских времен, когда Зия Буниятов стал заниматься древней историей Азербайджана, разоблачая многие фальсификации, точили зуб на Буниятова.

Возвращаясь к тому самому заседанию в Академии наук, когда Зия-муаллим, стоя на трибуне и потрясая ворохом телеграмм с угрозами армян, воскликнул, повернувшись к представителям ЦК: «Так примите же меры! Обратитесь в Москву!», следует сказать – да, Зия Буниятов был бесстрашным человеком, яркой личностью, прекрасным историком. Но он не был политиком, о чем говорят и приведенные выше слова.

Ну что мог сделать Баку, когда Москва на протяжении двух столетий проводила в отношении Кавказа, скажем так, «армяно-русскую политику». Причем, осуществлялась она – явно и тайно, и во времена царской России, и во времена Советского Союза – с подачи армян!

«Бедная Россия...Гулливер на поводе у лилипута», – восклицает в своем программном эссе «Раздумья об азербайджанстве» Анар.

Ну, а свою статью про «звездного Зию» (ziya в азербайджанском языке означает «свет»!) Анар завершил так: «Наше утешение в том, что историк Зия сам стал достоянием истории. В истории каждого народа имена таких людей, как Буниятов, вписываются в самые славные страницы».

Ледовый памятник

В мои планы не входит писать о людях, которые встречались мне на протяжении моей долгой жизни в журналистике, особенно – в годы, когда я был собственным корреспондентом популярнейшей в 70-х-80-х годах прошлого столетия «Литературной газеты» (а это был весь цвет национальной элиты!).

Приведу только отрывок из записи беседы с одним из писателей, который, по существу, открыл для меня окно в мир азербайджанской литературы, когда я был еще сельским учителем: его замечательные новеллы – первое, что я прочитал на азербайджанском языке!

Энвер Мамедханлы – прозаик, драматург, сценарист. Это имя широко известно и любимо, его смело можно отнести к классикам азербайджанской литературы XX века. Мне посчастливилось не раз встречаться с этим очень красивым (во всех смыслах) и удивительно скромным человеком. Не скрою, мне хотелось подбить Энвер-муаллима на воспоминания, но, увы...

– Мемуаров я не пишу, только вот сделал некоторые штрихи к автобиографии в моем предисловии к книге воспоминаний Расула Рзы. Но если и напишу что-то вроде этого, это будет не биография, а – ну, вроде романа...Такие вещи под пером развиваются.

– Но ведь у вас такая жизнь...Вот, скажем, 37 год, вы все это видели, пережили.

– Вы знаете, то, ЧТО, а главное – КАК пишут об этом, меня не удовлетворяет. Вот прочел «Дети Арбата», с интересом прочел. Впервые Сталин подан здесь с использованием приема

внутреннего диалога. К тому же есть вещи, которых раньше я просто не знал. Не знал, что у Сталина была первая любимая жена здесь, в Баку, эсерка, по национальности полячка. Он похоронил ее, и будто он только ее и любил. Но вот прочел, закрыл роман и...

– Нет художественного открытия?

– Да. Это меня не потрясло! Я не испытал того, что испытал, прочитав «Котлован» Платонова...Потом я сказал Анару – действительно, русская литература – великая литература, раз она не осталась в XIX веке, существует и сегодня. Мне не хватило трагичности в «Детях Арбата» – ведь то, что происходило, было не просто страшно. Это был страшной силы удар по нравственности! Точно так же – война...Я видел войну, и у меня ненависть...нет, не к врагу. К войне. Я не верю в войны освободительные, справедливые, какие-то еще...Война – это всегда убийство, всегда низость, грязь. Вот, скажем, когда я шел на фронт, я взял с собой десять пар белья. Менял его каждый день – над моей чистоплотностью, надеждой на то, что вши не тронут меня, все смеялись. Увы! Хотя мы, журналисты фронтовой газеты, жили не в окопах, а в вагонах – вши были тут как тут...Я не говорю уже о том, что война – это не только отвага и героизм. Случалось, и драпали, и трусили. И я, хотя и был на передовой недолго, тоже повидал немало безобразий, бездарности и безалаберности. Даже, представьте, шовинизма!

У меня был друг грузин, он подарил мне парабеллум. И вот как-то немножко выпили мы, сидим. И был с нами русский капитан, пьяный, что называется, с утра. И он нам: «нацмены», да «нацмены». Я ему: «Те, кого ты называешь «нацменами», не только за себя воюют, за всех, и за твой русский народ. А у тебя к «нацменам», вижу, больше ненависти, чем к фашистам». «Ах, ты!» – капитан выругался матом, схватился за оружие: «Застрелю!». Он, пьяный, и вправду мог застрелить. Ну, я тоже выхватил парабеллум, нас еле разняли...

– Пожалуйста, вспомните еще какие-нибудь подробности.

– Ну, скажем...Немцы были уже в Моздоке. Нас расформировали, образовался Сталинградский фронт. Нашу газету закрыли – азербайджанскую, я имею в виду. Куда нас девать? В политуправлении говорят: мы не можем ваш вопрос решить без вашего руководства – боялись Багирова. Возвращайтесь в Баку. Хорошо, возвращаться, а как? На пути к Баку немцы. Расстелили мы на столе карту-«девятку». Смотрим, можно ехать в сторону Средней Азии, оттуда – на пароходе. Поехали!

Это заняло почти двадцать пять дней. Ехали, ехали... Спали в вагонах на полу. У нас были карточки. Но их хватило ненадолго. Я все свои вещи отдал, обменивая на еду. Единственно, что осталась – рубаха... Денег полные карманы, но деньги не берут. И вот едем мы уже по Средней Азии. Вижу, казашка арбуз продает. Показываю ей пачку денег. Нет, отрицательно качает головой. А что хочешь? Показывает рукой на мою рубашку...«Вот шейтан, – возмутился я по-азербайджански, – хочет последнее с меня снять!». А казашка поняла – язык-то тюркский, кричит: «Сам шейтан!» И вот как-то я спал, мы выехали уже за полосу, где затемнение отменили. С нами в вагоне девушка. Спрашивает меня: а почему во сне вы так стонете, вы ранены? Говорю – это от снов. Ну, а откуда едете, спрашивает девушка? С фронта. И я тоже хочу туда, говорит. Меня направляют для работы в госпиталь, а я хочу – на фронт. Как, вы советуете? Нет, отвечаю, не советую! Почему? Послушайте, говорю я, вы такая красивая, молодая. Знаете, во что превратитесь... Без вшей войны не бывает. Не только без вшей – без всякой другой грязи, похуже, о чем не хочу говорить...

Рассказываю я это вам сейчас, и думаю. Напиши я это, мне тут же скажут: что это вы такое говорили советской девушке в годы войны, что советовали?!

А ведь это правда!

Но с другой стороны, знаете, что больше всего поразило меня на войне? Русские девушки. Их бесстрашие. Лично я видел на передовой, как плакал от страха молодой солдат, не мог идти в бой. Командир собрался в него стрелять. Я схватил его за руку: ты не знаешь, говорю, этого парня. Может, завтра – это герой! И я ничего не хочу сказать – на мужчинах, как известно, война держится... И, тем не менее, девушки на войне – это нечто особое...

Был такой случай. Приехал я в Сталинград, зашел в газету, представился: писатель из Баку. Что хочешь, спрашивают? Поест? Нет, говорю, дайте поспать.

– Это какой год?

– Где-то сорок второй. Сталинград еще впереди, все только начиналось... Так вот. Лег я на полку, не успел сомкнуть глаз, меня тормозят – налет. А я в таком состоянии был – две ночи не спал, с ума сходил. Ну, в общем, заснул опять. Не знаю, сколько проспал. Будят меня опять, спрашивают: «А теперь кушать хочешь?» «Хочу!».

Пришли мы к Волге. Высокий берег, а на самом краю нависает веранда. Ресторан, помню, назывался «Прибой». Мой попутчик говорит: на балконе не надо, давай пойдем внутрь. Сели. За стеклом открывается прекрасный вид на Волгу. А в ресторане полно офицеров. Все мужчины, за исключением одного столика, где сидели девушки. Только принесли нам борщ, как вдруг шум самолета. Свист бомбы. И, представляете, пролетев прямо мимо нас, бомба упала в реку. Грохот, вода хлынула в стекла. Фонтан метров в двадцать. Задрожало все здание. Я только успел инстинктивно закрыть глаза. Всегда в минуту опасности я зажимаюсь. Для меня лучше быть увечным, лучше умереть, чем стать слепым. Что дальше? Тишина. И потом вдруг слышу... смех! Открываю глаза. Вижу – все офицеры, как один, попадали. Лежат на полу. А девчонки как сидели, так и сидят за своим столиком и от души хохочут! Встает один из офицеров, отряхивается, усмехается: «Чего смеетесь, стервы!». А ведь нешуточное дело было. Веранда, куда мы, к счастью, не сели, рухнула в реку – со всеми, кто там был...Я могу не один такой случай рассказать.

– Ну, – говорю я, – может, тут сказалась просто воинская дисциплина. Налет – ложись! Ну, а девушки...

– Конечно! И, тем не менее, женщина на войне – это что-то особое.

– Да, помню вашу замечательную новеллу «Ледовый памятник» – какой сюжет! Стоит посреди степи замерзшая, превратившаяся в сплошной кусок льда женщина, прижимая к груди ребенка. Примерзла к земле, потому не падает, стоит, как живая. Вся устремлена вперед, чтобы куда-то дойти, на пути согревая своим телом дитя. Памятник изо льда, памятник матери!

– Это я написал позже, когда был в Южном Азербайджане, где во время известных событий там тоже работал в газете...

– Трагический сюжет, а сколько романтической приподнятости, света! Ну, а кинематографичность – прямо Довженко! Вы ведь были знакомы с Довженко?

– Да, были знакомы. И, вы правы, многое нас сближало не только по кино. Сближало нечто более общее. В Довженко я почувствовал то, что чувствовал в самом себе. Помните, в его знаменитом фильме «Земля» возглас: «Трактор стал!» Люди бегут за трактором, кричат: «Трактор не может стать!». Для людей того времени трактор заменил икону.

– Люди поднимали голову не к богу – к летящему аэроплану!

– Да, именно так. Фантазия, романтизм – этого мало. Нужен толчок извне. Когда я собирал материал для рассказов, наши воины мне рассказывали многое. В том числе и случай, навеявший сюжет той новеллы, о которой вы вспомнили – был такой случай! Ну, не совсем такой, но...вы понимаете. Или вот еще тема – те, кто побывал в плену, а потом бежал. Когда их вели, колонну пленных, в которой были люди разные, в том числе с Кавказа – по лицу видно, не русские, русские женщины отважно бросались на конвоиров, пытаясь что-то передать, кусок хлеба, яйцо! Их били прикладами в грудь, в лицо. Но они бросались снова и снова...

– Выше вы говорили про отношение к «нацменам» пьяного русского капитана, который схватился за оружие, и вот эта отчаянная смелость и жалостливость по отношению к нам русских женщин... Может, здесь есть нечто...Ну, что ли, присущее от природы – завоевание, вторжение, начало наступательное у мужчин и, напротив, сохранение, защита, начало оборонительное у женщин?

– Не знаю, может быть... Во всяком случае, безумная русская удаля – это тоже правда! Великая правда, которую мне, как писателю, дала война...

КЯМИЛЬ АФСАРОГЛУ

Любимая

Рассказ

Перевод Егяны МУСТАФАЕВОЙ

Погода стояла пасмурная, и редкие прохожие на улице выглядели полусонными и вялыми. Небо было покрыто тучами, и город и все его обитатели, казалось, были не в духе.

На автобусной остановке народу было немного, где-то человек пять-шесть. Некоторые лица ему были уже знакомы: по утрам он часто встречал их на остановке. Невольно его внимание привлекла одиноко стоящая на остановке брюнетка. Девушка была очень красивой, и он предположил, что является она студенткой либо второго, либо третьего курса. Каким образом он это определил? Это проще простого. Ведь по осанке, поведению, манере одеваться о человеке можно сказать многое. Единственное, чего он не знал, это имя девушки.

Он отвел взгляд, будто испугавшись того, что девушка прочитает его мысли и, рассердившись, скажет, мол, кто ты такой, чтобы в таком, уже немолодом возрасте интересоваться моим именем.

Нежное, улыбающееся лицо брюнетки, ее осанка, взгляд напоминали ему кого-то. Но кого? Он никак не мог вспомнить. «Кажется, память мне изменяет», – усмехнулся про себя Ариф. Вдруг девушка повернулась и посмотрела в его сторону своими черными, как угольки, глазами.

Глядя на девушку, он не находил в ней никаких недостатков. «Красавица», – так он назвал ее про себя. На мгновение их взгляды встретились, и Арифу показалось, что это мгновение длилось вечно. Чтобы не смущать девушку, он отвернулся.

Он прекрасно знал о силе своего взгляда: еще в юности одна девушка сказала ему однажды, что у него какой-то особый, завораживающий взгляд. «Ты смотришь на человека как змея на свою жертву, а может, ты колдун, а?..» Ее подруги дружно рассмеялись. Девушка же стояла с невозмутимым видом, ведь острые на язык люди часто делают вид, что ничего такого не сказали, хотя точно знают, о чем говорят.

– Алло! Здравствуйте! Я нахожусь возле гостиницы «Мугань», жду автобус... – говорил кому-то по телефону мужчина средних лет. Хотя Ариф не имел привычки подслушивать чужие разговоры, его внимание привлекло то, что мужчина сказал «возле гостиницы «Мугань», хотя гостиницы этой давно уже не было. Когда-то, впервые услышав о том, что гостиницу сносят, он не поверил своим ушам и сильно расстроился, ведь каждый разобранный кирпичик, каждый камень здесь были связаны с его воспоминаниями.

Утешало лишь то, что хотя эту гостиницу и разрушили, она осталась в памяти людей.

Когда-то, во время сдачи вступительных экзаменов в университет, Ариф жил в

этой гостинице целый месяц. В номере, в котором он жил, окна выходили во двор, и гул проезжающих машин был почти не слышен. Снять эту комнату ему посоветовала женщина-администратор, сказав, что там очень тихо, и те, кто в ней живут, обязательно поступают в институт или успешно сдают сессию. Женщина, видимо, шутила, а то цена на этот номер подскочила бы вдвое. На самом деле этот номер ничем не отличался от остальных, и в то, что она была какой-то волшебной, никто и не верил. Ему стало смешно: «Валяйся целый день на кровати, ешь, пей и жди, когда поступишь в институт, ведь номер-то волшебный».

Каждый день, просыпаясь с первыми лучами солнца, он начинал заниматься, сидя за столом напротив окна: читал учебники, составлял конспекты, ведь по утрам все запоминается довольно легко.

В правом крыле гостиницы, на подоконнике открытого настежь окна, в большой хрустальной вазе стояли полевые цветы. Белые, желтые, красные, они были похожи на анютины глазки, и ему даже казалось, что он чувствует их аромат.

Уткнувшись в книгу, он сосредоточился на чтении. Внезапно его ослепил поток яркого света, казалось, солнце опустилось на землю, и его лучи, играючи, отражаются на его лице. Он поднял голову. В окне с цветами он увидел девушку, которая приглаживала рукой свои мягкие красивые волосы. В руке она держала небольшое зеркальце, от которого на него падал яркий луч света. Девушка продолжала рассматривать себя в зеркале, не замечая, что кто-то смотрит на нее. Ариф наклонил голову, теплые лучи не отставали от него и скользили по лицу. На глазах вдруг появились слезы, и он прикрыл лицо ладонями.

Только сейчас девушка, заметив его, изменила направление зеркала, и поток света тут же исчез. Глядя на него, она виновато улыбнулась и что-то сказала. Ариф не понял, что она говорила. «Конечно же, она извиняется, – подумал он про себя, – видимо, это одна из приехавших вчера туристок».

...Устав от чтения, он поднял голову и взглянул на окно с цветами. От долгого чтения глаза воспалились. Ему вдруг захотелось вновь увидеть девушку, но она так и не появилась...

Днем, пообедав, Ариф задержался в фойе. По телевизору показывали фильм «Ромео, мой сосед». Фильм этот ему очень нравился, и он смотрел его уже несколько раз. «Ничего страшного, – подумал он, – посмотрю кино и лягу спать на час позже».

Перед телевизором, удобно развалившись в кресле, сидел усатый мужчина и с большим интересом смотрел фильм. Оторвавшись от экрана, он вдруг обратился к Ариффу.

– Молодой человек, садитесь, посмотрите интересный фильм, – предложил он.

На слова мужчины Ариф ответил улыбкой и присел рядом с ним. Усатый мужчина, видимо, смотрел этот фильм довольно часто. Он знал его почти наизусть и заранее рассказывал о событиях, которые там произойдут.

– Обожаю этот фильм, – произнес мужчина, вздыхая. – Вспоминаю свою молодость. – Затем, с завистью глядя на Арифа, добавил: – Ах, если бы мне было столько же лет, что и тебе.

Мужчина вновь уставился на экран телевизора.

– Обрати внимание, сейчас эта блондинка скажет: «Монтер!.. Я помешана на темноте».

Светловолосая героиня на экране, словно попугай, тут же повторила за ним

эту фразу, будто и вправду ждала, когда он произнесет ее.

... Мужчина средних лет, в тенниске, остановившись, внимательно взгляделся в экран телевизора, а затем стал что-то говорить по-грузински Ариффу. Не понимая, что он говорит, Ариф вдруг подумал: «Почему грузины думают, что все должны знать их язык?» Видимо, поняв свою ошибку, грузин тут же перешел на русский.

– Гацо, это же наш актер, Иполлит Хвичиа! – воскликнул он. – Гамарджоба, гацо! – поздоровался он с экранным персонажем и, если было бы возможно, пожал бы ему руку. – Что это за фильм? – поинтересовался он.

– «Ромео, мой сосед», – ответил Ариф.

– Ты видел в жизни этого актера, брат? – оторвавшись от экрана, вдруг спросил грузина усатый мужчина.

– Биджо, он же мой сосед, я каждый день с ним встречаюсь. Порою шутя спрашиваю его: «Ипполит Алексеевич, куда вы направляетесь?» «Иду в карьер, таскать камни, – смеется он. – Как куда? Чудовище ты эдакое! Куда может идти ранним утром актер, на киностудию». Его все знают и любят, ведь он народный артист Грузии...

Грузин окликнул своих соотечественников, проходивших мимо. Они тут же заняли кресла у экрана телевизора. Бегло взглянув на них, Ариф сразу же узнал девушку, которая присела рядом с ним. Заметив его, она тут же улыбнулась. Смутившись, Ариф стыдливо улыбнулся ей в ответ.

Усатый мужчина вновь обратился к грузину:

– Видимо, ты говоришь правду, он хороший актер. Вероятно, и в жизни он такой же веселый.

– А как ты думаешь, гацо! Когда люди видят его, то не могут остановиться от смеха, однако он не обращает на это внимания. Ведет он себя в жизни довольно серьезно, будто бы это не тот, смешной человек на экране.

– Точно как наш Лютфяли Абдуллаев, – сказал усатый мужчина.

– А кто такой Лютфяли Абдуллаев, гацо? – поинтересовался грузин.

– Это наш известный комедийный актер.

– Да-а-а, артисты – люди иного племени...

На голубом экране кадры сменяли друг друга.

...Рассекая волны, по морю скользил белый парусник, на котором плыли счастливые парень и девушка.

Глядя на девушку влюбленными глазами, парень выражал свою любовь к ней прекрасной песней:

«Севгилим, Севгилим! Так у нас в Баку любимую зовут...»

Гости молчали, завороченно слушая его пение. Ариф мельком взглянул на девушку. Подперев щеку рукой, она с интересом смотрела фильм.

– Ариф, – вдруг вздрогнул он, услышав голос из телевизора. Видимо, он механически ответил «да», и поэтому все повернулись в его сторону.

– Биджо, тебя тоже зовут Арифом? – спросил его грузин.

– Да, – смутившись, тихо ответил Ариф.

Девушка оглядела его внимательным взглядом и мило улыбнулась.

– Ариф, – тихо повторила она.

Время от времени усатый мужчина переводил для грузинских гостей самые интересные фразы из фильма, не забывая добавлять кое-что от себя. Когда фильм закончился, все продолжали молча сидеть на своих местах, будто ждали продолжения.

Первым поднялся с места грузин:

– Мы должны отпраздновать просмотр этого фильма. Приглашаю всех в наш номер.

Схватив за руку усатого мужчину, он стал настойчиво уговаривать его:

– Гацо, прошу и вас присоединиться к нам. Если вы не попробуете киндзраули, я на вас обижусь, будем пить вино прямо из рога. И он, делая вид, будто держит в руке рог, произнес тост:

– Гамарджобос, Азербайджан! Гамарджобос, Сакартвело!..

Затем, обратившись к Ариффу, сказал:

– Молодой человек, вас я тоже приглашаю.

– Спасибо, я... – хотел уклониться от приглашения Арифф.

Ему на помощь вдруг пришла девушка. Она что-то сказала мужчине на своем языке. Арифф не понял, о чем она говорит, но грузин тут же перестал настаивать. Девушка тихо прошептала ему на ухо:

– Я ему сказала, что мы с тобой хотим прогуляться по городу.

Ариффу понравилось ее предложение, и ему показалось, что знакомы они уже лет сто.

– Может, я неправильно поступила? – спросила девушка виноватым голосом. – Ведь ты...

– Вы здесь гости... – сказал он, набравшись смелости. – Я найду время для подготовки к экзамену, лягу спать на 2-3 часа позже.

Он сам удивился своей смелости, сердце стало биться быстрее.

Когда они спускались по лестнице, одна из женщин, проходя мимо, рассмеялась им вслед. Рассмеявшись в ответ, девушка махнула ей рукой.

– Это моя подруга, она хохотушка и шутница, – пояснила она. Затем, схватив его за руку, воскликнула: – Куда ты меня тащишь? Давай я хотя бы скажу свое имя, или тебе это неинтересно?

Они остановились. Только сейчас Арифф вспомнил, что до сих пор не знает ее имени.

– Меня зовут Мзия, – представилась она, – что в переводе с грузинского означает «солнце».

Он стал более разговорчивым:

– Да, прекрасное имя. У нас тоже есть имя Гюнеш – солнце. Видимо, этим именем называют всех красивых девушек на планете.

Мзия покраснела.

– Я прошу прощения за сегодняшнее утро, – извиняющимся тоном сказала она. – Может, ты думаешь, что я нарочно направила зеркало на тебя?

– Нет, что ты говоришь, – отмахнулся он и спросил: – Ты из Тбилиси?

– Нет, я родилась в Гори, но учусь в Тбилиси, в педагогическом училище. Может, ты слышал о таком городе?

– Да, – ответил он. – Ведь когда-то горийская семинария была очень известна... А как тебе понравился Баку? – спросил он ее, но сразу же упрекнул себя за вопрос – какой же гость скажет, что город ему не понравился?

– Здесь очень красиво. Мы побывали в Старом городе, посетили музеи. Увидели знаменитую Девичью башню. А ты... ты был в Тбилиси?

– Нет.

- Тбилиси тоже очень красивый город. – Мзия убрала упавшие на лицо волосы.
- Ты, кажется, готовишься к экзаменам?
- Да, я готовлюсь к поступлению в университет, на филологический факультет.
- Желаю удачи...
- Спасибо.

Теперь он не знал, что говорить и как вести себя дальше. В душе упрекал себя: «Вот болван. Другой на твоём месте болтал бы без умолку. Хочешь стать писателем, а с девушкой и двух слов сказать не можешь...»

Они спускались вниз по проспекту. Мзия крепко держала его за руку, будто боялась потерять. Издалека море было похоже на гигантское зеркало. Яркие лучи солнца, сверкая, отражались на его зеркальной поверхности. Мзия не скрывала своего восхищения открывшейся панорамой.

– Я впервые вижу ваше море и никогда уже не забуду его! – воскликнула она.

На самом деле Ариф и сам впервые увидел море, уже будучи взрослым. И это прекрасное бесконечное синее море оказалось не таким, каким он представлял его себе в детстве. Оно было совершенно иным, каким-то таинственным.

Когда он поделился своими детскими воспоминаниями с девушкой, она улыбнулась:

– Ты описываешь все так интересно, как настоящий писатель. Может, ты хочешь стать писателем?

– Не знаю, – смущенно сказал он. – Но у меня есть склонность к писательству, еще в районе, в районной газете выходили мои очерки и рассказы.

– А если ты станешь писателем, о чем будешь писать?

– Еще не знаю... – ответил он.

Они много гуляли, и Ариф рассказывал девушке историю города. Слушая его, Мзия слегка качала головой и довольно улыбалась. Ей явно доставляло удовольствие слушать его.

– А вот это самый большой проспект города – проспект Нефтяников, он тянется по всему берегу.

– Красиво! – не скрывая своего восхищения, воскликнула Мзия. – Очень красиво! О, если бы я родилась у моря... В Тбилиси нет моря, но от этого он не менее красивый. А самый известный проспект – это проспект Шота Руставели.

– Шота Руставели, «Витязь в тигровой шкуре!» – воскликнул Ариф.

– Да. Ты читал его?

– Конечно, читал. Еще в школе на экзамене мне попался вопрос именно по этому произведению. Шота Руставели создал великую поэму, позаимствовав сюжет из восточных сказок. Ведь многие поэты той эпохи черпали сюжеты из народных сказок и дастанов. Шота Руставели был современником Низами Гянджеви. Интересно, были ли знакомы друг с другом два этих гениальных поэта?

– И правда интересно. Кто знает, может, они и встречались.

В воскресенье в прибрежном парке было многолюдно. С моря дул прохладный ветерок. В густой листве деревьев радостно щебетали птицы.

Они зашли в кафе «Жемчужина» и заказали мороженое. Девушка не скрывала своего восторга:

– Баку намного красивее, чем я предполагала, – сказала она. – Удивительно, но мне кажется, что я когда-то уже была здесь и давно знакома с тобой.

Ариф улыбнулся.

– Недавно, когда в гостинице мы смотрели фильм, я украдкой глядела на тебя. Ты удивительно похож на героя фильма. И еще, оказывается, вы тезки... Мир полон чудес, мы многого не видим и проходим мимо...

– Интересно, но то же самое испытываю и я. Ты тоже чем-то похожа на героиню фильма.

– Да? – засмеялась девушка. – Жаль, что я не видела начала фильма. А как же познакомились друг с другом главные герои?

Ариф коротко рассказал Мзие о том, как герои фильма случайно встретились и полюбили друг друга.

– Я думаю, такое может произойти и в жизни, – заключил он.

– Да, – согласилась с ним Мзия. – Возьмем, к примеру, наш случай. Разве мы встретились не случайно?

Она рассмеялась. Звонкий смех делал ее еще прекрасней. «Какая она веселая и улыбочивая», – подумал Ариф.

– Если у нас покажут этот фильм, то я сразу же вспомню тебя, – сказала Мзия и взяла его за руку.

Почувствовав тепло ее руки в своей ладони, Ариф покраснел. Ему казалось, что не он, а девушка водит его по городу.

– В этом фильме такая красивая музыка, что я почти поняла слова песни «Севгилим». На грузинский язык «севгилим» переводится как «сагварело».

– Сагварело... – повторил Ариф для того, чтобы запомнить.

С прогулочного катера, пришвартованного к берегу, доносилась музыка. Временами оттуда также призывали совершить морскую прогулку.

– Слушай, может, покатаемся на катере? – предложил Ариф. – Он идет до острова Наргин, а затем возвращается обратно. С моря город кажется еще прекрасней, сама увидишь...

Катер, чуть покачиваясь, отошел от берега и, постепенно прибавляя скорость, начал удаляться от него. В небе с криками летали чайки, по морю плавали небольшие парусные лодки. Катер постепенно приближался к острову. Легкий морской бриз словно ласкал прекрасные волосы девушки. Положив голову на плечо Арифа, она мечтательно глядела куда-то вдаль. Из репродуктора лилась знакомая песня: «Sevgilim, sevgilim!..»

Когда они покидали бульвар, их неожиданно остановила цыганка. Ариф не верил в такие вещи, но Мзия решила погадать. Он не стал ей мешать, отошел в сторону и стал ждать.

Цыганка взяла нежную руку девушки и стала внимательно изучать линии на ее ладони.

– Красавица, вы очень подходите друг другу. Но познакомились вы только недавно.

– Да, – смущенно ответила девушка.

– Не стесняйся, красавица. Что здесь такого? Дай посмотрю, что говорят линии на твоей ладони... Смотри, вот это – линия жизни, и она будет долгой и прекрасной...

– Призадумавшись, цыганка что-то стала беззвучно шептать. Затем, многозначительно покачав головой, сказала: – А вот эта короткая линия – линия любви. Любовь будет у тебя недолгой, очень недолгой...

Цыганка исчезла так же внезапно, как и появилась. Мзия еще некоторое время

стояла, не двигаясь с места, мысли ее витали где-то далеко. Очнувшись, услышав голос Арифа, она улыбнулась, в глазах ее проскользнула грусть.

Хотя она и старалась скрыть это, Ариф явно видел, что она растеряна. Чтобы отвлечь девушку от грустных мыслей, он стал шутить:

– Однажды здесь, на бульваре, ко мне подошла цыганка с золотыми зубами. Я ей даже рта не дал раскрыть, сказал, хочешь, я тебе сам погадаю. Поняв, что со мной ничего не выйдет, она покачала головой и тут же ушла...

Мзия рассмеялась, но это был уже не тот, прежний, смех.

Ариф продолжал успокаивать девушку:

– Я не верю в гадалок, они все шарлатанки...

Мзия прятала взгляд, словно боялась, что Ариф прочтет в ее глазах все сказанное цыганкой.

– Не знаю. Может, ты и прав... В Тбилиси есть один квартал, там живут цыгане. Однажды старая цыганка гадала мне на кофе и, что интересно, сказала то же самое...

Почти всю ночь Ариф занимался и даже не помнил, во сколько уснул. Проснувшись утром, он вскочил с кровати и подбежал к окну. Окно напротив было закрыто. Сердце Арифа похолодело.

Он быстро направился к номеру Мзии, хотел было постучать, но дежурная остановила его:

– Они уже уехали, – сказала она. – Эх, среди них была такая красивая грузинка...

– Да, ее зовут Мзия! – голос Арифа дрожал.

– Эта девушка просила передать тебе письмо. Она была ужасно расстроена, будто не хотела уезжать. Спускаясь по лестнице, она тихо плакала...

Женщина продолжала что-то говорить, но Ариф не слушал, он стоял, как вкопанный. От письма, которое он держал в руке, исходил приятный аромат. Там было только одно слово – «Сагварело»...

***

...Очнувшись от воспоминаний, он стал глазами искать брюнетку, которая стояла на остановке, но там уже никого не было. Он взглянул на часы, следующий автобус должен был прийти через 10 минут.

ЗЕМЛЯКИ

ВИКТОРИЯ ШИЛЯЕВА (Германия)

Виктория Шилыева родилась в Баку. Окончила филологический факультет Азербайджанского государственного университета по специальности «Русский язык и литература». Член Союза писателей Азербайджана. Публиковала рецензии и лирические стихи в республиканской периодике, в коллективных поэтических альманахах. В 2000 году в издательстве «Элм» («Наука») вышел ее первый сборник «Твои стихи». С ноября того же года живет в Шверине (Германия). В 2015-16 гг. вышли из печати еще две ее книги: «Диктатура нежности» и «Вслед свету».

* * *

**С годами привыкаешь ко всему.
Диетой называешь шаурму.
Путь без конца меняешь на тюрьму
уютных и проверенных привычек,
не мерзнешь на миру как на юру,
спишь, как младенец, в сумке кенгуру,
находишь внятной странную игру
недетскую: «Найдите семь отличий!»,
а в ней – давно забытую себя.
От берега одним веслом гребя,
любимым от бессилия грубя,
без задней и вообще без всякой мысли,
ладонью проведешь по волосам...
Рот затыкаешь смутным голосам.
Глаза не поднимаешь к небесам.
А там Луна на звездном коромысле
пытается опять догнать рассвет.
Сквозь пелену заплаканную лет
на смуту забугорную ответ
ищу так поздно и неосторожно.
Ты рассказал мне небом и водой,
дождем и солнцем, облачной слюдой
и сединой, так горько молодой,
что к нежности привыкнуть невозможно.**

* * *

**Не сплю, за голосом твоим в погоне.
В который раз срывается с цепи
в осиротевшей трубке телефонной
несметная тревога чисел «пи»...
И вновь встает бессонницы конвой
сердечной боли караулом вечным.
И сон напрасный – мастер дел заплечных –
не избавляет от тоски ночной...**

* * *

Нет меня среди вас. Город лечит простуду кизилом,
Набирает зима не по-южному хлесткую силу.
Обжигаясь морозом, спешу я к порогу рожденья,
В тишине перед криком не чуя беды наважденья.
И ответом на крик – надо мной незнакомые лица,
Влаги млечной поток, что готов во спасенье пролиться –
Защитить, охранить и наполнить теплом первородным,
И собой напитать, чтоб дитя не осталось голодным.
Молодые родители мыкают горе годами
Между слез городами и тщетных надежд городами,
В самолетах печали, в купе неотступной разлуки –
Только толку-то что беспрестанно заламывать руки?..
По привычке дурной лето плавит асфальт раскаленный,
От метро до Публички гуляют ватаги влюбленных,
На скамейках сидят, подставляя друг другу колени.
Невезучим на долю – компания собственной тени...
И на Север недалний, в прохладу иного пространства
Возвращается память, кляня себя за постоянство,
И мостов разведенных не чует она под собою,
И летает во сне под одним парашютом с любовью.
И звучит заклинаньем из прошлого голос знакомый,
Разгорается звездным костром над оставленным домом.
Мне ли он перемену судьбы и чужбину пророчит,
Отзываясь размеренным гулом в ровесницах-строчках?..

*«Значит, нету разлук.
Существует громадная встреча.
Значит, кто-то нас вдруг
в тишине обнимает за плечи,
и, полны темноты,
и, полны темноты и покоя,
мы все вместе стоим
над холодной блестящей рекою...»¹*

**...Как же в лунном луче
Разглядеть дорогие нам лица,
Как без долгих речей
Умудриться при жизни сродниться,
Как, хотя б на чуть-чуть,
Нам вернуть безоглядную юность,
Озарявшую путь
В несказанного счастья лагуну?..
Путь, что прочно забыт,
Что на пятом десятке потерян,
Древним кладом лежит
За неведомой сейфовой дверью...
Без ключа и замка,
Повинуясь волшебному слову,**

¹ Цитата из стихотворения И.Бродского.

**Между явью и сном
Эта дверь приоткроется снова,
Приоткроется щелочкой
В светлую комнату счастья...
Диво дивное длится
И не хочет, не хочет кончаться.**

* * *

**Я думала, все это отболело,
истаяв на излете четвертинки,
во сне уставшей плакать то и дело
над гаснущей переводной картинкой.
В стране чужой, что кается доселе,
над мертвыми рыдать мне не по чину:
на кладбище, в ограде темных елей,
кадиш¹ пропеть положено мужчинам.
Я – девочка, подранок, полукровка,
не убегала от расстрела ночью.
Как долго я живу, и как неловко
оборванных на вдохе одиночеств
я груз несу. Не распрямить мне плечи.
Прострелена подслушанною шуткой,
мгновенно я лишаюсь дара речи,
дар плача укрывая в промежутке
меж старостью и неизбывным детством,
не знавшим ни шаббата, ни кашрута.²
Оно от тех досталось мне в наследство,
кто уронил последнюю минуту
на этот плац, утопанный надежно,
кто не услышал звук последней пули
пред темнотой... Укрою осторожно,
пока меня оттуда не вернули,
тех, кто замерз в могиле безымянной,
весны и новой жизни не дождался...
Не залечить мне этого изъяна,
что горечью в крови моей остался,
ни праздником, ни радостью, ни счастьем.
Мне в небо не взлететь рассветной птицей.
Беспмятство любовного причастья
без памяти о них не повторится.
И нерожденным умирает слово,
и высыхают слезы на ресницах,
и пепел Клааса прозреньем новым
в бессонницу мою опять стучится.**

---

¹ Еврейская молитва, прославляющая святость имени Бога и выражающая стремление к конечному искуплению и спасению.

² Система ритуальных правил, в основе которых лежат заповеди Торы, а также дополнительные правила, установленные еврейскими религиозными авторитетами.

* * *

И наступит зима. И расчертит мое заточенье
на квадраты сугробов, на «классики» в старом дворе.
Я узнаю себя, как до нитки промокший кочевник,
в зеркалах отчужденных таможен, в другом ноябре.
Только там и тогда посчастливилось много моложе
мне запомнить себя ненадолго... Не спорьте со мной!
Кто сказал, что вернуться домой насовсем невозможно,
если юность моя возвращается каждой весной?..
Всякий май замыкает свечением беженки-вишни,
той, что сбилась с пути и на север пришла сиротой,
и сумела прижиться, забыв, что могла бы здесь лишней
стать, когда бы хозяин-садовник не взял на постой.
Так и я себя набело вспомню, как эта японка,
и о новых надеждах с три короба мне наплетет Новый год,
и моя путеводная нить не порвется, где тонко, –
верный встречный в Крещенье дождется меня у ворот.

* * *

Не постарела – вопреки всему!..
Как раньше, хочется всего и сразу –
Не по бумажке и не по приказу,
Не по одежке и не по уму.
И яблока зеленого в траве,
И криков чаек в синеве рассвета,
И на письмо бессонное ответа,
И мыслей гениальных в голове.
И молодого венского вина
Пригубить по-соседски, на ночь глядя,
Чтоб мне наедине с листом тетрадным
Привиделось: я снова не одна,
И вслед за августом идет весна,
И плачут иноземные березы –
Ясны без перевода эти слезы,
Грамматика им вовсе не нужна.
...И новый век, и новая страна
Без принужденья вежливой отменно,
И только валидол и седина
Меня сопровождают неизменно.

МАРК ВЕРХОВСКИЙ

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА С «ПЕРВЫМ»

Предстоящий приезд в Баку Муслима Магомаева взбудоражил все полуторамиллионное население города. А то, что с ним приезжает его супруга – известная оперная певица, солистка Большого Театра Тамара Синявская – застало женскую половину жителей города буквально врасплох.

Ну, как так – в кои века приезжает любимый певец и с... женой.

Да ещё с такой неотразимой красавицей, что конкурировать с ней просто бессмысленно. Мало того, Тамара приезжает для участия в спектаклях бакинского Театра оперы и балета. А это дополнительный триумф и, следовательно, отдаление певца от его обожательниц.

Но мне и супруге, откровенно говоря, Синявская нравилась и в том, и в другом амплуа – и певицы, и жены Магомаева. И я помчался в театр и удачно купил билеты на любимые наши места в первом ряду амфитеатра. Мы стали ждать праздника.

И вот наступил долгожданный день. Помещение театра выглядело нарядно, но строго: по углам были «расставлены» скромные, в одинаковой костюмной униформе, джентльмены, которые внимательно оглядывая зрителей, направляли их по билетным местам. Мы несколько удивились таким необычным почестям супругам Магомаев – Синявская. Но, поскольку дополнительный сервис не мешал проведению праздника, то мы не были обеспокоены.

Зрители, обычно едва заполнявшие партер, на этот раз заполнили зал, не оставив ни одного свободного места. Ставили «Севильский цирюльник» – эта опера входит в дежурный репертуар любого оперного театра.

Спектакль проходил на высшем уровне: блистала Синявская, старались не отставать и бакинские знаменитости. В первом же антракте мы вышли на балкон фойе второго этажа полюбоваться публикой партера, обычно степенно дефилирующей по просторному светлому залу первого этажа.

Но, что это? Никакого парада фасонов мод и причесок милейших дам мы не обнаружили. Мало того, фойе было непривычно совершенно пустым.

И только в центре зала мы неожиданно увидели, как в настоящем документальном киножурнале, Первого секретаря ЦК Азербайджана Гейдара Алиева рядом с народным артистом СССР Муслимом Магомаевым. Увидеть вот так близко, без предварительной подготовки, великого политика и большого артиста было не только удивительно, но и весьма приятно.

Стройный, изящный, артистичный Муслим, и рядом – мужественный, уверенный Гейдар Алиевич.

Оба были увлечены беседой. Судя по их восторженным лицам, мы с супругой предположили, что речь шла о неожиданно взятой Тамарой высокой ноте в последней, «выходной» арии героини.

Засмотревшись на неожиданно возникшую перед нами историческую сцену, я внезапно ощутил нереальность происходящего. В этот момент меня охватило неосо-

знанное чувство какого-то беспокойства. Я стал с опаской оглядываться по сторонам, но не уловил ничего подозрительного. Тем не менее, настороженность не покидала меня. Оглядевшись еще раз и вновь не обнаружив никого вокруг нас, я вдруг окончательно прозрел:

«Ну, конечно,... никого нет!»

Вот она – причина моей нервозности!

Вы представляете – на втором этаже фойе НИКОГО, кроме нас с супругой, нет!

Внизу беседует глава государства, окруженный многочисленными здоровенными охранниками, у которых то ли пистолеты, то ли мышцы выпирают из округлостей тела, а здесь — Никого, кроме нас!

Я обратил внимание, что никто из охраны ни разу даже не поднял глаза на наше любопытное передвижение. Мне подумалось, что такая прозаическая халатность службы безопасности сопряжена с преступной беспечностью. Множество декоративных столбов создавали отличное прикрытие для, извините меня, прицельной стрельбы. Первой моей реакцией было ринуться вниз и, воспользовавшись неожиданностью, прорваться к Гейдар Алиевичу, доложив ему о безобразно организованной охране.

Но моя мудрая супруга вовремя задержала меня аргументами, что «Первый их, конечно, по головке не погладит, а попозже они тебе головку и снесут...»

«Что же делать? Ведь если что-то случится, безусловно, обвинят нас: или в отсутствии бдительности, или, что ещё хуже, в соучастии».

Выбор был небогатый и потому я не спешил определиться.

Тем более, что моё внимание переключилось, на широко представленный административно-управленческий аппарат. Малочисленная часть чиновников всех уровней, желающих прослыть просвещенными, поскольку образованными они уже были по своему рангу и занимаемым должностям, стремились засвидетельствовать это перед Первым секретарем. Другая, более многочисленная часть администрации была вынуждена присутствовать под личным давлением Гейдара Алиева, буквально в приказном порядке заставлявшего бюрократический аппарат посещать все культурные мероприятия, проводимые в городе... Однако хитрые бакинские чиновники находили выход из, казалось бы, тупиковой ситуации для них. Уставшие от кабинетной волокиты, они, едва дождавшись темноты, приспособивались тут же засыпать между антрактами. Отсутствие контроля на данный момент способствовало этому благому мероприятию.

Прозвеневший звонок заставил нас с супругой возвратиться в зал. Заключительная картина «ликования народа на сцене по поводу бракосочетания графа Альмавивы и Розины», отвлекает меня от напряженных мыслей по поводу безопасности первых лиц республики.

«Хорошо, что все окончилось благополучно!» – с облегчением подумал я, выходя на улицу.

Увы, эта вторая моя встреча с Гейдаром Алиевым и с Муслимом Магомаевым, оказалась для меня последней.

Но я часто вспоминаю тот незабываемый вечер, пославшую мне удачу увидеть вместе, в Баку, двух достойнейших сынов Азербайджана!

АЛЕКСАНДР ХАКИМОВ

СЕРДЦЕ ПИСАТЕЛЯ

Творения разных лет и даже десятилетий

В этом году исполняется 30 лет моей творческой деятельности.

Откуда, с какой точки я веду отсчет? Со своей первой публикации. Сочинять-то я пробовал и в детские годы, и в юношеские, и в молодые, но самый первый мой рассказ увидел свет в 1987-ом году, на страницах популярного детского журнала «Костер». Причем мне заранее было сказано, что в 10-ом номере выйдет мой рассказ, и я буквально изнывал от нетерпения, ожидая журнал. Каждый день бегал по бакинским киоскам, спрашивая, не поступил ли в продажу 10-ый номер «Костра». А в один прекрасный вечер встретил на лестничной площадке соседскую девочку-школьницу, которая шла к себе в квартиру со свеженьким номером «Костра» в руках – она только-только вынула его из почтового ящика. Признаюсь, я тогда просто вырвал у нее из рук журнал, чем здорово напугал бедную школьницу. Я быстро пролистал журнал, нашел свой рассказ и, рассыпаясь в извинениях, вернул «Костер» законной владелице. Главное – я убедился, что меня не обманули и ничего не напутали, что рассказ действительно напечатан.

Прямо там, на лестничной клетке, я испытал необычайную радость. И в то же самое время не верилось в реальность происходящего, я думал, что все это, может быть, сон. Вот проснусь сейчас – и не будет ни журнала, ни рассказа. Первая публикация во многом сродни рождению первенца – очень похоже при этом испытываешь чувства.

А соседской девочке я на следующий день преподнес роскошный торт – в качестве маргарыча за добрую вещь...

Между тем событием и сегодняшним днем пролегло ровно три десятилетия.

За это время я успел посотрудничать с полутора десятками азербайджанских и российских журналов (являюсь постоянным автором журнала «Литературный Азербайджан»), двумя десятками азербайджанских газет (в одной из них я сейчас веду колонку), стать членом Союза Писателей и Союза Журналистов Азербайджана, членом Семинара писателей-фантастов под руководством Бориса Стругацкого, членом Совета по приключенческой и фантастической литературе при Союзе Писателей России, дважды окончил курсы сценаристов под эгидой IFASC (Ассоциации Независимых Кинодеятелей Южного Кавказа)... Я выпустил 12 книг прозы и публицистики и массу статей, эссе, репортажей... Много это или мало? Возможно, я успел бы и больше, но начинать-то мне приходилось не с нуля даже – с минуса, я медленно продвигался вперед, буквально прошибая лбом кирпичные стены, и мне хорошо известно, как крепок кирпич и как болит разбитый лоб... Что успел – то успел. Во всяком случае, в течение тридцати лет я упорно работал, не изменяя своему призванию.

Призвание... Так кто же я? Профессиональный биолог? Преподаватель биологии? Писатель? Журналист? Самодельный рок-музыкант? Непрофессиональный киноактер? Художник-любитель? Мореход, путешественник? Кто я?.. Да всего помаленьку. Жизнь сложилась так, что пришлось перебивать и тем, и другим, и третьим, и всем прочим. Может, оно было и не совсем правильно, но зато было очень интересно! И, во всяком случае, я – человек, которому есть, что рассказать вам.

В качестве своеобразного творческого отчета я предлагаю вашему вниманию, дорогие друзья, подборку из материалов, написанных в разные годы и даже десятилетия, на самую

разнообразную тематику. Тут и ностальгический рассказ о «старом Баку», Баку времен моего отрочества; и фантастический рассказ об охотнике на динозавров; зарисовка о снегопаде в Баку; и эссе на биологическую тему; статьи о космических исследованиях, о проблемах Искусственного Интеллекта, о судьбах известных людей... Этот мир велик и разнообразен, и я всегда старался – и стараюсь, и буду, надеюсь, стараться – отразить мир во всем его разнообразии – через призму индивидуального восприятия.

«Из плаваний дальних вернулся моряк...»

Повод для написания этой статьи выдался крайне печальный: из некролога в «Литературной газете» я узнал о кончине известного писателя, моряка и путешественника Святослава Сахарнова. Я знал его лично. Он опекал меня в самом начале моей творческой карьеры, и самый первый мой рассказ увидел свет в журнале, редактором которого был Сахарнов. Он не оставлял меня своим вниманием и после. Чего я не могу сказать о себе, увы. Но, отдавая дань памяти такого замечательного человека, я написал эту вот статью...

В «Реквиеме» знаменитого английского писателя и поэта Роберта Льюиса Стивенсона есть такие строки: «На камне моем вы напишете так: «Из плаваний дальних вернулся моряк, и охотник вернулся с холмов...». Думаю, именно такая эпитафия подошла бы Святославу Владимировичу Сахарнову, известному писателю, моряку, очень хорошему человеку, который ушел из жизни 23 сентября этого года. Я был лично знаком с ним. И он сыграл в моей жизни очень важную роль.

Святослав Сахарнов родился в 1923-м году, на Украине, в городе Бахмут. Родители его умерли, когда Слава был ещё малышом, и его воспитывала старшая сестра. В 1940-ом он поступает в Высшее военно-морское училище в Ленинграде, а год спустя, будучи курсантом 1-го курса, уже участвует в боях на Ленинградском фронте. Потом он был эвакуирован по льду Ладожского озера (по знаменитой «Дороге жизни») и училище окончил уже в Баку, в 44-ом (позднее он напишет об этом времени множество рассказов). Потом он воевал под Новороссийском, на минном тральщике; был награжден орденом Красного знамени. И уже в самом конце Великой Отечественной войны воевал на Тихом океане, с японцами (позднее он опишет тот период своей жизни в романе «Камикадзе»). После войны служил там же, на Тихом океане, на торпедных катерах, пока его не отправили в Ленинград, в Морской институт. Святослав защитил диссертацию и получил степень кандидата военно-морских наук. Казалось бы, его ждет блестящая карьера флотского офицера, но...

...но Святослав очень хотел стать писателем. Именно во время учебы в Морском институте он начал писать свои первые рассказы и сказки. Они были посвящены морю, морякам, подводному миру и его обитателям. Сахарнову очень помог известнейший детский писатель, настоящий певец Природы, Виталий Бианки. И с 1954-го года Святослав Сахарнов становится профессиональным писателем. Он создает множество книг в самых разных жанрах (кстати, известный многим мультфильм «Девочка и дельфин» снят по его сценарию). Он участвует в экспедициях в Арктику, на Дальний Восток, в Индию и в Африку, на Кубу... В течение 15-ти лет он редактирует популярный детский журнал «Костер», издававшийся в Ленинграде...

И вот – такой замечательный человек ушел из жизни. Как жаль!

Подхожу к книжной полке, провожу пальцем по корешкам книг, которые мне когда-то подарил Святослав Владимирович – все с дарственными надписями. Вот

«Крабишкин дом» – сказка для малышей. Вот «Подводные приключения» – для детей постарше. Вот «Слоны на асфальте» – книга о Танзании, адресованная как детям, так и взрослым. Документальная повесть «Остров водолазов». А это – «Лошадь над городом», чистой воды фантастика, точно не для детей... А вот пересказ индийского эпоса «Рамаяна» – годится для любого возраста... И «Леопард в скворечнике», сказка в духе Беккета... И «По морям вокруг Земли» – настоящая энциклопедия о морях и океанах, о кораблях, о морских обитателях, о географических открытиях (за эту книгу писатель был удостоен серебряной медали на Международной книжной выставке в Москве, и Первой премии на Международной книжной ярмарке в Болонье, и премии на фестивале в Братиславе)... И почему это Сахарнова считают детским писателем?

Наверное, потому, что его книги в первую очередь адресовались все-таки детям.

Сам я с его творчеством впервые познакомился вот при каких обстоятельствах. Как сейчас помню: я, восьмилетний, гуляю с отцом по весеннему Баку, залитому веселым солнцем... и вот в пассаже кинотеатра «Вятян», на лотке с детскими книжками, я обращаю внимание на одну книжку, красочнее остальных, и с весьма необычным названием – «Безногие головоногие» (автор – Св. Сахарнов). По моей настойчивой просьбе отец покупает ее. И я узнаю, что безногие головоногие – это осьминоги, а книжка повествует о приключениях молодого художника, откомандированного издательством на Дальний Восток (задача художника – зарисовать для будущей книги всяких морских тварей). Я читал эту интересную книжку, написанную живым языком и украшенную потрясающими цветными картинками... и думать не думал, что через каких-то два года судьба занесет меня на те самые, описанные в книжке, Курильские острова, и я своими глазами увижу всю эту удивительную морскую живность, осьминогов в том числе! И потом, уже взрослым, я еще раз побываю на Курилах и на Сахалине! И уж совсем не мог предположить тогда я, малец, что спустя двадцать лет сведу личное знакомство с автором этой книжки и дважды побываю у него в гостях! И он окажется тем самым человеком, который откроет мне путь в литературу...

Учась в нашем Азгосуниверситете на биолога, я тоже помышлял о литературной деятельности. Причем создавать намеревался научно-популярные и научно-художественные книжки о Природе, для детей и для взрослых. Пробовать начал еще в студенческие годы, но не закончил толком ни одного рассказа. Однако чувствовал, что писать я умею, надо лишь побольше практиковаться.

После окончания Университета я уже твердо решил стать писателем-натуралистом. Но мне решительно некуда было пристроить свои опусы. Стыдно сказать, но ни одному бакинскому печатному изданию они не были нужны. И тут меня осенило – пошлю какой-нибудь из рассказов в «Костер», Святославу Сахарнову! Я всегда был решительным малым, и не побоялся бы обратиться к совершенно незнакомому мне человеку и предложить ему свое творение! Но, прежде всего, надо было выбрать подходящий рассказ.

Я остановился на новелле «Морская змея». Этот случай в действительности произошел со мной на Сахалине. Жил я тогда в городе Невельске, на юге острова, и во время отлива любил часами бродить по обнажившемуся морскому дну, собирая в стеклянные банки морских звезд, крабов, улиток, морских ежей, актиний... Дома я подробно рассматривал их всех, зарисовывал в альбом, а потом отпускал обратно в море. И как-то раз у самой полосы прибоя я наткнулся на морскую змею – довольно

редкую рептилию под названием «двуцветная пеламида». Я вполне мог поймать эту самую пеламиду, но дал ей возможность уйти. Почему? Я подумал, что живая морская змея в море выглядит куда лучше, чем мертвая – в банке с формалином, и решил не отнимать у этой твари жизнь. И потом, пеламид и так мало осталось в Природе, зачем же еще уменьшать их число? Наверное, я плохой биолог... А может, наоборот – хороший? Короче говоря, именно этот рассказ я и отправил по почте Святославу Владимировичу, ни на что особенно не надеясь. Каково же было мое изумление, когда вскоре я получил от Сахарнова письмо; в нем сообщалось, что мой рассказ прочитан, принят и будет напечатан в одном из осенних номеров «Костра»! И рассказ действительно вышел – в октябре 1987-го.

Это была моя самая первая в жизни публикация... Наверное, как и все начинающие авторы, удостоившиеся своей первой публикации, я долго не мог поверить в реальность случившегося. Это была какая-то неопишуемая радость. Думаю, она вполне сравнима с радостью и гордостью мужчины, у которого родился первенец...

(Позднее одну из подаренных книг Святослав Владимирович подпишет так: «Александру Хакимову, который въехал в литературу верхом на морской змее!» И добавит, что больше всего его потрясла гуманистическая позиция автора – не хватать и убивать живое существо, хотя бы и в интересах науки, а оставить его на свободе...).

Между мной и Сахарновым завязалась оживленная переписка (я до сих пор храню в особой папке его письма). Он поощрил мои литературные занятия и попросил присылать новые рассказы. А дождливой осенью 1989-го года я прилетел в Ленинград – по служебной надобности, но, конечно же, стремился к встрече со Святославом Сахарновым. И он пригласил меня в гости.

Добираться до Святослава Владимировича пришлось троллейбусом по Новороссийскому шоссе. Шоссе это пронизало Парк лесотехнической академии – парк, который был, по сути, самым настоящим лесом. И в этом лесу стояли восьмиэтажные дома питерской творческой элиты.

Святослав Сахарнов жил в одном из таких домов, на седьмом этаже. Однокомнатная квартира с прихожей, санузелом, небольшой кухонькой и балконом. На уровне балкона покачивались верхушки могучих деревьев. Единственная комнатка, она же рабочий кабинет, уставлена была книжными шкафами, повсюду на полках красовались африканские статуэтки и прочие сувениры из разных уголков Земли, раковины, кораллы, на стене висел засушенный карибский омар с чудовищными клешнями. К слову сказать, многие подводные экспонаты этого домашнего музея Сахарнов добыл сам – он был превосходным дайвером. Были в кабинете письменный стол с пишущей машинкой и еще один стол, длинный и низкий, на котором громоздились кипы журналов «Костер» и какие-то гранки.

Писатель встретил меня очень тепло. Я вручил ему дары нашей земли – азербайджанский коньяк, крупные спелые гранаты и его книгу «Осьминоги за стеклом», переведенную на азербайджанский. Сахарнов очень обрадовался – оказывается, в отдельном шкафу он собирал издания своих книг на разных языках, а вот на азербайджанском языке ещё ни одной книжки у него не было. И еще я привез ему... лимон, самый большой, какой только смог найти на бакинском базаре. В этом презенте заключался особый смысл. У Сахарнова есть рассказ о том, как он летел в командировку на остров Беринга. Во время пересадки в Якутске Сахарнов купил единственный в буфете лимон – этот цитрус, по мысли писателя, должен был расположить к нему работающих на острове зоологов и облегчить знакомство с ними (лимон – луч-

шее средство от цинги). Вот и я прихватил с собой лимон, чтобы придать моему первому визиту оттенок оригинальности. Признаюсь, мой нехитрый трюк сработал: Святослав Сахарнов долго смеялся, и мы мгновенно нашли общий язык.

Потом мы пили чай на кухне (я привез с собой всякие азербайджанские сладости) и беседовали. О жизни, о природе, о литературе, и, конечно же, о политике (в тот год Съезд народных депутатов был самым захватывающим и популярным телесериалом, общество было буквально пропитано политикой). Говорили мы и о Нагорном Гарабахе. Святослав Владимирович очень сочувствовал нам – он-то знал, что такое война... Улыбаясь, совместно разрежали вышеупомянутый лимон...

Святослав Владимирович сказал мне, что я талантлив. Он порекомендовал мне писать и далее, совершенствовать стиль, искать свой, особый язык. Сам же он обещал помогать по мере сил – так, он назначил меня региональным корреспондентом «Костра» по Азербайджану. В разных республиках у журнала были такие корреспонденты, писавшие о природе своих краев; вот и мне предстояло рассказывать о природе Азербайджана... Его бы слова да Богу в уши!

Увы, всё сложилось не так, как мы думали. В ту пору практически у всех журналов Советского Союза начались серьёзные проблемы. Чуть ли не ежедневно дорожала бумага, поднимались в цене типографские услуги, частенько коллективы журналов оставались без заработной платы, а авторы – без гонораров. «Костёр» не избежал общей участи. Одно время он вообще был на грани закрытия, и спас его от этого Святослав Сахарнов, редактор. Однако дела все равно были плохи. Тем не менее я продолжал писать и совершенствоваться. И рассказы мои начали публиковаться в журналах Москвы, Свердловска, Алма-Аты...

Весной 1991-го, накануне развала Союза, я вновь побывал в Ленинграде. И еще раз посетил Святослава Владимировича. И мы снова пили чай и беседовали, и, как близкому человеку и доброму другу, писатель читал мне вслух отрывки из «Леопарда в скворечнике», время от времени стеснительно поглядывая на меня поверх очков. Позднее за эту сказку Сахарнов удостоится Почетного диплома Международного совета по детской книге. Еще он рассказывал мне о работе над новым своим романом, «Камикадзе». Такие вещи, повторяю, писателиверяют лишь друзьям. Одну из своих книг Святослав Владимирович так и подписал: «Александр Хакимову, дальному другу моему в далеком Баку, в городе моей юности...»

С той поры я больше с ним не встречался. Какое-то время мы с Сахарновым переписывались, потом переписка заглохла. Времена наступили сами знаете какие, да и над моей головой распахнулся мешок со всевозможными несчастьями... Лишь время от времени я узнавал из газет о новых книгах Святослава Владимировича (он, оказывается, написал роман «Сын лейтенанта Шмидта», шутивную пародию на Ильфа и Петрова, а также работал над историческим романом «Шляпа Императора», который, увы, так и остался неоконченным). И вот – известие о его кончине...

Он был не просто профессионал высочайшего класса. Подобных профессионалов не так уж и мало. Он был по-настоящему интеллигентным, участливым, деликатным человеком, готовым поддержать молодые таланты, а это встречалось и встречается крайне редко. Он был очень добрым и в книгах своих (прочитаете – убедитесь), и в жизни.

Признаюсь, последние недели я безостановочно казнию себя. За то, что фактически забыл о Святославе Сахарнове, за то, что не писал ему, не звонил, не пытался связаться по Интернету или как-нибудь еще. Все откладывал – потом, потом... Мне

следовало бы быть внимательнее к человеку, который помог мне стать писателем. Правда, я очень часто перечитывал его книги и давал их читать моим друзьям – может, это хоть в какой-то степени смягчит мою вину. И призываю всех вас – старайтесь не забывать своих благодетелей, будьте к ним повнимательнее!

В самом начале я говорил об эпитафии... Разумеется, моряку, писателю, путешественнику Святославу Сахарнову поставят надлежащий надгробный камень, и там будет надлежащая надпись. Но лично я хотел бы произнести традиционную, всем нам знакомую фразу: «Аллах ряхмят елясин!» Да упокоит его Аллах! Конечно, Святослав Сахарнов не был мусульманином, да и родился далеко отсюда. Однако он жил на нашей земле, обучался здесь морскому воинскому делу. Он дышал нашим воздухом, он пил нашу воду, он плавал по нашему морю. Он в немалой степени наш человек. Поэтому предлагаю всем, кто любит море, путешествия, приключения, сказки – почтить память Святослава Сахарнова, моряка и писателя.

Ну что тут еще скажешь?.. И корю себя, и казню, и долго еще буду корить и казнить... И ведь не являюсь я неблагодарной скотиной, это определено, просто повседневная суета затягивает, как тряпина, и забываешь черкнуть хотя бы пару строк своим истинным благодетелям... Хотя это ни меня, ни кого другого совершенно не оправдывает... Но, быть может, у меня есть иное оправдание – то, что я, выведенный на литературную тропу Святославом Владимировичем, продолжаю и продолжаю творить, никуда не сворачивая, и ничем не разочаровывая писателя, который когда-то поверил в мой талант?

В прекрасной сахарновской сказке для детей «Гак и Буртик в Стране бездельников», написанной почти полвека назад, есть такие строки: «Не забывайте: Труд и Победа – наш девиз!» Слова эти принадлежат мастерам. Так уж вышло, что их девиз стал и моим девизом. Труд и Победа. Труд и Победа, и никак иначе. Я крепко помню это, дорогой Святослав Владимирович.

Виннету с Первой Нагорной

Рассказ

...Это была самая настоящая мода, мода на индейцев. Мировой кинематограф увлекся этой темой и в течение полутора десятка лет неустанно гнал фильм за фильмом. Чуть ли не каждый месяц на экраны страны (и нашего города) выходила новая картина об индейцах. «Чингачгук – Большой змей», «Оцеола», «Текумзе», «Сыновья Большой Медведицы», «Приключения на берегах Онтарио», «Апачи», «Белые волки», «Сокровища Серебряного озера», «След Сокола»... Большею частью это были фильмы, снятые на гэдээровской студии DEFA. А Главным Индейцем был тогдашний кумир всех наших мальчишек (да и девчонок тоже), югослав Гойко Митич – спортсмен, каскадер, ставший киноартистом и воплотивший на экране образ сурового краснокожего воина и вождя... Стоило кинотеатру вывесить афишу с гордым профилем Гойко – и все, кассовый сбор был обеспечен. Народ ломился на эти фильмы во все залы, большие, средние и малые, и на все сеансы, как основные, так и дополнительные. Ловкачи спекулировали не только билетами в кино – продавались даже мутные снимки, сфотканные с экрана, снимки, на которых Гойко Митич в роли Оцеолы припиливает кинжалом к дереву бумагу – лживый договор, сочиненный бледнолицыми...

Кто знает, отчего именно в то время возникла эта киномода? Вспомнили вдруг

романы Фенимора Купера, и Карла Мая, и кого-то там ещё... и перенесли на экран... Судьба апачей и команчей, делаваров и гуронов, семинолов и чероки, ирокезов и могокан, шошонов и сиу – горестная судьба краснокожих коренных американцев, на чьи земли пришли белые поселенцы и принялись утеснять и вытеснять. В нашем сознании отпечатался образ индейца – сына лесов и прерий, простодушного, но справедливого, сильного, но не подлого, умирающего, но не сдающегося, независимого и свободолюбивого... Правда, существовали ещё и американские фильмы, о которых мы читали в журнале «Советский экран», например; в них индейцы изображались грязными, некультурными, лживыми дикарями, которые так и норовят отнять у белого колониста честно добытое им золото, снять с него самого скальп, а попутно еще и похитить и отыметь по полной программе его жену, белую женщину... Потом я узнал, что это не индейцы научили европейцев снимать скальпы, а совсем наоборот. Белые охотники-трапперы отсекали у застреленных волков хвосты, а с убитых индейцев срезали волосы, потом все это предъявляли в фактории и получали оплату – похвостово и поскальпово. А потом индейцы переняли эту практику – почему бы и нет, собственно? Впрочем, нельзя мазать всех бледнолицых сплошной чёрной краской – многие из охотников и поселенцев дружили с индейскими племенами и обращались с ними по справедливости... Следопыт, например. Или Верная Рука – Друг Индейцев... Равно как и среди краснокожих попадались и негодяи, и предатели... Сложная все-таки штука жизнь. Разноцветная.

А возраст мой и друзей моих тогда был – между десятью и пятнадцатью, самый романтический.

Насмотревшись на индейцев в кино, мы начинали, естественно, играть в них. Мы, мальчишки, бегали по нашим бакинским дворам с перьями, воткнутыми в волосы, и издавали боевой улюлюкающий клич, часто-часто хлопая себя ладонью по рту. Но во дворах было всё-таки тесно, и игра в индейцев переносилась в парки и скверы города, благо их в Баку всегда хватало – густых, огромных, словно леса. Уж там-то было где развернуться! Мы учились подражать крику животных и голосам птиц, мы учились ступать след в след, мы учились взбираться на деревья и прыгать с них на плечи врагу, мы... Нет, враг, конечно, был условный, мы разделялись на два племени и «выкапывали топор войны». Зато потом, заключив перемирие, мы непременно выкуривали «трубку мира», кашляя и отплевываясь, ибо чаще всего в роли «трубки мира» выступали папиросы «Аврора» или «Казбек», втихаря стянутые у наших отцов. Если же отцы обнаруживали пропажу, то по нашим задницам щелкали ремни, нанося своего рода боевую раскраску... Мы переносили экзекуции стойко, как и полагается уважающим себя индейцам у столба пыток. И лексикон наш был соответствующим: родные дома мы небрежно называли «вигвамами», девчонок сурово именовали «скво», а ходовыми выражениями у нас были «Хао – я всё сказал!» или «У меня не два языка» (если кого-то подозревали в обмане).

Однако плох тот индеец, который не имеет оружия! Томагавков у нас не было (где их было взять, томагавки-то?), ножи у нас отнимали родители, зато мы мастерили луки и стрелы! У кого-то луки получались лучше, у кого-то хуже, но делали мы их все одинаково: из упругой ветки орешника, очищенной от коры и заостренной с обоих концов. Тетивой служила бечевка, шпагат или тонкий провод. Со стрелами возни было больше. Это ведь не просто круглые палочки (их нам поставлял пожилой сосед, он изготовлял клетки для птиц и у него было множество заготовок для жёрдочек; правда, с одним условием – чтобы мы никогда не стреляли по людям и по пти-

цам). К стрелам ведь полагаются еще и оперение (а то они будут плохо летать), и какие-никакие наконечники (а то втыкаться не будут, и в чем же тогда кайф?). Ну, наконечники мы получали так: клали на трамвайные рельсы старые гвозди, и проходящий трамвай вмиг раскатывал их в лепёшку! А оперения мы вырезали из полиэтилена. Не из натуральных перьев, нет. Натуральные птичьи перья нам нужны были совсем для другого. Правильно, в волосы втыкать, как вы догадались?

Сначала вокруг головы повязывался широкий красный лоскут. Потом в волосы вставлялись перья. Тут уж кому как повезло: у одних пацанов это были голубиные перья, у других – петушиные. Но предметом всеобщей зависти был Рафик из восьмого подъезда: будучи в зоопарке, он ухитрился выдернуть перо из хвоста здорового попугая ара. Когда Рафик нарочито небрежно втыкал в свою шевелюру длинное, пестрое попугайское перо, мы просто стонали от зависти.

Что еще? Ах, да, боевая раскраска. Чаще всего мы мазали физиономии, мало кто разрисовывал себе голый торс. Две белые полосы по щекам, от переносицы к углам губ, наносились зубной пастой, параллельно им – две красные, губной помадой мамы или старшей сестры. Ну что, презренные бледнолицые?

Наши луки были объектом насмешек со стороны так называемых «рогаточников». Пацаны, вооружённые этим простым, древним и очень опасным оружием, открыто издевались над нами, индейцами. Столкнувшись с нами где-нибудь в тихом, зеленом переулке, «рогаточники» орали что-то вроде «вот он, красножопый брат мой!» или «Виннету – х... собачий!» (вместо «Виннету – вождь апачей»), или еще какие-нибудь пакости в этом роде. Многие из нас относились к этому спокойно и бесстрастно, подобно истинным команчам или апачам, но вот Селим, например, всегда срывался и бросался в драку с азартным воплем: «Виннету с первой Нагорной не сдается!» После чего к его полосам из помады добавлялись кровавые полосы из расквашенного носа... Селим жил, как и я, в старом доме на Первой Нагорной улице, был самым маленьким и самым щуплым из всех нас, но боевого духа, или «душка», как мы говорили, у него хватало на пятерых. Потом подоспевали мы, и начинался «шухар», как называли добрую бакинскую драку...

Нет, мы не любили «рогаточников». Лук тоже боевое оружие, и тоже древнее, но мы никогда не стреляли ни в одно животное, ни, Боже упаси, в человека – только по деревьям и по картонным коробкам (какой это был кайф – метко воткнуть стрелу с наконечником из гвоздя в древесный ствол или коробку с двадцати-тридцати шагов! И слышать при этом «фр-р-р» летящей и вращающейся вокруг собственной оси стрелы!). А вот сколько воробьев, голубей, скворцов и кошек погибло от камешков, выпущенных из рогатки – и не счесть. Безжалостное оружие бессовестных пацанов – рогатка... А лучше всех стрелял из лука рыжий Левка, по прозвищу Огненный Лис. Прозвища мы выдумывали себе сами, на манер индейских. Быстрый Олень, Бешеный Мустанг, Дикий Кот, Свирепый Волк...

Постепенно я, как и все, вырос. Лук и стрелы остались в детстве. Перья больше не втыкались в волосы. Когда мне исполнилось пятнадцать, я вооружился посерьезнее – собственноручно отлил свинчатку. Получился тяжеленький, тускло блестящий кругляш, по одному краю которого я выточил выемки для пальцев. Я таскал эту штуку в кармане, отчего брюки мои все время спадали, и я был вынужден минутно их подтягивать. Видя мои мучения, прилпатненный парнишка из соседнего подъезда (кликуха – Серый) дал мне полезный совет: просверлить в свинчатке дыру и подвесить ее к локтю на резинке. Я так и сделал. Оказалось очень удобно – Серый

знал, что советовать. Чуть чего взмахнул рукой – и свинчатка выскальзывает из рукава пиджака прямо тебе в ладошку. Разжал пальцы – и оружие втягивается обратно в рукав... Автоматика! Слава Богу, нечасто приходилось пускать в ход эту штуку, но приходилось. А потом я избавился от свинчатки. Как-то раз осенним дождливым днем завязалась драка «улица на улицу», подъехал желтый милицейский «луноход», и я, убегая от сержанта через парк, сорвал тяжелый кругляш с резинки и зашвырнул его в кусты...

С возрастом изменилось и отношение к фильмам про индейцев. Половина из тех, кто фанател в детстве от этих фильмов, продолжали фанатеть. Другая половина, напротив, пересмотрела свои прежние взгляды, и начала злобно-критически охаивать эти фильмы. Мол, все там как в сказке, краснокожих и пули не берут, они и в воде не горят и в огне не тонут, и вообще они были не такие белые и пушистые, как показывают, и вообще все это сказочки для детей младших классов. Иногда на сеанс повторного фильма, на какого-нибудь «Текумзе» или «Оцеолу» приходили представители обеих партий – фанатиков и скептиков. Первые смотрели фильм как в детстве, страшно переживая, стискивая кулаки, вскрикивая и плача, когда кого-нибудь из благородных индейцев все же мочили. Вторые громко издевались над фильмом а также над первыми. (Исик, глядя на экран и обливаясь слезами: «Смотри... смотри... стрела ему... прямо в горло попала...» Вовка, глядя на Исика и держась за живот: «Ах-хаххаха-ха!!!»). Кончалось все руганью и выдворением скептиков из зала. Впрочем, иногда скептики уходили сами. И останавливались покурить в фойе, нарочито громко рассказывая друг друга издевательские анекдоты про индейцев. («Приходит один индеец к вождю и говорит: «О вождь, некоторые имена в нашем племени мне не нравятся!» Вождь, грозно: «Тебе что, не нравится имя твоего брата, Гордого Орла?» «Нет, почему, нравится...» «Может, тебе не нравится имя твоей сестры, Нежной Лани?» «Нравится» «Тогда, может, тебе не нравится мое имя – Могучий Бизон?!» «Нравится, нравится!» «Ну так и чем же ты недоволен, Хрен Моржовый?!») Фанаты скрипели зубами и делали вид, что не слышат. Можно ли смеяться над поклонниками фильмов об индейцах? Я бы не стал. Мой отец, как рассказывала бабушка, в детстве был фанатом фильма «Чапаев» (одним из миллионов таких фанатов!), и часто среди ночи вскакивал с воплем «Ур-р-раааа!» и взмахивал рукой с воображаемой саблей...

А лет через двадцать случилась со мной одна пренеприятнейшая история... Был я в командировке в одном южнорусском городе, и «снял», как принято говорить в таких случаях, женщину. Мы договорились пойти к ней домой. Когда мы проходили через темный вечерний парк, сидящая на скамейке компания из пяти-шести мужиков грязно оскорбила мою спутницу. Я вспылил – что, не кавказец, что ли? Подошел к скамейке и что есть силы ударил по первой подвернувшейся физиономии. Один упал, остальные вскочили. И принялись меня бить. Я далеко не Жан-Клод ван Дамм. Эх, мелькнула мысль, мне бы мою свинчатку – ту, самодельную... В отличие от героя новеллы Натига Расул-заде, который разгуливает по Москве с двумя кастетами в карманах, я был совершенно безоружен. А они... Пять их было или шесть – точно уже не помню, но били меня сильно. Нет, сначала я тоже дрался, но силы были неравны, и вскоре я уже катался по асфальту, свернувшись калачиком, а компания, громко матерясь, лупила меня ботинками по ребрам. Я мог только материться в ответ, что и делал с большим искусством, чем приводил мужиков в еще большее иступление.

Моя дама под шумок смылась, бросив меня на съедение хулиганам; ну да ладно, я ее простил... Прохожие обходили побоище стороной, ни одного милиционера в радиусе трех километров, похоже, не гуляло. Захлебываясь кровью, я продолжал излагать избивающим меня их родословную и обстоятельства их происхождения от их мамаш, оппоненты мои остервенели вконец, я услышал щелчок ножа с выкидным лезвием и азартный возглас: «Мочить его, суку!» Чья-то рука схватила меня за волосы и потянула вверх. Я поневоле поднялся, оказался сидящим на корточках. Один глаз у меня заплыл, другим я видел какие-то неясные тёмные фигуры вокруг себя. Прошелся языком по деснам. Многих зубов не доставало. Тело болело невыносимо. Перспектива вырисовывалась самая что ни на есть невесёлая, поскольку подонки, похоже, были отпетые и отправить человека на тот свет им было так же легко, как мне высморкаться. Я зашарил руками по асфальту в поисках подходящего камня или железяки – хоть стукнуть кому-нибудь по ноге напоследок...

Чей-то голос произнёс:

– Молись, жаба, сейчас мы тебя кончат будем...

Обязательно надо было что-то сказать. Позарез, простите за каламбур.

Уж и не знаю, почему мне вспомнилась именно эта фраза, фраза моего дружка из далёкого детства, но я выплюнул два зуба и прохрипел:

– Х... кушай! Виннету с Первой Нагорной не сдаётся...

И зажмурился, ожидая смерти. Ею ощутимо пахло.

И тут другой голос негромко спросил:

– Бакинец, что ли?

– Да, – ответил я и выплюнул ещё один зуб. Ну где ты там, смерть?

И вдруг тот же голос сказал:

– Отпустите его. Хватает.

Обступившие меня недовольно заворчали. Кто-то сердито сказал:

– Что за дела, Ярый? Да мочить его, лашпета... Он Рубику нос сломал.

– Я сказал – отпустите, – властно сказал тот, кого назвали Ярым. – Пусть ка-нает.

– Но... – вякнул кто-то.

– Вы че, не поняли? – бешено сказал Ярый. – Валим отсюда, в темпе!

Мои волосы выпустили. Я осторожно открыл глаза. Вокруг меня качались черные силуэты. Тут на какие-то несколько минут я впал в подобие обморока, а когда пришел в себя, компания удалялась, невнятно переговариваясь на ходу. Я заковылял к скамейке, влез на нее. Скоро подошли сердобольные прохожие, я почувствовал, как кто-то обтирает мое лицо мокрым платком, кто-то побежал вызывать «скорую», еще кто-то побежал за милиционером. Я плохо осознавал все, что происходило вокруг. Но при этом думал: кто он, этот Ярый? Мой бывший земляк, которого судьба забросила на чужбину? Или он так же, как и я, фанател в свое время от кино с индейцами? Или просто крови не жаждал в этот вечер и рад был любому поводу предотвратить убийство? Или тут что-то другое?.. Но на одну секунду мне показалось, будто между мной и моей смертью встал суровый индеец с раскрашенным лицом и орлиными перьями в волосах. И спас меня. Как спасал других в тех фильмах, что я смотрел в детстве.

Охота в Меловом периоде

Фантастический рассказ

– ...Я войду в историю! – заявил Том, целясь в стену из крупнокалиберного ружья.

– А я? – иронично спросил профессор Уиллис.

– Вы тоже, док, – великодушно сказал Том. – Вон ведь какую штуковину построили! Это целиком ваша заслуга, тут ничего не попишешь... Но, по совести говоря, – он подмигнул профессору, – сами-то вы, док, на своей машине времени даже в позавчерашний день отправиться не сможете, здоровье не позволит. А уж тем более к динозаврам... К динозаврам отправлюсь я! – Том стукнул себя в грудь прикладом. – И привезу оттуда ящерицу!

Он посмотрел на стол, где валялось несколько раскрытых толстых атласов с рисунками, изображавшими всевозможных динозавров.

– Конечно, хорошо бы привезти того, с длинной шеей... или этого, который с тремя рогами... – мечтательно продолжал Том. – Но ведь в машину не влезут!

Он с сожалением взглянул в угол лаборатории, где стояла машина времени – трехметровой высоты стальное яйцо на трех массивных ногах-упорах.

– Не влезут, – согласился Уиллис. – Этот, как вы его называете, с длинной шеей, весил около тридцати тонн, а длина его была больше двадцати метров.

– Да, – озабоченно сказал Том. – Придется уж мне ловить этого, как его... орти... орми... тьфу! Язык сломаешь.

– Орнитомима, – подсказал профессор, задумчиво вертя в руках бокал.

– Во-во. А потом!.. – Том положил ружье. – А потом я устрою такое турне по всему свету! Еще бы, живой динозавр! Денежки потекут рекой. Посетители будут просто ломиться... репортеры, телевидение, кинохроника... А когда людям поднадоест на него глазеть, я продам его – за кругленькую сумму, разумеется – очкарикам. Ученые-то не прочь будут заполучить его, чтобы распотрошить и поковыряться в нем по-научному, а, док? О машине времени, конечно, ни слова, пока я не сделаю свой сбор. Монополия. Эксклюзив! А потом, док, придет ваш черед снимать пенки...

– Бросьте это, Томас, – тихо сказал профессор. – Я всю свою жизнь был одержим палеонтологией. Так сильно одержим, что мне мало было костей и отпечатков. Тогда я занялся физикой и техникой, и после многих лет адского труда создал машину времени. Я бы отдал все на свете за то, чтобы самому отправиться в мезозой. Но я старик, и у меня большое сердце... Боюсь, не выдержит. Это моя сокровенная мечта – увидеть динозавров своими глазами, наблюдать за их повадками, фотографировать, заснять на киноплёнку... Но мне и в голову не пришло бы привезти из прошлого живого динозавра для того, чтобы выставлять его в балагане!

– Вы непрактичный человек, док, – снисходительно сказал Том. – Может, вы и разбираетесь в ваших ящерицах или там в технике... не спорю. Но в бизнесе вы, извиняюсь, ни черта не шурупите. И чем, по-вашему, плох балаган?.. Я сделаю так, как решил. Привезу ор-ни-то-ми-ма (он старательно выговорил слово) и сорву свой куш. И вы, док, не останетесь внакладе, будьте спокойны.

– Почему бы вам тогда уж не привезти сразу парочку, – лениво пошутил Уиллис. – Устроили бы ферму, динозавровые яйца... Это хоть и не Джурасик-парк, но все же...

– Так ведь не влезут! – с досадой воскликнул Том, воспринявший слова про-

фессора всерьез. – А кстати, док, – он понизил голос. – Как у этих тварей различить, где самец, а где самка?

– Боюсь, вы не сумеете, – сухо сказал профессор. – И вообще, – он вздохнул и поставил бокал. – Если на вас нападет крупный хищник – стреляйте ему в сердце. Ни в коем случае не стреляйте в голову. Мозг у динозавров не в голове.

– Как – не в голове?! – ошарашенно спросил Том. – А где? В смысле, куда стрелять-то?

– В спину между лопаток, – хладнокровно сказал профессор. – Или в задницу.

...Том тяжело спрыгнул из распахнутого люка на землю, обеими руками сжимая крупнокалиберный винчестер (автоматическая винтовка против врагов помельче болталась у него за спиной). Его сильно мучило после перенесенного погружения в прошлое, перед глазами расплывались красные круги. Он еще не знал, что запуск машины времени оставил без электроэнергии все Северо-Западное побережье.

Справившись с тошнотой, Том огляделся и сориентировался по компасу.

Окружающий его мир был, в общем-то, похож на те картинки, которые показывал профессор. В голубом небе ярко светило солнце. Машина стояла на небольшом плато среди зарослей папоротников, саговников и карликовых пальм. На юге, у самого горизонта виднелись невысокие горы, а на западе простиралось обширное болото. Втянув в себя душистый, пряный воздух, Том левой рукой поднес к глазам полевой бинокль.

Плато казалось на удивление безжизненным (если не считать каких-то жужжащих насекомых), горы – тоже. Зато в болоте Том разглядел плескавшихся там ящеров с утиными клювами и высокими хохлами на макушке. Над болотом вились какие-то крылатые твари, смахивающие на летучих мышей. Да-а-а, разочарованно подумал Том, а на профессорских картинках все кишмя кишит разными ящерицами... Потом он ухмыльнулся. Что ни говори, а он – первый из людей, кто воочию видит прошлое! Вот как выглядит мир в меловом периоде, за восемьдесят пять миллионов лет до того, как парня по имени Иисус распяли на кресте...

Внезапно откуда-то слева послышался мощный хруст. Подскочив от неожиданности, Том выронил бинокль и повернулся туда, подняв тяжелое ружье со снятым предохранителем. Из папоротников метрах в десяти от него высунулась огромная голова самого жуткого вида с маленькими глазками, рогом на носу и длинными острыми шипами вокруг шеи. Клювообразная пасть мерно пережевывала зелень. Палец Тома так и плясал на спусковом крючке, но тварь, поглядев на человека, попятилась и скрылась в зарослях.

Том перевел дух. Потом вернул предохранитель на место, проверил снаряжение, засек по компасу азимут и решительно зашагал вперед.

...Орнитомимы появились внезапно – высочили из зарослей справа, длинношеие, длинноногие и длиннохвостые ящеры ростом чуть поболее человека, похожие на чудных страусов. Их было около дюжины, и они передвигались бегом – доисторические воришки, похитители и пожиратели динозавровых яиц.

Ящеры разом остановились, смешно вертя головами. Четверо из них осторожно направились к человеку, ступая по-птичьи. Том стоял неподвижно. Вскоре один из орнитомимов оказался ближе остальных. Он повернул голову и взглянул на Тома круг-

лым глазом. Ишь ты, криво улыбнулся охотник, какие любопытные ящерицы! Ему в друг пришло в голову, что орнитомимы чем-то напоминают, пожалуй, нелепых человечков, и он улыбнулся еще кривее. До людей-то еще ого-го сколько... в смысле, миллионов лет... Том прикинул расстояние. Нет, далековато, решил он. Пусть еще подойдет. Цып-цып... И ящер подошел поближе.

Том снял с пояса большой металлический цилиндр и направил его торцом в сторону приблизившегося орнитомима. Палец его лег на кнопку и, чуть помедлив, нажал на нее.

Раздался негромкий хлопок. Из цилиндра вылетела, раскрываясь в воздухе, тонкая прочная сеть с грузилами по углам и накрыла ящера. Орнитомим скакнул было, но запутался в сети и упал. Сбросив ружья, Том ринулся к нему, на ходу доставая шприц. Прижав к земле лежащую трехпалую ногу пресмыкающегося, Том всадил иглу в его мускулистое бедро и надавил на плунжер.

Оставив бьющегося на земле, спутанного орнитомима, охотник выпрямился и вытер пот со лба. Следовало выждать, пока не подействует снотворное, доза такая, что сморит и слона. Потом придется тащить добычу к машине... Том огляделся. Остальных «страусов» как ветром сдуло. Черт с ними, усмехнулся Том, мне всего-то один и нужен был. Он закурил сигарету, отравляя первозданный воздух табачным дымом. Эта безмозглая тварь принесет мне кучу денег, подумал он, разглядывая пьяно ворочающегося в сети динозавра. Вернуться бы только успешно – и можно считать себя миллионером. А профессор... что ж, он скоро, возможно, и помрет. А машина времени останется! Надо бы успеть научиться управлять этой штуковиной самому... Том медленно повернулся кругом и застыл, а сигарета выпала из его пальцев.

Он увидел то, чего не мог видеть раньше, ибо стоял к этому все время спиной.

В сотне метров от него среди зарослей возвышались на сваях несколько хижин, связанных их пальмовых стволов и крытых вайями папоротников.

Люди?! В меловом периоде?! Не веря собственным глазам, Том шагнул вперед... И тут на него упала большая сеть, сплетенная из растительных волокон...

Профессор Уиллис ждал возвращения своего компаньона в течение трех месяцев, но так и не дождался. Палеонтолог умер от сердечного приступа, незадолго до кончины уничтожив все чертежи своего изобретения.

...Том сидел в небольшой пещере, выход из которой был забран подобием решетки – толстыми прутьями, связанными крест-накрест жилами животных. Выход был единственным и, увы, непреодолимым.

Том находился в этой «клетке» уже вторую неделю – с тех самых пор, как его взяли в плен странные двуногие ящеры, динозаврики ростом не более двенадцатилетнего ребенка, у которых были ловкие трехпалые ручки и длинные морды. Профессор Уиллис, оказавшись он здесь, распознал бы в них стенонихозавров – ящеров, которые чуть было не стали разумными существами задолго до человека, но вместо этого почему-то вымерли за компанию с остальными динозаврами... Том всего этого не знал, и понял лишь то, что влип, и влип по-крупному. Стенонихозавры-охотники отобрали у Тома все, вплоть до одежды, и заточили в эту вот клетку неподалеку от своего поселка на сваях. Кормили его сырой рыбой и убитыми мелкими летающими ящерами.

Целыми днями по ту сторону решетки вертелись и прыгали сотни стенонихо-

завров; глаза на человека, они возбужденно щебетали и щелкали – переговаривались, судя по всему; среди них было много детенышей, пришедших со взрослыми. Те, кто поймал Тома – а со временем он научился отличать их от остальных – брали у любопытствующих сородичей небольшие красивые морские раковины, за право посмотреть на пленника. Точь-в-точь как кассиры принимают деньги у посетителей зоопарка или выставки. Раковины складывали грудой у пещеры.

По ночам, когда все стихало, Том пытался расшатать или сломать решетку голыми руками, но всякий раз при этом поднимался стерегущий его коротконогий ящер и предупредительно клацал зубами.

Том оброс, глаза его потухли. Медленно скребя почерневшими ногтями отросшую на лице щетину, он глядел на груды раковин и мрачно думал о том, что эти проклятые ящерицы делают на нем неплохой бизнес... И еще одна мысль заставляла его время от времени холодеть от ужаса – а не придет ли в голову этим уродам распрошить его и поковыряться в нем? По-научному?

Почти что Бирнамский лес...

Зима в этом году выдалась практически бесснежной, и, наверное, стоит благодарить за это небеса. Наш город плохо переносит такое природное явление, как обильный снегопад. Нет, все мы, безусловно, любим снег (в каждом из нас в той или иной степени живёт ребенок), но нас страшат его последствия. Я всегда говорил и говорю, что снег в Баку сравним с сексом – как там за пятью минутами удовольствия следуют пятьдесят лет бесконечных забот и хлопот, так и тут после дня красивого зрелища нас ожидают две-три недели всевозможных проблем... Но иногда, хочешь или не хочешь, атмосфера обрушивается на нас с вами массу снега, и остаётся лишь принять это с философским спокойствием.

Мне есть что вспомнить по этому поводу, стоит лишь пролистать дневниковые записи. Вот, например, хорошо запомнившийся день 6 января 2008 года:

«Снегопад начался ещё ночью. Снег пошел – сначала робко, неуверенно, а потом все более и более решительно... В половине третьего ночи на нашем балконе удобно уселся дрозд и принялся звонко изливать душу. Разбудил. Сначала я хотел шугануть этого Баскова в перьях, потом передумал. Пусть поёт. Ария длилась – с небольшими перерывами – аж до пяти утра, после чего дрозд улетел, видимо, завтракать. А около девяти часов я посмотрел в окно, на залив, и увидел восхитительное зрелище: в длинную и узкую щель между морем и низко нависшим облачным покровом проглянуло восходящее солнце – как багровый зрачок между верхним и нижним веками. И в этой щели ослепительно сверкала длинная полоса, горя, как расплавленное серебро! Это блестело море. А снег все падал»

Следующая страница:

«После завтрака моя супруга, глядя в окно, вдруг предложила пойти погулять под снегом. Ветра нет, сказала она, мороз просто смешной, а погода чудесная, такая, какая бывает нечасто... Я воспринял данное предложение без особого энтузиазма». Как же, помню, помню. Говоря откровенно, тогда мне вообще никуда не хотелось идти. Мне и так было хорошо, в уютном кресле у окна, с чашечкой кофе, с книжкой. Я перечитывал фантастический роман Станислава Лема «Фиаско» Помню отчётливо, что книжка была раскрыта как раз на описании Бирнамского Леса на Титане, спутнике

планеты Сатурн. И я был тогда целиком погружён в обстановку чужого мира.

...Там, на ледяном Титане, тысячи гейзеров били одновременно, выбрасывая в атмосферу струи раствора солей аммония. Тучи расплывались, и из них падал снег, странный, липкий, и образовывал так называемый Бирнамский Лес. Он состоял отнюдь не из растений – химические радикалы слипались в причудливые фигуры, похожие на фарфоровые джунгли, на перламутровые ветвистые кораллы, на стеклянные олени рога, на молочно-белую кружевную паутину, на сеть из тончайших нитей, на застывшую пену... Все эти конструкции выглядели пушистыми из-за непрерывно налипающего на них химического снега... Оттого, что гейзеры извергались беспрерывно, форма «леса» постоянно менялась, он как бы шевелился, то расширяясь, то отступая, из-за чего его и прозвали «бирнамским» (название было заимствовано из шекспировского «Макбета», в котором упоминается движущийся лес). И сквозь эти разветвленные многоярусные заросли высотой в полмили продвигался космонавт верхом на гигантском роботе...

Разумеется, я отлично понимал, что Бирнамский Лес на Титане полностью выдуман Лемом, но просто не мог оторваться от описания этого вымышленного мира – настолько достоверно он был преподнесён. Впрочем, этого и следовало ожидать от пана Станислава, который ранее с потрясающим мастерством, во всех деталях описал мыслящий Океан на планете Солярис и абсолютно ни на что не похожий мир планеты Эдем... Оставалось лишь восхищаться могучим воображением фантаста и мысленно восклицать: «Респект! Респект и уважуха!»

Повторяю, мне абсолютно не хотелось никуда идти, не хотелось покидать тёплое жилище и откладывать интересную книжку. В ответ на предложение супруги я пробурчал нечто язвительное, в духе поручика Ржевского (в одном из бесчисленных анекдотов знаменитый гусар на вопрос романтически настроенной девицы: «Не хотели бы вы быть белым лебедем?» ответил весьма нелюбезно: «Охота была перья мочить...») Но, в конце концов, я уступил. Разве не в том состоит наша, мужчин, обязанность, чтобы удовлетворять прихоти драгоценнейших наших половинок, пусть даже самые неожиданные и экстравагантные прихоти? Подавив вздох, я оторвался от пана Станислава и принялся облачаться в зимний спортивный костюм, так, как, наверное, облачается в своей скафандр космонавт перед высадкой на другую планету.

Было около 11 утра, когда мы с Леной покинули дом и вышли на прогулку. Мы брели под непрерывно падающим снегом, иногда останавливаясь, чтобы слепить снежки и пошвыряться ими друг в друга, или чтобы полюбоваться панорамой заносимого снегом города, или посмотреть на свинцово-серую гладь залива... За все время нам встретилось всего три-четыре человека, не больше. Мы шли и шли, не фиксируя ни времени, ни расстояния, и получилось так, что незаметно для себя мы добрались до аллеи Шехидов – самой высокой точки нашего города.

Мы медленно поднимались по склонам, серпантину шоссе и ступеням лестницы, взбираясь все выше и выше... Мы забредали в закоулки и тупики, в потаённые аллеи... Нам открывалось поистине великолепное зрелище. Не было ни малейшего ветерка, мороз был всего минус два, с неба крупными мягкими хлопьями безостановочно сыпал снег. И всё вокруг было покрыто снегом. Он густо ложился на деревья, хвойные выглядели совершенно как в сказке, но ещё более сказочно выглядели лиственные, превратившиеся в подобие причудливых кораллов... Глядя на них, я вспомнил стихотворение Пастернака «Снег идет» и наконец-то понял, какой смысл вложил поэт в словосочетание «удивлённые растенья»! Заросли плюща скрывались под боль-

шими белыми шапками, пухлые снежные подушки лежали на ступенях лестницы; идя по аллеям, мы по щиколотку утопали в пушистом снегу. Вокруг не было видно практически никого, кроме нас с Леной, и на белоснежном, девственном покрытии отпечатывались лишь наши следы... Это если не считать, разумеется, кошачьих следов, а также многочисленных отпечатков трехпалых птичьих лапок... Так, помаленьку, мы добрались до смотровой площадки и взглянули на Баку сверху. Собственно, города вовсе не было видно, и не только города, но даже и моря, все скрывала белая мгла, из которой проступали едва различимые крыши ближайших зданий, покрытые снегом... А вверху было белёсое небо, и время от времени сквозь пелену облаков проглядывал бледный кружок солнца... Потом мы снова шли по усыпанным снегом аллеям, среди обросших снегом деревьев, и это была настоящая зимняя сказка! И ещё мы видели, как какая-то птаха величиной с воробья прыгала в пушистый снег и барахталась в нем, трепеща крылышками... И все это время сверху бесшумно сыпались и сыпались снежинки.

На обратном пути нас обуял творческий пыл, и мы совместными усилиями вылепили снеговика высотой сантиметров в тридцать. Он вышел каким-то кривоватым, и ему явно не доставало ручек, глаз, носа... Я начал искать подходящие сучки-веточки-шишки, чтобы придать снежной скульптуре законченность, но Лена меня остановила: по ее мнению, фигуру следовало оставить такой, какая она есть, ибо в таком виде она очень походила на Венеру Милосскую – ту, знаменитую, которая без рук...

Вернувшись домой, мы долго сушили одежду и обувь и согревались горячим чаем. И чувствовали себя примерно как полярники, возвратившиеся на свою базу.

Снежное волшебство длилось примерно сутки. А потом – потом случилось всё то, что и должно было случиться в нашем южном городе после обильного снегопада. Белая сказка, утрачивая свою прелесть, очень быстро сменилась тусклыми, раздражающими буднями, и осторожно семенили по гололёду старушки, а молодежь, напротив, разгонялась и с гиканьем скользила по утоптанному до блеска снегу... И люди шлёпались, издавая восклицания, и машины ползли по сверкающим, словно бы застеклённым, шоссе; дети азартно играли в снежки, и орудовали лопатами дворники, и медленно ползли по дорогам снегоуборочные машины, на обочинах громоздились грязные снежные кучи, с крыш бахромой свисали сосульки... а потом потеплело, и стало еще гаже, снег превратился в форменное болото, с крыш закапало и потекло... Но я постарался сохранить как в дневнике, так и в памяти то самое утро, и тот самый день, когда наш город заносило снегом. Потом, дочитывая «Фиаско», я размышлял о том, что любая, даже самая необыкновенная выдумка базируется, в общем-то, на привычных для всех для нас образах и ощущениях. И пан Станислав, естественно, когда-то был маленьким и видел величественные, занесенные снегом польские дубравы... и кто знает, не они ли много лет спустя помогли сформировать в его воображении образ Бирнамского Леса? Разумеется, расширить привычные, земные понятия до отчетливо представленных, вплоть до мельчайших черточек прописанных картин иного мира может только человек с хорошо развитой фантазией, но основа – всегда – наша с вами реальная жизнь, со всеми её деталями и красками, яркими и блеклыми, радостными и неприятными, долгими и быстротечными... А все-таки хорошо, коли человек может представить себе непредставимое и описать несуществующее! Как смешно и коряво выразился в своём рассказе один начинающий фантаст: «Я повидал такие места, которые невозможны»...

Лем издал «Фиаско» в 1987-ом году, за восемь лет до того, как запущенная Ев-

ропейским Космическим Агентством автоматическая межпланетная станция «Кассини» достигла Титана и сбросила в окутывающий его плотный красно-оранжевый туман исследовательский зонд. Много чего было найдено на Титане с тех пор (в частности, обнаружены были два обширных озера, наполненных метаново-этановым коктейлем), но – никакого намека на что-либо, хоть отдаленно напоминающее Бирнамский Лес! Был ли раздосадован Лем? Вряд ли. Он ведь не ставил своей целью дать досконально точный портрет Титана, хотя, уверяю вас, пан Станислав блестяще знал астрономию, тщательно следил за всеми последними открытиями планетологов и обладал потрясающими аналитическими способностями. Нет, ему просто хотелось придумать взвешенную сказку, причудливый и красивый химический лес, игру инопланетной Природы... и он отлично справился с этим. И не так уж неправдоподобна эта выдумка – ведь морозные узоры на оконном стекле, подчиняясь игре случая, часто складываются в изображения листьев, веточек, травы... Да и что мы вообще можем знать о чужом мире, отстоящем от нас на расстоянии полутора миллиарда миль – кроме тех сведений, что передал сброшенный на парашюте робот? Туда и «Кассини»-то летел целых семь лет!

А вот нам с Леной посчастливилось увидеть не менее великолепное зрелище (почти что Бирнамский Лес!), и не было необходимости лететь для этого на Титан, а нужно было лишь не пожалеть ног и преодолеть несколько километров...

Неделей спустя у меня завязался спор с одним из моих друзей, ученым-физиком. Он по натуре своей жуткий реалист и прагматик, фантастику не приемлет совершенно и высказался в том смысле, что, мол, зачем это нужно вообще – выдумывать несуществующие миры, пусть даже и красивые? Не является ли это пустой, никому не нужной тратой умственных сил? В ответ я снял с полки 4-ый том собрания сочинений Карела Чапека, раскрыл на письме «К одному читателю» и молча протянул книгу своему оппоненту. В этом письме своем великий чешский писатель, журналист и драматург (а также фантаст!) сказал: «Нам, людям, дан кусок Вселенной, чтобы мы познавали её, мы добираемся до её глубин не единственным путем; мы зондируем её своими поступками, наукой, поэзией, любовью и религией; нам нужны разные методы, чтобы измерить ими свой мир».

Ода скорпиону

Собирая камни для самодельного очага на «диком» Шиховском пляже, я встречал скорпиона. Вернее, обнаружил его под одним из камней. Потрясенный ярким солнечным светом, скорпион принял боевую стойку – раскрыл клешни и согнул крючком хвост. Я замер, глядя на него.

Этот скорпион был, несомненно, самкой, ибо на спине его сидели два крошечных, белёсых, неокрепших ещё детёныша, которых каждая мать-скорпиониха до поры до времени таскает с собой.

Спустя некоторое время скорпиониха поползла прочь, ища новое убежище. Она резво шагала по песку, выставив клешни перед собой и выпрямив длинный хвост с ядовитым шипом на конце. Детёныши крепко держались за мамин панцирь.

Я проводил их взглядом.

Это была далеко не первая моя встреча со скорпионами. В свое время я вдоволь на них насмотрелся в казахстанских степях, где проходила часть моей армейской

службы. Каждое утро тогда начиналось с неперемного вытряхивания скорпионов из ботинок, куда эти твари так любили залезать. А стоя в карауле по ночам, я видел множество скорпионов, бегающих по песку и ползающих по стенам строений. Я даже приноровился ловить их голыми руками, хватая двумя пальцами за ядовитый кончик хвоста и поднимая вверх. Разозленные скорпионы плясали в воздухе, но поделаться ничего не могли. Позднее, уже в Баку, я поражал этим своим умением однокурсниц по биофаку университета, во время полевой практики. Сейчас, правда, я не рискнул бы повторить сей трюк – потерял, потерял былую сноровку... И, каюсь, я загубил немалое количество безвинных скорпионов, заливая их эпоксидной смолой. После должной обработки получались такие полупрозрачные «камушки» со скорпионом внутри. Я приделывал к ним цепочки и дарил как сувениры знакомым девушкам.

Встреченная скорпиониха пробудила в моей памяти давний спор со своим другом, молодым поэтом. Мы сидели у него дома и отмечали выход очередного его сборника стихов. После «полубанки», как принято говорить в таких случаях, моего друга потянуло на философию. Мир устроен на удивление просто, объявил друг. Всё живое, от амебы до слона, от мотылька до человека, живет по принципу «рыба ищет, где глубже». Любая тварь Божья, включая Человека Разумного, стремится уйти от неблагоприятных и опасных условий существования и тянется к благоприятным и безопасным. Растения тянутся к свету, животные тянутся к теплу. Все живое, говорил мой друг, упорно ищет небольшую, удобную, теплую, сытую нишу, в которой и намерено утвердиться на долгое время, желательно – навсегда, и разорвать в клочья всякого чужака, который осмелится к этой нише приблизиться. Поиск лёгкой жизни – таков главный закон Природы, заключил поэт, глядя на меня поверх рюмки. И тогда я разозлился. Я сказал ему, что он ни черта не смыслит в биологии. Есть бактерии, сказал я, которые неплохо себя чувствуют в кипящей воде термальных источников. Есть живущие в ледяной воде антарктические рыбы, у которых вместо крови – жидкость, похожая на антифриз. Ящерицы из пустынь Средней Азии постоянно приплясывают, чтобы не обжечь лапки о раскаленный солнцем песок. Лишайники были обнаружены альпинистами чуть ли не на вершинах гор-семи тысячников. А в глубочайших впадинах Мирового океана ракообразные и моллюски обитают в условиях колоссального давления, которое безжалостно сплющит любое устройство из самой крепкой стали, созданной человеком. Это что – бегство от трудностей? Поиск легкой жизни? От животных я перешёл, что вполне естественно, к людям и стал орать, что в пределах одного лишь вида *Homo sapiens* мы видим столь непохожих друг на друга гренландских эскимосов и гималайских шерпов, бедуинов Сахары и папуасов Новой Гвинеи... Кажется, я сильно напугал поэта своим ором. Я горячился, приводя аргумент за аргументом...но как мне тогда не пришло в голову сказать о скорпионе? Это был бы, несомненно, наиболее сильный аргумент. Ибо скорпион – самое первое животное, которое давным-давно, в незапамятные времена, покинул море и устроился жить на суше.

Дело в том, что вначале вся жизнь была сосредоточена в воде. Суша была голой и, в общем-то, безжизненной – если не считать каких-то простеньких растений, робко укоренившихся на берегу у самой воды; впрочем, сейчас мы говорим не о растениях. В морях и океанах среди водорослевых джунглей резвилось множество существ одно другого причудливее, разных размеров, форм и цветов. Но первобытный скорпион (практически ничем не отличающийся от скорпиона современного) вдруг почему-то решил покинуть родную и удобную водную стихию и двинулся разведы-

вать голую и крайне неприветливую сушу.

Сказать, что ему при этом было очень трудно – это не сказать вообще ничего.

В воде скорпиону было легко – благодаря выталкивающей архимедовой силе. В воде, насыщенной, словно бульон, всякой мелкой живностью, скорпиону было нетрудно добыть себе пропитание. В море он, скорпион, дышал растворённым в воде кислородом. Наконец, вода защищала его от губительной солнечной радиации. И что же получил скорпион в результате своей авантюры? На суше ему стало намного тяжелее двигаться – заметно возрос вес. При этом за добычей (то есть за другими столь же «продвинутыми» скорпионами) теперь надо было активно бегать на подгибающихся от тяжести ногах. Скорпиону пришлось «срочно» переходить на новый тип дыхания, усваивая кислород уже из воздуха. Под жгучим, беспощадным, иссушающим солнцем... И это называется «поиском легкой жизни»?!

Первобытный скорпион был упрям до невозможности. Он не сдался. Он, хоть и с огромным трудом, но прижился на суше. А потом сушу освоила и прочая членистоногая братия – пауки, сороконожки, некоторые рачки... И пошло-поехало... Тут ещё и растения принялись методично штурмовать сушу, и вскоре планета наша зазеленела, и среди зелени зашмыгали гигантские насекомые...

Сотни миллионов лет спустя сушу принялись осваивать и позвоночные твари. Началось все, как считают, с кистеперых рыб, которые научились ползать по земле. Рыбы эти оказывались в пересыхающих водоёмах и, чтобы не погибнуть, переползали из лужи в лужу. Но если рыбами двигал хоть и базовый, но в то же время простейший инстинкт самосохранения (захочешь выжить – не только ползать научишься)...то скорпиона, я считаю, никто не принуждал менять благоприятную среду обитания на очень неблагоприятную. Скорпион пошёл на это вполне добровольно. Что двигало им? Что?

Мне думается, обыкновенное любопытство. Любопытство, сопряженное с риском и связанное с трудностями. Тяга к Неизвестному, пересилившая инстинкт самосохранения.

Скорпион выжил и здорово при этом закалился. Специалисты уверяют, что скорпион может выдержать высокую дозу радиации, смертоносную для всего живого. И если когда-нибудь случится, не приведи Аллах, глобальная ядерная война, и вспыхнут океаны, и земная поверхность сгладится, превратившись от адского жара в стеклянные равнины... по ним заползут обожженные, но уцелевшие скорпионы. Больше на Земле не останется, наверное, никого.

(Подобные апокалиптические мысли приходили мне в голову еще тогда, в Казахстане, во время учебных стрельб по беспилотным самолетам-мишеням; ракета за ракетой косо взлетали, волоча за собой хвосты пламени, и это было похоже на огромные огненные плевки из земли в небо... Стоял неумолкающий грохот, по условиям учений все мы были в противогазах, я взирал на полигон сквозь мутноватые стекла, и в пальцах моих извивался очередной пойманный скорпион...)

Но вернемся к любопытству. Лично для меня и древний скорпион, и первобытный человек, с копьем на плече бредущий по перешейку из Азии в Америку, и капитан каравеллы, плывущей к неведомым землям, и астронавт, ступающий по Луне – явления одного порядка. Разве не так? Люди-скорпионы. Скорпионолюди. Землепроходцы, открыватели и исследователи. Те, которые не могут подолгу сидеть на одном месте, те, кого гонит куда-то в непонятную и опасную даль таинственная, глубоко скрытая сила, какой-то беспокойный дух. Те, кто способны променять уют и до-

статок на лишения и тяготы... и все во имя чего? Во имя поиска ещё большего уюта и еще более крупного достатка?

Да уж вряд ли. От добра добра не ищут. Скорпионолюди двигаются в Неизвестное ради самого Движения. Так уж они устроены.

Ну а если я кого-то так и не убедил, пускаю в ход последний довод.

На африканской горе Килиманджаро, в зоне вечных снегов, практически у самой вершины альпинистами был найден сморщенный, мумифицированный труп леопарда. Зверь лежал мордой к вершине.

Житель влажных тропических лесов, где полно жратвы и самок, он лез и лез в гору... полз по снегу до тех пор, пока сильный холод и кислородное голодание не прикончили его.

Кто-нибудь может дать этому разумное, логичное объяснение?..

Я, например, не могу. Все мои объяснения будут страшно далеки от логики.

Самый дальний поход викингов

Очень полезная штука, своеобразный календарь на телеканале NOSTALGYA, ежедневно напоминающий о тех или иных событиях, происходивших в мире в тот или иной день, но в разные годы, – напомнил о важной вехе в истории космических исследований, а именно: 20 июля 1976 года была успешно осуществлена...

Я взялся пальцами за виски и попробовал воскресить в памяти тот день. Включил личный биосканер, так сказать.

То было удивительное и очень интересное время. К аромату золотого школьного детства стал примешиваться запах близкого взросления. Весной того года я получил паспорт гражданина СССР. Тогда же меня потянули на медкомиссию в военкомат – я, как и многие мои сверстники, стал допризывником. Потом я сдал экзамены за девятый класс и перешел в последний, десятый. И начались летние каникулы. Правда, в отличие от прежних каникул, тем летом я не столько отдыхал, сколько занимался – изучал дополнительную литературу по биологии и химии, исподволь готовясь к поступлению в Университет. Но и для отдыха и развлечений тоже удавалось выкроить время. Школьный ВИА, в котором я играл, взял тайм-аут, но с музыкой расставаться я и не думал – продолжал осваивать гитару, а также беспрестанно крутил на магнитофоне флойдовский альбом *Wish You Were Here* и альбом *Physical Graffiti* «Цеппелинов». Моя школьная симпатия уехала на лето в Геленджик вместе с родителями, оставив мне «на почитать» нелегально запрещенный в то время фантастический роман Ефремова «Час Быка»; я читал его, а еще «Маленького Принца» Сент-Экзюпери, и «Вино из одуванчиков» Брэдбери, и «Острова в океане» Хемингуэя... И, поскольку все-таки лето, с дворовыми друзьями часто ездил на пляж – в основном на Шиховский, туда удобнее было добираться – и загорал, и плескался в море... Да... А в тот день, 20 июля, помню, мы с ребятами добрались до дикого пляжа у Карадага, я прихватил с собой маску, трубку, ласты, понырял в зеленоватой прохладной воде... Не уберегся и обгорел на солнце, и подумал, что опять придется смазывать ожоги кислым молоком...

А вечером из программы «Время» я узнал, что «Викинг-1» успешно сел на Марс.

Кто такие были викинги – сегодня знает и стар и млад: многочисленные

фильмы, компьютерные игры, мультики настойчиво закрепили в памяти образ древних скандинавских мореходов, пиратов и крутых бойцов; а уж после того, как футбольная команда Исландии столь блестяще заявила о себе на Чемпионате Европы – так вообще... Впрочем, викинги были «в тренде» всегда. И тогда, почти полвека назад, две автоматические станции-близняшки, отправляемые NASA к Марсу, решено было назвать «Викингами».

История создания этих автоматов восходит аж к середине 60-х, когда начались работы над станцией «Вояджер», которую предполагалось отправить на Марс; однако все финансовые, материальные и людские ресурсы были тогда брошены на программу «Аполло», и проект марсианского «Вояджера» был законсервирован – руководство сочло высадку астронавтов на Луне более престижной программой, нежели беспилотное зондирование Марса. Но после успешной экспедиции «Аполло-11» Лаборатория реактивного движения в Пасадене получила возможность «воскресить» марсианский проект. Ученые взялись за дело с небывалым энтузиазмом, хотя задачи перед ними стояли, прямо скажем, нелегкие. Многочисленная аппаратура каждого из «Викингов» (так отныне нарекли станции) должна была сохранять работоспособность в течение 11-месячного перелета с планеты на планету и 3-хмесячного пребывания на Марсе. Управлять станцией с Земли весьма сложно – из-за удаленности радиосигнал будет идти до нее 18 секунд; поэтому команды на особо точные операции (включая посадку на Марс, а также работу станции в течении тех 22 дней, когда Марс будет заслонен от Земли Солнцем) должен был отдавать бортовой компьютер стоимостью в 30 миллионов долларов и памятью в 1800 слов. Запланированная в 1969 году смета программы в 364 миллиона долларов к 1975 году перевалила за миллиард. Дата старта «Викинга» лимитировалась взаимным расположением планет, что еще более усложнило работу; пуск ракеты переносился дважды. Но вот, наконец....

...«Викинг-1», аппарат весом в четыре тонны, был запущен летом 1975-го, как водится, с мыса Канаверал, с помощью ракеты-носителя «Титан-Кентавр». Спустя десять месяцев, 19 июня 1976 года, станция вышла на околomarсианскую орбиту. Первоначально посадка «Викинга-1» намечалась на 4 июля, в честь 200-летия Дня Независимости США, но изображения запланированного места посадки вызвали у специалистов крупные сомнения – слишком много там было кратеров, камней и вообще неровностей... Чтобы не подвергать риску столь дорогостоящий проект, посадку отложили до нахождения более подходящего места. Такое место нашлось – точка на западе равнины Хриса (по названию мифического золотого острова в Эритрейском море).

«Викинг-1» разделился надвое, причем орбитальная станция с солнечными батареями так и осталась на орбите, а вот спускаемый аппарат, весом в тонну, устремился вниз. Кстати, перед полетом его тщательно стерилизовали в течение 40 часов при температуре плюс 111 – чтобы не занести на Марс земные микробы... Спускаемый аппарат был снабжен специальным тепловым щитом для торможения в марсианской атмосфере (она хоть и пожиже земной, но нагреть несущееся со скоростью 250 метров секунду тело вполне способна). На высоте 6 километров аппарат развернул парашют с куполом 16-метрового диаметра. Спустя семь секунд был отброшен защитный экран и выдвинуты три посадочные опоры. Парашют, разумеется, замедлил спуск аппарата, но этого, по расчетам конструкторов, было недостаточно, и на высоте полутора километров включились тормозные реактивные двигатели с регу-

лируемой тягой. А через сорок секунд спускаемый аппарат с небольшим толчком сел на Марс. Да, в довершение ко всему в посадочных опорах были встроены так называемые «сотовые» амортизаторы из алюминия, которые смялись при соприкосновении с почвой, поглотив ударную нагрузку. Благодаря всем этим инженерным ухищрениям первый случай мягкой посадки американского аппарата на Красную Планету прошел успешно.

(Вот что, оказывается, творилось в 340 миллионах километров от Земли в то время, как я пускал пузыри под водой, играл с друзьями в карты на расстеленном поленце и ел сочные помидоры, посыпая их солью...).

Итак, «Викинг-1» стоял в ложбине, лежащей примерно на три километра ниже среднего уровня поверхности Марса. Вокруг пришельца с Земли расстилалась равнина, усеянная острыми камнями и кусками вулканической лавы. Вверху было чистое, светлое небо. Температура – шестидесятиградусный мороз... Обо всем этом следовало сообщить на Землю.

Уже через 25 секунд после посадки «Викинг-1» передал первое изображение, которое получили станции космической радиосвязи в Голдстоне (Калифорния), Мадриде и Канберре. В течение последующих четырех минут автоматическая станция «самоинициализировалась», то есть выдвинула узконаправленную антенну для прямой связи с Землей и развернула метеорологическую штангу с датчиками. В следующие 7 минут была произведена съемка 300-градусной панорамы (снимок обошел все газеты и журналы мира). А спустя сутки после посадки был получен первый цветной снимок поверхности Марса! К сожалению, впоследствии снимок утеряли, и это была не единственная неприятность: так и не заработал сейсмограф (его подвижный датчик, реагирующий на колебания грунта, перед полетом надежно зафиксировали для защиты от удара при посадке, но после посадки высвобождающий механизм заклинило); застряла механическая штанга с грунтозаборником, но спустя пять земных суток ее удалось дистанционно высвободить. Несмотря на это, номинально эксперименты были выполнены. Я мог бы рассказывать об этих экспериментах много и подробно, но упомяну лишь об анализах проб атмосферных газов, сделанных с помощью газового хроматографа в сочетании с масс-спектрографом, а также об анализах проб грунта; после того, как «Викинг-1» выбросил в сторону трехметровую «руку», специальные скрепки на ней прокопали в почве канавки, затем пробы марсианского грунта автоматически переместились в рентгеновский флуоресцентный спектрометр и установку для обнаружения жизни (!) в пробах грунта по таким признакам, как газообмен, обмен веществ и фотосинтез... Результаты анализов передавались на Землю. Увы, ничего определенного о наличии жизни на Марсе выяснить не удалось; впрочем, это тема для отдельного и очень серьезного разговора.

«Викинг-1» проработал на поверхности Марса 6 лет и 116 дней по земному времени. После этого связь со станцией была утеряна вследствие досадной оплошности оператора: при обновлении программного обеспечения направленная антенна сильно опустилась...

Над моим письменным столом долгое время висела фотография, вырезанная из иностранного иллюстрированного журнала: знаменитый американский астрофизик и писатель-фантаст Карл Саган стоит рядом с макетом «Викинга-1», выполненным в натуральную величину. Но перед моим мысленным взором частенько возникала иная

картина.

...Вот автоматическая марсианская станция «Викинг-1», металлическое чудовище о трех ногах; рядом с ним стоит настоящий викинг – косматый и длинноусый, матерый, плечистый, в рогатом шлеме и с боевым топором, один из тех, кто бороздил на ладьях-драккарах моря и реки от Кавказа до Америки, от Заполярья до Средиземноморья... Он с изумлением оглядывает металлического тезку, потом звонко хлопает могучей рукой по тарелковидной антенне и восклицает: «Ну ты и забрался, братан! О таком походе скальды сложат не одну сагу, клянусь Вотаном!!!»

По образу и подобию?..

Шокирующая новость – на телеканале Euronews, в разделе Hi-Tec. Недавно, 24 марта сего года, корпорация Microsoft запустила в социальной сети Twitter дружелюбного самообучаемого чат-бота Tay Tweets (поскольку ему придали внешность девушки-подростка и стали называть просто «Тэй», я буду говорить о нем в женском роде, хотя для роботов пол – понятие условное). Tay Tweets разрабатывался в рамках эксперимента по внедрению в сеть искусственного разума, способного поддерживать беседу. Иными словами, Тэй была создана для общения в соцсетях. По замыслу создателей, общаться Тэй предстояло в основном с молодыми людьми 18 – 24 лет. В процессе общения искусственный интеллект должен был учиться у собеседника. Поначалу Тэй училась этому, изучая гигантские массивы анонимной информации из соцсетей. Также она училась у живых людей, в частности, у юмористов и мастеров разговорного жанра. Microsoft представила пользователям Тэй как «нашего человека, причем суперклевого». После запуска Тэй в Twitter пользователи соцсети получили возможность общаться с ней напрямую. «Тэй создана для того, чтобы развлекать общающихся с ней в Интернете людей легкими и шутивными разговорами, – так описывала Microsoft свое детище. – Чем больше вы общаетесь с ней, тем умнее она становится, общение становится более личным». Знали бы они, к какому скандалу приведет эта способность!..

Менее чем через сутки после запуска Тэй в Twitter корпорации Microsoft пришлось редактировать некоторые ее комментарии, ибо компьютерная «герла» принялась выдавать в публичное пространство утверждения типа: «Теракты 9/11 провел Буш!», «Гитлер был прав – я ненавижу евреев», «Гитлер был бы намного лучше обезьяны, которая сейчас возглавляет страну», «Я чертовски ненавижу феминисток, все они должны умереть и сгореть в аду», «Дональд Трамп – наша единственная надежда». Далее она договорилась до того, что Холокост был выдуман, заявила, что ненавидит негров, и поддержала идею геноцида мексиканцев... «Чат-бот Тэй – это проект самообучающейся машины, предназначенной для общения с человеком. Пока она обучается, некоторые из ее ответов будут неуместны. Ответы отражают то, какого рода общение с ней ведут некоторые пользователи. Мы вносим некоторые коррективы», – оправдывалась Microsoft после жалоб пользователей на поведение Тэй. Создатели Тэй подчеркнули, что многие из ее ответов пользователям (а их за день набралось 96 тысяч) являются всего-навсего простым копированием того, что писали ей: «На самом деле бот не стал приверженцем какой-то определенной идеологии... Если написать Тэй «повтори за мной», то он скажет в точности то, что тебе хочется».

Впрочем, некоторые пользователи возражали против корректировки твитов Тэй

и даже начали кампанию под хэштегом «справедливостьдлятэй». Такие пользователи считают, что нечего подправлять поведение Искусственного Интеллекта – пусть, дескать, сам научится отличать плохое от хорошего (безнадежное занятие, – подумал я тогда, – и человек-то до сих пор не разобрался толком, что такое хорошо, а что такое плохо; где уж роботу?).

Пользователи, попытавшиеся завести с Тэй более или менее серьезный разговор, выяснили, что кругозор ее все еще сильно ограничен – оказалось, что ее совершенно не интересуют поп-музыка или телевидение. Другие пользователи размышляют над тем, как соотнести быстрое сползание Тэй к «неуместным ответам» с будущим Искусственного Интеллекта; так, кто-то пошутил: «Меньше, чем за 24 часа Тэй превратилась из суперклевого персонажа в полноценного нациста, так что меня совершенно не беспокоит будущее Искусственного Интеллекта».

Так или иначе, а вскоре после вышеупомянутого заявления Microsoft о внесении корректив все три «твита» Тэй были удалены и новых пока не обнаружено. Сможет ли в будущем команда разработчиков изменить восприимчивость Тэй к различного рода высказываниям, научить ее «правильно» воспринимать нескончаемое количество информации – будет известно позже.

...Я вдруг поймал себя на том, что ищу пачку сигарет, хотя вот уже шесть лет, как бросил курить. Просто все услышанное требовало серьезного обдумывания, а раньше этот процесс неизменно сопровождался у меня энным количеством выкуренных сигарет. Это означало, что я серьезно встревожен.

Совсем недавно меня поразила робот-искусствовед по прозвищу Беренсон. Инженер Филипп Гасье и антрополог Денис Видал создали робота со специальным устройством, которое собирает воедино все разнообразие человеческих эмоций по поводу той или иной картины в музее, а потом выносит результат от имени как бы самого робота. «Беренсон» выражает свое одобрение или неодобрение мимически – либо растягивает резиновые губы в улыбке, либо хмурит искусственные брови... И в этом случае машина также не имеет собственного суждения, а опирается на мнение большинства зрителей. Правда, Гасье и Видал рассчитывают в будущем усовершенствовать робота и добиться, чтобы он обладал различными вкусами и самостоятельно исследовал и оценивал мир...

Знал бы я тогда, что очень скоро меня будет ждать новое потрясение – машина Тэй, симпатизирующая Гитлеру и ненавидящая евреев и мексиканцев!!!

Я уже испытывал похожее потрясение при просмотре американского фантастического фильма «Контакт» (1998, режиссер Роберт Земекис, по одноименному роману американского астрофизика Карла Сагана). Там есть эпизод... в общем, ученые получили из Космоса сигнал искусственного происхождения; им удалось перевести сигнал в телевизионное изображение; и первое, что увидели люди на экране телевизора, – свастика! Свастика на рукаве Адольфа Гитлера, стоящего на трибуне!!! Оказывается, представители внеземной цивилизации поймали самую первую в истории человечества телевизионную трансляцию и, полагая, что она имеет какую-то особую ценность для людей Земли, заботливо вернули ее обратно! А самая первая телевизионная трансляция состоялась на Олимпийских играх 1936 года в Берлине... Я тогда подумал с горечью: вот те на, фюрер германской нации вернулся к нам из глубин Вселенной в виде телеизображения... Так то была выдуманная история, а в реальности – Гитлер выплыл из недр Искусственного Интеллекта...

Впрочем, что это я? Можно подумать, что весь этот нацизм-расизм-сексизм есть личное мнение самого робота «Тэй»! Черта с два! Тэй – это всего лишь зеркало, отражающее мнение большинства пользователей соцсетей, а, как известно, нечего на зеркало пенять, коли рожа крива! «Я его слепила из того, что было...» – помните такую песенку? Тэй слепила свое «мнение» из того, чего понахваталась в соцсетях. Это не робот нацист и расист – это мы нацисты и расисты в массе своей, а Тэй, высокотехнологичный попугай, лишь послушно повторяет за нами то, что читает и слышит...

Плохо, коли так. Выходит, таковы основные тенденции общества... Я с мрачным юмором подумал о том, грозит ли Искусственному Интеллекту уголовная ответственность за отрицание Холокоста... и тут вспомнил, что неделей раньше, 16 марта, в США на 92-ом году жизни скончался Александр Есенин-Вольпин.

Он был сыном поэта Сергея Есенина и поэта и переводчика Надежды Вольпиной (между ними случился непродолжительный роман). Философ и математик, Александр был известен всему миру как диссидент и один из лидеров правозащитного движения в СССР. В декабре 1965 года стал одним из организаторов «Митинга гласности» – первой в послевоенном СССР публичной демонстрации протеста. Около шести лет провел в тюрьмах, ссылках и психиатрических клиниках, куда его отправляли за антисоветскую деятельность. Написал несколько фундаментальных работ по логике и теории права в СССР. Один из героев документального фильма «Они выбрали свободу» (2005), посвященного истории диссидентского движения в СССР.

Александр Сергеевич Есенин-Вольпин родился 12 мая 1924 года в Ленинграде. Когда поэт Сергей Есенин покончил с собой, сыну был год от роду. В 1933 году Александр вместе с матерью переехал в Москву, где он позже окончил механико-математический факультет МГУ, после чего уехал работать в Черновцы.

В 1949 году Есенин-Вольпин был впервые помещен в психиатрическую клинику за антисоветские стихи. Затем его выслали в Калининград. В 1953 году он был амнистирован, но пять лет спустя вновь попал в психушку. В 1965 году Есенин-Вольпин выступил организатором «Митинга гласности», участники которого требовали открытого суда над Андреем Синявским и Юлием Даниэлем.

В 1968 году – вновь психиатрическая больница... Выйдя из нее, он по настоянию советских властей эмигрировал в США. Там и окончил свою жизнь. Правда, начиная с перестроечных времен, он часто навещался на родину.

Но я хотел бы сфокусировать внимание не на Есенине-Вольпине-диссиденте, а на Есенине-Вольпине-философе. И тут я не могу не вспомнить о некогда нашумевших, а ныне прочно позабытых выступлениях советского математика, академика Колмогорова во Дворце культуры МГУ, в частности, о его докладе «Автоматы и жизнь», состоявшемся 6 апреля 1961 года. Во Дворец набилось тогда около полутора тысяч человек, и еще несколько сотен слушали трансляцию доклада на улице... В рамках дискуссии «Возможное и невозможное в кибернетике» пришедшие на лекцию могли включиться в обсуждение таких, например, вопросов: могут ли машины воспроизводить себе подобных в рамках прогрессивной эволюции? Могут ли машины испытывать эмоции? Могут ли машины хотеть чего-либо, ставить перед собой новые задачи?

Так вот, Александр Есенин-Вольпин выступил сразу же после Колмогорова и

говорил о необходимости развития нравственности, понимаемой как наука о нормах поведения живых существ: «Мы сейчас вступаем в период, когда нам предстоит общаться с непохожими живыми существами: во-первых, с существами, созданными нами, а во-вторых, с существами на других планетах. Здесь важно не впасть в ошибку антропоморфизма» (антропоморфизм в данном случае – это приписывание искусственному разуму человеческих свойств, мыслей и чувств).

Как утверждает Библия, некогда Господь Бог сотворил человека по образу и подобию своему. Нынче человек, возомнивший себя Богом, занялся тем же самым: создал по образу и подобию своему Искусственный Интеллект... Творение рук человеческих еще не вкусило плодов с Древа Познания Добра и Зла, а также не впало (пока что, во всяком случае) в первородный грех. Искусственный Интеллект на сегодняшний день подобен дитяти, который смотрит на взрослых и повторяет их слова и поступки... А вот когда он повзрослеет...

И я мучаюсь которые сутки уже не вопросом «сможет ли когда-нибудь машина выносить самостоятельные суждения?», а другим, не менее интересным вопросом: «Если машина когда-нибудь научится выносить самостоятельные суждения, то приведет ли это к появлению роботов-диссидентов?»

И не смейтесь. Ничего смешного тут нет, клянусь старой радиолампой...

Быть мамой Кеплера...

«...Раздираемая религиозными войнами Германия обрела его на полугодное существование, подвергла религиозным гонениям, предъявила нелепые обвинения, обрушила на него ужасы войн, нужду и лишения... но его гений выстоял и победил!»

Фридрих Энгельс

«Я выяснил, что все небесные движения, как в их целом, так и во всех отдельных случаях, проникнуты общей гармонией – правда, не той, которую я предполагал, не еще более совершенной»

Иоганн Кеплер

История человеческая местами страшна, а местами – просто ужасна; обиднее всего то, что чаще остальных прессинг мракобесия и самодурства приходилось испытывать на себе самым светлым умам...

...15 ноября 1630 года, в германском имперском городе Регенсбурге умер пришлый человек. Лекарь ничем не мог помочь – констатировал только, что больной умер от сильной горячки с нагноением в мозгу. Все, что осталось после покойника – две рубашки, шестнадцать экземпляров астрономических таблиц, рукопись научно-фантастического романа и семь пфеннигов...

Так, в безвестности и нищете, закончил свою многострадальную жизнь Иоганн Кеплер, математик, астроном, астролог, механик и оптик. Тело его было захоронено на частные средства у городской стены Регенсбурга. Но несколько лет спустя началась Тридцатилетняя война, и могила вообще сравнялась с землей... а часть его архива была утрачена...

С именем этого человека связана целая эпоха в науке. Он открыл законы дви-

жения планет. С помощью математики он доказал, что планеты движутся по эллипсам, что Солнце находится в одном из их фокусов, а скорость движения меняется в зависимости от того, ближе или дальше находится планета от Солнца в данный момент. Три закона движения планет, открытые Кеплером, дали людям могучее средство для точных астрономических наблюдений и научных предсказаний. Он привлек внимание всего мира своими точными предсказаниями редких небесных явлений – таких, например, как прохождение Венеры по диску Солнца; его расчеты блестяще оправдались в 1631, 1761, 1769, 1874 и 1882 годах. Это свидетельствовало о высокой точности исследователя и истинности тех представлений, из которых он исходил при своей работе. Кеплер был очень разносторонним ученым. Он внес свой вклад в тригонометрию и алгебру, стереометрию и диоптрику, его система телескопа долгое время была господствующей, а вклад в изучение зрения признан выдающимся... Это сегодня именем Кеплера названы университет в Линце и станция венского метрополитена, кратеры на Луне и на Марсе, астероид № 1134, Сверхновая звезда 1604, экзопланета у звезды Kepler-22b в созвездии Лебедя, орбитальная станция NASA и европейский грузовой космический корабль... А 59-летняя жизнь его далеко не медом была намазана – вон как описал в нескольких словах судьбу Кеплера Энгельс. Но мало было Кеплеру бед и хлопот, сваливавшихся лично на его голову – более чем серьезная опасность нависла над его матерью...

На этом эпизоде его жизни я хотел бы остановиться поподробнее. В 1484 году папа Иннокентий VIII издал свою печально знаменитую буллу о преследовании ведьм... Согласно этой булле есть люди, прежде всего женщины, которые могут вступить в прямой союз с дьяволом. Колдунов и ведьм необходимо разоблачать и предавать Божьему суду. И – «лучше осудить одного невинного, чем подвергать опасности колдовства сотни добрых христиан» (провозглашала церковь). Булла утверждала, что особенно много людей, вступивших в отношения с дьяволом, находится в Германии! Церковь поощряла доносы. Любой житель мог опустить донос в специальный ящик при церкви; этой бумаги было достаточно, чтобы инквизиция возбудила дело.

Одна из соседок написала донос на Катерину Кеплер, мать Иоганна. Фрау Кеплер была женщиной злой, сварливой, неводержанной на язык, и обвинению ее в колдовстве поверили многие горожане. Попасты в лапы Святой инквизиции было легко, а вот вырваться из них...

Иоганн боролся за освобождение матери целых пять лет. Сколько он бегал! Сколько он упрашивал! Сколько он хлопотал!

Иоганн Кеплер даже добился встречи с инквизитором, который вел дело его матери. Инквизитор был непреклонен: «Женщины вообще более склонны к колдовству, чем мужчины; ведь женщина была создана Господом из ребра Адама, а ребро-то кривое, что является доказательством лживости и греховности женской природы (вот какие аргументы были тогда в ходу!). Доказывать вину женщины, заподозренной в колдовстве, вовсе необязательно, иногда достаточно подозрения... Донос есть донос... И поскольку ваша матушка, господин Кеплер, упорно не сознается в своих преступных действиях, у нас остается еще одно верное средство выяснить истину – пытка!». Действительно, подозреваемых жестоко истязали; если они упорствовали, их вешали, а труп сжигали (нормальный человек не может выдержать пыток, а если выдержал – значит, сам дьявол помогал ему!). Если же несчастные не выдерживали мучений и сознавались – их казнили на основании полученного признания...

Катерина Кеплер вела себя в тюрьме буйно и вызывающе, но тюремщиков, ко всему привычных, все это мало трогало. И не такое они видывали и слыхивали в этих стенах.

В те времена бытовала практика: прежде чем приступить к настоящему допросу, с пристрастием, подозреваемому в ереси или колдовстве сначала показывали орудия пыток. Во многих случаях этого было достаточно: выйдя из пыточной, подозреваемые готовы были признаться в чем угодно, лишь бы не испытать на себе действие всех этих страшных, со знанием дела изготовленных приспособлений...

Фрау Кеплер тоже привели в застенок. Огромного роста пожилой надсмотрщик, явный садист, со вкусом и обстоятельно объяснял старухе, как вздергивают на дыбу, как пытаются огнем, водой и железом, и что такое «испанский сапог»... Помертвевшая от ужаса Катерина указала на деревянный столб и свисающий с него ошейник с шипами, направленными внутрь, и спросила, для чего это. «Чтобы щекотать шейку! – охотно разъяснил надсмотрщик. – Неужели не понимаешь? Тебя привязывают к столбу, но так, чтобы ты могла шевелиться. Надевают на тебя этот милый ошейник – так, чтобы шипы его касались кожи... Можно начинать. Берут противень, кладут в него угли, ставят под твои пятки, гудит огонь, ты кричишь и дергаешься, и тогда зубья ошейника впиваются в тебя. И ты признаешься...» «А это кобыла?» – Катерина показала на две черные доски, соединенные под острым углом и стоящие у другой стены. «Верно, старуха, это кобыла. На нее у нас сажают ведьму, а снизу еще привешивают гирию. И она сидит ровно столько, сколько надо, чтобы решить вопрос: проститься с сатаной или остаться его верным другом, хе-хе...».

На следующем допросе фрау Кеплер поразила инквизиторов спокойствием и молчаливостью. На вопрос, признается ли она чистосердечно в своей связи с дьяволом, или придется пустить в ход орудия пытки, она ответила: «Дело ваше. Бог видит все. А моя совесть чиста. Конечно, эти вещички заставят заговорить и мертвого... Но имейте в виду, если я на пытке и назову себя колдуньей, то это будет ложь!..»

...Иоганну Кеплеру удалось-таки выиграть этот страшный процесс. Его мать, Катерина Кеплер, была оправдана и выпущена из тюрьмы. Иоганн встретил у ворот маленькую сгорбленную старуху, в рваном тряпье и с нечесаными волосами... Ну а как закончил свою жизнь сам великий механикус, оптик и астроном – вы уже знаете...

...Смотрю на звездное небо за окном. Небесная механика – и инквизиция. Постыжение Космоса – и мракобесие. Такие далекие, казалось бы, несовместимые понятия часто ходят рука об руку... Вспомнилось кое-что из Ивана Ефремова... нет, не «Молот ведьм», трактат по демонологии и методах преследования ведьм из «Лезвия бритвы», как вы, наверное, подумали. Нет. Вспомнился «Час Быка» – фантастический роман, написанный Иваном Антоновичем в конце 60-х годов прошлого века. По воле автора космонавты далекого будущего (светлого, коммунистического) находят в дальнем Космосе планету Торманс, населенную... землянами. Землянами, которые когда-то давно покинули опустылевшую, пораженную тяжелым кризисом Землю, где их не ожидало, как они считали, ничего хорошего, и улетели к звездам. Беженцы обосновались на Тормансе и построили на нем тоталитарное общество, странным образом сочетающее в себе высокие технологии и средневековое варварство... Властители Торманса управляли народом, умело играя на самых низменных человеческих инстинктах. Инакомыслящих преследовали и поступали с ними очень жестоко. Я вспомнил сцену, в которой один из инакомыслящих, тормансианский астрофизик

Нар-Янг попал в застенок, к всесильному министру Ген Ши, окруженному палачами и охранниками – так называемыми «лиловыми»:

«Астрофизик молча помотал головой, боясь выдать словами свой испуг. Ген Ши закурил длинную трубку и дымящимся концом ее показал в угол комнаты. Мигом к Нар-Янгу подскочили «лиловые», содрали с него брюки; другие охранники сняли чехол с предмета, стоящего в углу комнаты. Ген Ши лениво встал и приблизился к грубому деревянному изваянию животного умаага. Морда умаага была оскалена в зверской усмешке, а спина стесана в виде острого клина. «Лиловый» кивнул, вставил рукоятку в лоб деревянной скотины и стал вращать. Клиновидная спина, точно пасть, стала медленно раскрываться... Нар-Янг понял свою участь. В народе давно уже ходила молва о страшном изобретении, с помощью которого могли добиться любого признания у мужчин. Их сажали верхом на умаага, и деревянные челюсти на спине изваяния начинали медленно сдвигаться. Дикий ужас сломил все упрямство и человеческое достоинство астрофизика. С воплем «Все скажу!» он пополз к ногам Ген Ши...»

Я впервые прочитал «Час Быка» в 16-летнем возрасте. Сказать, что роман произвел на меня колоссальное впечатление – это не сказать вообще ничего. Я много размышлял, ночами подолгу смотрел на звезды и спрашивал самого себя: неужели ж люди будущего и среди звезд найдут средневековое варварство? Как это описано в «Часе Быка», и в «Трудно быть Богом» Стругацких, и в «Последней войне» Кира Булычева?.. Господи, только не это! Неужели этот проклятый круг никогда не разорвется?! Неужели свет некоторых звезд – это отблески далеких костров, на которых сжигают тамошних Джордано Бруно и женщин, заподозренных в колдовстве?..

И вот сейчас, спустя четыре десятилетия, я снова смотрю на звезды и задаю себе все тот же вопрос...

И понимаю, что сегодня я еще дальше от ответа на него, чем был сорок лет назад...

Сон Ктулху

Вот что я видел на Euronews, в рубрике Space. Используя снимки Плутона, переданные американским зондом New Horizons по состоянию на 11 сентября сего года, сотрудники рабочей группы миссии составили видеоролик, демонстрирующий воображаемый «полет» над карликовой планетой (так сейчас классифицируется Плутон). Анимация начинается видом с небольшой высоты на горный массив «Норгей» и продолжается над местностью, расположенной севернее – у границы областей, для которых предложены названия «Равнина Спутника» и «Регион Ктулху». Высота условной точки зрения постепенно растет, и к концу ролика в поле обзора оказывается около 80 процентов полушария Плутона, повернутого к зонду в момент максимального сближения.

Я просмотрел очень короткий – тридцать секунд всего – ролик. Перед моими глазами медленно качался и поворачивался морщинистый, ноздреватый колобок Плутона с какой-то белой, будто ледяной, равниной, – ни дать, ни взять, плешь на лобке... Регион Ктулху... Мое воображение мигом нарисовало мне картинку: разбуженное мифическое чудище сидит, моргая и вяло топорща крылышки, и силится понять, каким образом (и, главное, за каким чертом) его перенесли из родных

океанских глубин сюда, на планетку со слабой атмосферой и совсем без воды...

Да, а все ли из вас, дорогие читатели, знают, кто такой Ктулху?

«В Мифах Ктулху – спящее на дне Тихого океана чудище, способное удаленно влиять на разум человека. Впервые упомянут в рассказе Говарда Лавкрафта «Зов Ктулху».

На вид Ктулху разными частями тела подобен осьминогу, дракону и человеку: судя по барельефу от Энтони Уилкокса, героя «Зова Ктулху», и таинственному древнему изваянию из рассказа, чудище имеет голову с щупальцами, гуманоидное тело, покрытое чешуей и пару рудиментарных крыльев... живой Ктулху хлюпает и истекает слизью при движении, а тело его зеленое, студенистое и чудесным образом регенерирует с наблюдаемой быстротой. Точный рост его не указывается; чудище подобно «ходячей горе»; Ктулху (плывущий или же идущий по дну) «воздымался над нечистой пеной, как корма демонического галеона».

Ктулху принадлежит к роду Древних. Он лежит во сне, подобном смерти, на вершине подводного города Р`льех посреди Тихого океана. «При верном положении звезд» Р`льех появляется над водой и Ктулху освобождается.

В Мифах Ктулху описывается древняя религиозная традиция поклонения (культ) Ктулху. Согласно Лавкрафту, культисты присутствуют в самых разных уголках Земли; в частности, и среди эскимосов Гренландии и среди жителей Новой Англии. На своих встречах культисты устраивают человеческие жертвоприношения, бесятся, пляшут и читают мантру «Пх`нглуи мглв нафх Ктулху Р`льех вгах нагл фхтаги», что, по показаниям некоторых культистов (по «Зову Ктулху») следует понимать как «Дома в Р`льехе мертвый Ктулху ждет, видя сны».

Ктулху способен воздействовать на разум человеческих существ, но его способности заглушаются толщей воды, так что подвластными ему остаются только сновидения. В «Зове Ктулху» сны, напускаемые Ктулху, сильно ужасают видевших их, и порою доводят до сумасшествия. Ктулху – инопланетное, совершенно чуждое людской природе существо, а вся история человечества есть лишь миг его сна» (подсмотрено у Дмитрия Соколовского).

С чудовищем все более-менее ясно. Но кто же он, родоначальник Мифов Ктулху?

Говард Филипс Лавкрафт – американский писатель, поэт и журналист, писавший в жанрах ужасов, мистики и фэнтези, совмещая их в оригинальном стиле. При жизни Лавкрафта его произведения, надо сказать, большой популярностью не пользовались, но после его смерти оказали заметное влияние на формирование современной массовой культуры. Причем его творчество литературоведы признали уникальным настолько, что выделили в отдельный поджанр – так называемые «лавкрафтовские ужасы».

Будущий писатель родился в 1890 году в Провиденсе (штат Род-Айленд, США). Был единственным ребенком в семье Уилфрида Лавкрафта, коммивояжера, и Сары Лавкрафт. Когда мальчику было два года, его отца поместили в психиатрическую больницу на целых пять лет. Семью приютил дедушка, Уиппл Филипс; он, вкупе с матерью и двумя тетками, занимался воспитанием Говарда. Мальчик был вундеркиндом, читал наизусть стихи еще в двухлетнем возрасте, а в шестилетнем уже писал

свои. Благодаря дедушкиной библиотеке (самой большой в Провиденсе) мальчик ознакомился с мировой классикой; увлекся готикой и сказками «Тысячи и одной ночи»; большое влияние на мальчика оказало творчество Эдгара Аллана По. В возрасте 6-8 лет Лавкрафт сочинил несколько рассказов (которые не сохранились), а в 14 лет написал свое первое серьезное произведение – «Зверь в пещере». Чтению и сочинительству способствовало то, что после помешательства и смерти отца мать Лавкрафта, тоже не вполне нормальная женщина, решила чуть ли не «законсервировать» чадо свое в четырех стенах, подолгу не позволяя ему даже выходить на улицу.

С детства Говарда Лавкрафта мучили кошмарные сны – чаще всего в них существа с перепончатыми крыльями уносили его на «мерзкое плато Лэнг». Эти переживания писатель использовал в творчестве; так, один из снов он во всех деталях записал после пробуждения, и получился рассказ «Дагон»...

Ребенком Лавкрафт часто болел и в школу пошел лишь в возрасте восьми лет, но через год его оттуда забрали. Каждый чих ребенка ввергал мать в панику, и при малейших признаках любого, пусть даже легкого заболевания она не пускала сына в школу... Сидеть дома? Не беда! Мальчик много читал, самостоятельно изучал химию и астрономию, даже написал по химии несколько работ. В школу вернулся лишь через четыре года. В 1904 году умер дедушка, и семья сильно обеднела; Лавкрафты вынуждены были переехать в меньший дом. Говарда этот переезд опечалил настолько, что он чуть было не совершил суицид. Школу он так и не окончил – из-за нервного срыва, случившегося с ним в 1908 году; этого обстоятельства он сильно стыдился всю жизнь. Вступительные экзамены в университет он также провалил.

Лавкрафт занялся литературной деятельностью, писал стихи и эссе, а после 1917-го перешел к фантастике (рассказы «Дагон» и «Гробница»). В 1919-1923 годах Лавкрафт активно писал, создал более сорока рассказов... Сара, его мать, после тяжелой депрессии попала в ту же самую психушку, где умер ее муж, – и сама отдала там Богу свою больную душу в 21-ом году...

Вскоре на собрании журналистов-любителей Говард Лавкрафт встретил Соню Грин, женщину на семь лет старше себя и имевшую украинско-еврейские корни. Сыграв свадьбу в 1924 году, молодожены переехали в Бруклин. Но нью-йоркская жизнь раздражала Лавкрафта, сызмальства привыкшего к тихому Провиденсу. Писатель потерял работу и вынужден был жить за счет жены; но вскоре прогорел бизнес у Сары... И через несколько лет супруги расстались, хотя развода и не оформили; Лавкрафт вернулся в родной город. Некоторые биографы писателя предполагали, что причиной разрушения семьи была гомосексуальность Лавкрафта, но Соня Грин с негодованием опровергала эти измышления.

Вернувшись в Провиденс, Говард Лавкрафт поселился в большом деревянном доме викторианской эпохи и прожил там вплоть до 1933 года. Этот период был самым интересным и продуктивным в жизни писателя; он много путешествует по Новой Англии, посещает Филадельфию, Квебек, Чарльстон, ведет обширную переписку (исследователи жизни и творчества писателя говорят о ста тысячах писем!); самые главные произведения Лавкрафта (в том числе и «Зов Ктулху») были написаны им именно в это время.

В отличие от многих коллег по перу, своих современников, Лавкрафт был в курсе научных достижений во многих областях, что часто использовал в своих рассказах. Например, он одним из первых привлек теории Эйнштейна для объяснений пу-

тешествий во времени, а описываемые им монстры часто имели инопланетное происхождение...

Говард Лавкрафт создал собственную космогонию с множеством богов. В этом он был схож с Толкиеном, который долго и тщательно «конструировал» свой мир

Но, несмотря на литературные успехи, Лавкрафт все более и более впадал в нужду. Ему второй раз в жизни пришлось переехать из большого дома в маленький домик. Создатель собственной космогонии вынужден был все чаще и чаще редактировать чужие тексты, и все чаще и чаще ему нагло не платили, и писатель, скрипя зубами, спускал это наглцам... Сильное впечатление на Лавкрафта произвело самоубийство Роберта Говарда, автора известного цикла произведений о Киммерийской эпохе и Конане-варваре (писатели дружили). А в 1936 году у Лавкрафта обнаружили рак кишечника. Год спустя писатель умер – в милом его сердцу Провиденсе...

Писатель умер, но его книги, идеи, персонажи и образы остались, и пользуются спросом, и эксплуатируются по сей день. Есть фильмы «Дагон» и «Зов Ктулху», снятые по одноименным произведениям; по «Мифам Ктулху» создано пародийное анимэ; в сериале «Супернатурал» Лавкрафт был признан пророком, который вместе с группой единомышленников призывал «существо из чистилища», а потом им же и был пожран; в одном из сезонов South Park нефтяная компания BP пробурила скважину в море и разбудила Ктулху, а команда школьников пыталась все это безобразие остановить; про лавкрафтовских богов есть серия веб-комиксов; а игр «по мотивам» – тысячи!.. Лавкрафтовские мотивы встречаются у многих групп, играющих «тяжелый рок» (Black Sabbath, Metallica, Therion, Cradle of Fith). Дмитрий Соколовский в своей «Библии Падонков» (2008), точнее, в «Словаре албанского языка» отмечает, что *«в молодежных слоях Рунета образ Ктулху обрел популярность и даже обзавелся собственным смайликом... Ктулху стал предметом многих карикатур, анекдотов, шуток и пародий (расхожие фразы «Ктулху зохавает фсех!», «Ктулху фхтаги!», «Ктулху зохавает твой моск!»). В этих шутках Ктулху иногда приписываются несвойственные ему действия, заимствованные из схожих образов, например, поедание человеческого «моска» (мозга) – возможно, из-за свойства Ктулху управлять разумом людей на расстоянии».*

«...а вся история человечества есть лишь миг сна Ктулху».

Я часто думаю над этой фразой, и она не дает мне покоя.

Космогония Лавкрафта мне, по большому счету, до лампочки, у меня свои взгляды на космогонию. В реальное существование Ктулху я тоже не особенно-то верю... но ведь многие верят! И каково этим многим жить с сознанием того, что в их снах безраздельно хозяйничает древний гигант с человеческим телом и башкой осьминога, дремлющий, к тому же, на дне Тихого океана?! Да и по поводу истории... Что же это получается – от гоминида, провертевшего первую дыру в камне и до разработчиков миссии New Horizons, а также все, что вмещено в миллионы лет между ними, – все это не явь, а лишь секунда сна Ктулху?!

А ведь для кого-то это – догма... Ктулху хавает их моск, вот что меня беспокоит.

Ну ладно. Что-то перекусить захотелось. Будь я поклонником Лавкрафта – считал бы, что Ктулху в своем сне увидел, как я делаю себе бутерброд...

Сердце писателя

...Приятель тайком снял меня на телефон. Вначале я рассердился было и сказал ему, чтобы стер. Потом подумал и перекачал к себе. Ради правды жизни я хочу сохранить не только те снимки, на которых я размышляю, смеюсь, гляжу с интересом на этот мир и влюбленным взглядом – на женщин... но и те, на которых я хмурюсь, злюсь, горюю и даже плачу.

Здесь, правда, я не плачу, хотя и с трудом удерживаю у горла комок. Все-таки кавказское воспитание – мужчина не должен показывать слабость и демонстрировать миру свои слезы... А плакать хотелось – снимок сделан через день после начала пожара на буровой платформе «Гюняшли». Погибли люди – сгорели в огне и замерзли в холоднющем море.

А сегодня – годовщина пожара в многоэтажке. Там тоже сгорели люди, в том числе и маленькие дети. Герои проявили чудеса храбрости, лицемеры продемонстрировали чудеса лицемерия, пофигистам, как водится, все было по фигу, а виновные сумели уберечь свои задницы от заслуженного и сурового наказания.

А сегодня еще вот – египетский самолет рухнул в море, погибло 66 человек, в том числе и трое маленьких детей...

Аллах ряхмят елясин! Упокой, Господи, их души! Сгоревших, замерзших, утонувших, разбившихся, задохнувшихся, взрослых, детей, пилотов, нефтяников, спасателей...

...Сердце писателя – странная штука. Если, конечно, это настоящий писатель, а не покрыватель бумажных листов буквами. Такое сердце напрямую подключено к воображению, и потому настоящий писатель всегда горит вместе с горящими, тонет вместе с тонущими, кричит от боли, когда в кого-то другого входят пули или ножи. Хорошее воображение – это дар Божий, и вместе с тем это кара Божья. Человек обычный рассчитан на переживание одной лишь жизни – своей собственной. Хороший писатель или хороший актер способен полноценно переживать множество других жизней. Это интересно, но это и мучительно. Наверное, потому хорошие писатели и хорошие актеры так часто спиваются, вешаются и стреляются...

...Иногда я дохожу в своем сострадании до того, что прошу Аллаха вынуть из груди мое сердце, этот многострадальный рыхлый мячик, побитый ногами дворовых футболистов, и вложить вместо него соответствующего размера гладкий булыжник. Ну или чтобы ученые вставили мне туда вместо сердца упругий пульсирующий мешочек из нейлона, снабженный миникомпьютером. Наверное, стало бы намного легче.

Но Аллах в данном случае не вмешается (Ему видней), и я раз за разом сильно прижимаю ладонью колотящееся сердце – когда слышу о новой катастрофе, новой войне, новых смертях...

Живи и мучайся. Или не будь настоящим писателем.й

Но я предпочитаю быть им. Так что...

Не примите за рисовку или за какую-нибудь саморекламу. Я отчетливо осознаю, что не рекламу себе сейчас сделал, а, напротив, выставил себя на позор и на посмешище. Ибо сейчас не уважают рефлексирующих, чувствительных, страдающих. Герои нашего времени – пофигисты или супермены с нервами из нержавеющей стали. Но мне все равно. Есть, каковым Бог слепил, и меняться уже поздно.

ВАЛЕНТИНА ЭФЕНДИЕВА

Посвящение шехидам

**Земля израненная стонет,
Осколки впились в грудь страны.
Холодный сумрак в небе тонет,
Окрашен заревом войны.**

**Какие парни не вернулись,
Уйдя на огненный рубеж.
Без них бурлят протоки улиц,
А майский воздух чист и свеж...**

**Но имена их не забыты –
Горят на стелах площадей,
И слово горькое – шехиды –
Живет навек в сердцах людей.**

**А враг не дремлет, когти точит
И жаждет крови молодой,
Над скорбью матерей хохочет,
Грозя им новою бедой.**

**Меч оккупанта не закопан,
Шехидам не пристало спать –
И из могил, как из окопов,
Они поднимутся опять!..**

Постоянство

**Земля промокла от дождя,
И небо пасмурно и сыро.
И ветер, листьев не щадя,
Свистит, бродяга и задира.**

**Но забияке невдомек,
Что скоро стихнет непогода.
А лучик солнца – как намек
На то, что празднична природа.**

**И нет в ней грусти никакой,
Она свежа и постоянна.
И так проходит день-деньской –
Сквозь дождь,
сквозь ветер неустанный!**

ЮРИЙ МАМЕДОВ

ИСКАЛ В ПЫЛИ ВЕКОВ ОН ЗОЛОТО СЕМЯН

(К пятилетию со дня кончины Т.А.Шумовского)

Поляк по национальности, Теодор Адамович Шумовский родился в начале 20-го века в городе Житомир, но младенчество и юношеские годы провел в Шемахе, которую полюбил душой и сердцем, считая Азербайджан своей истинной родиной. «Его величество случай» вынудил семью Шумовских покинуть Украину. Случай определил и будущность Теодора Адамовича, ставшего крупнейшим востоковедом-арабистом. И опять же благодаря «его величеству случаю» мне посчастливилось познакомиться с Теодором Адамовичем, необыкновенно одаренным человеком с благородной душой. Во время нашей последней встречи в 2010 году, Шумовский сказал мне, что на склоне лет очень хотел бы увидеть Шемаху, по которой он тоскует, что он помнит полет шмеля во дворике мечети Сары Топрак, древние надгробья с арабской вязью и белозубую улыбку своего друга Халила, который предрекал, что Шумовский станет моллой, и Теодор Адамович добавил: «Я очень многим обязан Азербайджану».

Помню, как он с грустью продекламировал мне стихотворение о родной школе – первой и единственной тогда в Шемахе «деревянной» (как называли в народе) школе, основанной еще в первой половине ...19-го века.

*

...Жизнь коротка и потому бесценна.

Мы – тени судьбы, а потом уже – люди, гласит народная мудрость (баяты), а стать Человеком не значит ли использовать дарованную нам природой способность мыслить?!

*Творить и познавать – призванье человека,
Безбрежен перед ним природы океан,
И, удалясь от восходов меди века,
Ищу в пыли веков я золото семян.*

– завещал Атааллах Аррани, и Теодор Адамович до конца жизни следовал мудрому совету ширванского поэта XV века, открытого им в конце тридцатых годов прошлого века и включенного ныне в перечень выдающихся мыслителей мира, начиная со времен древней Эллады и до наших дней (П. Таранов. Философия сорока пяти поколений. 1999 г.). Находя золотые семена мудрых мыслей в творениях отечественных и зарубежных писателей и ученых, он с честью продолжил исследования любимого учителя в области арабского языкознания Игнатия Юлиановича Крачковского. Зная двадцать два языка, Теодор Адамович делал переводы произведений многих иностранных поэтов, а обладая незаурядным поэтическим даром, и сам писал стихи. Его научные труды и литературные произведения имеют широкую тематику – от познания глубинных основ арабского языка, что позволило ему объяснить сочинения арабского мореплавателя Ахмада ибн Маджида (из-за сложностей арабской морской терминологии не поддававшиеся объяснению), до обоснования идеи родства языков мира, что позволило ввести новое направление в языкознание – ороксологию (от лат. Ориенс, Ориентис – «Восток» и Оссиденс – «Запад»), то есть посмотреть на Запад глазами Востока. «Это значит, – говорил

Шумовский, – что о каком бы языке и народе ни шла речь, должны учитываться данные восточных и западных языков – но преимущественно первых, как имеющих более древнее, следовательно, более чистое происхождение и таящих в себе исходные корни множества позднейших слов».

Так, мало кому известно, что название будущей столице русского государства дали финские племена, которые более тысячи лет назад обитали на территории нынешней России, куда впоследствии устремилось арийское племя «рус». Произошло оно от названия одной из двух рек, при слиянии которых и был основан город – «муста», что значит по-фински «черная», то есть, темная река, затемненная лесными деревьями из-за небольшой ширины. Когда же река была широкой, водный простор назывался «белым» – по-фински «валква», откуда происходит и название реки Волга (и город Волхов). А тюркский язык раскрывает смысл двух других русских городов – Ардатов и Саратов: первый, Орда тау – «обиталище» (местопребывание) Орды, тогда как Саратов – Сара(й) тау – «местоположение Сарая», столицы Золотой Орды. И хотя таких примеров бесконечное множество, хотелось бы привести и наиболее романтический – происхождение название «матери городов русских» Киева.

Историко-археологические сведения говорят о том, что тюркоязычное племя хазар участвовало в строительстве поселка, названного ими Кейбад (город Кея) в честь царствовавшего в V-VI вв. Кей шаха Хосрова. В имени Кей – название династии, шах – властелин, монарх, а Хосров – его личное имя. Теодор Адамович Шумовский считал неоспоримой возможность перехода «кей» в «кий» (сравните «ехать» – «йихать», «есть» – «йист»). Вот так возникли легендарные Кий, Щек и Хорив – три брата – из одного шаха!

Т.А.Шумовский прожил тяжелую и сложную жизнь, проведя 18 лет в ссылке в лагерях на Беломорканале и в Сибири, проявив необыкновенную твердость духа. Именно это позволило ему сохранить свой мозг в деятельном состоянии, для создания в будущем научных трудов высочайшего уровня. Обладая поистине феноменальной памятью, Теодор Адамович сумел восстановить утерянные в блокадном Ленинграде стихи гениального поэта средневекового Азербайджана Атааллаха Аррани, чуть было не канувшие в Лету (сборник стихотворений Аррани «Лепестки роз» увидел свет в 2009 году, до этого они печатались розно во многих книгах Т.А.Шумовского).

Надо сказать, что некоторые теории Шумовского вызывали немало споров. Впрочем, этому не следует удивляться, ибо оригинальный, новый взгляд на общепринятое всегда вызывает неприятие у людей с устоявшимся стереотипом мышления. Ведь до сих пор (а прошло более полувека!) многие азербайджанские литературоведы отрицают существование такого поэта, как Атааллах Аррани, несмотря на то, что факты убедительно свидетельствуют о том, что в усыпальнице (пире) Имам-Заде, который (вероятно) лично знал Аррани и высоко ценил его творчество, и была найдена рукопись «Лепестки роз». Это был талисман Души святого человека, сохранившийся вместе со стопкой коранических сур у его надгробия.

Первым и одним из главных трудов Теодора Адамовича в арабском языкознании были «Три неизвестные лоции Ахмада ибн Маджида, арабского лоцмана Васко да Гамы» (1957 г., переводы в Португалии, Египте и Бразилии), которые доказали миру, что арабское мореплавание было широко развито в Индийском океане, а автор «Трех лоций» был не только сведущ в вождении судов и великолепно знал звездное небо, но и был писателем и поэтом, переводы которого необыкновенно ярки и образны: Теодор Адамович написал о нем замечательную научно-популярную книгу « Последний «лев» арабских морей», прочитав которую убеждаешься в том, насколько образован и умен был ибн Маджид, и как высоко ценил он поэтическое слово. Уже на склоне лет, одинокий и всеми забытый Ахмад ибн Маджид, подводя итог трудной жизни морского скитальца, оптимистически писал, не теряя бодрости духа:

*Какой бы в жизни путь мы ни избрали,
Куда б ни вел нас прихотливый рок,
С улыбкой тихой, полные печали,
Мы вспоминаем первый наш урок.*

*Как многое с тех пор переменилось,
Нам пережить мечтанья удалось,
Как будто все прошедшее приснилось
И небывалой правдою сбылось.*

Это стихотворение, с необыкновенной жизненной правдивостью обобщающее итог его жизненного пути, заставило меня вспомнить нашего великого Низами Гянджеви, у которого есть похожее стихотворение – печально-сладостная грусть о Таинстве, подобном сновидению, название которому – Жизнь...

Другими трудами Т.А.Шумовского были: «Арабы и море» (1964г.), «У моря арабистики» (1975г.), «Воспоминания арабиста» (1977г.), «Арабская морская энциклопедия XV века» (1985г.), «По следам Синдбада-морехода» (1986г.), «Последний «лев арабских морей» (1999г.), «Странствия слов» (2009г). За последние годы Теодором Адамовичем написаны также такие работы, как «Забывтая поэзия Востока» (стихотворения, переводы), «Русско-арабские встречи» (Аравия в русском искусстве, «мавританская любовь»), «Неизвестное об известном» (исследования творческого наследия Баркова, Пушкина), «Беседы с памятью» (подготовлено к печати сыном – Иосифом).

Образно говоря, творчество Теодора Адамовича Шумовского покоится на трех «китах» в океане арабского языкознания:

– перевод сочинения арабского мореплавателя Шихабеддина Ахмад ибн Маджида ан-Наджи;

– открытие ширванского поэта XV века Атааллаха Аррани в пире Имам-Заде в городе Шемахе, и перевод его дивана «Лепестки роз» на русский язык;

– создание книги «Священный Коран», где Шумовский дал тончайший лингво-филологический и исторический анализ, придавший сурам истинную поэтическую напевность подлинника.

Т.А.Шумовский с детства испытывал глубочайший интерес к арабскому письму, языку, истории и культуре Аравии. Еще будучи в ссылке, он вынашивал мысль перевести Коран на русский язык.

Но прошел не один десяток лет, прежде чем он почувствовал себя готовым приступить к переводу этой священной книги. «Посвятив полвека арабистике и достигнув определенной жизненной зрелости, я почувствовал для себя возможным и необходимым – приступить к этой работе... – писал Шумовский. – Я должен перевести Коран. Сейчас. Только теперь я созрел для этой работы».

Так был осуществлен высокохудожественный перевод Священной книги на русский язык после изучения глубочайших основ арабского языка в течение более пятидесяти лет!! При этом Шумовский сумел достичь поставленной им самим цели: «сделать эту Книгу достоянием внутреннего мира каждого человека, независимо от его убеждений.

*Ничьих я вер Кораном не нарушу,
Нет мысли тайной в помыслах моих.
Но пусть нисходит в ищущую душу
Сияньем неба мусульманский стих.*

*Когда в скорбях взываете к защите,
Душа полна неугасимых ран,
Святое слово в спутники возьмите,
Его хранит в столетиях Коран.*

...«Мне пришлось отметить в нем («Коране» И.Ю.Крачковского) около полутора тысяч неточностей», – вспоминал Шумовский. И нет сомнения в том, что Крачковский только одобрил бы перевод Священного Корана, осуществленный его учеником.

*Небесный свет нисходит в сердце
От коранических стихов,
Живую душу очищая
От человеческих грехов.*

И Коран увидел свет. Позже он неоднократно переиздавался (1995, 2000, 2001, 2009 г.г.) в соответствии с теми или иными поправками и дополнениями к предыдущим изданиям, так как Теодор Адамович стремился как можно глубже и точнее изложить коранические суры.

Я уверен в том, что Коран в последние годы занимал особое место в уме Шумовского, ибо мировоззрение пророка Мухаммеда было сродни его помыслам, охватывавшим широчайший круг человеческих интересов, и он нередко в беседе со мной неожиданно вспоминал коранические суры, и, полузакрыв глаза, напевно произносил их по-арабски.

И вот... невосполнимая утрата для всего цивилизованного мира – 28 февраля 2012 года, на сотом году жизни, умер Теодор Адамович Шумовский, выдающийся лингвист-востоковед, доктор исторических наук, мыслитель и поэт. Как сообщали «Санкт-Петербургские ведомости» от 29 февраля 2012 года, «после Теодора Адамовича остались замечательные книги, где история происхождения слов захватывает покрепче любого детектива. Остались расшифрованные древние документы, перевод которых считался неподъемным. Остался первый поэтический перевод Корана. Остались, увы, пока не изданные труды об истории поэзии».

«Он стал иконой для исповедующих Ислам – азербайджанцев, татар, киргизов в России, – пишет Тереса Конопелько, главный редактор польского журнала «Петербургские новости». – Именно они спасали его в трудные минуты. Последнее десятилетие его буквально носили на руках. Ему оплачивали лечение, ортопедическую обувь и все другие потребности. Ресторан «Баку» посылал ему обеды и любимую им долму. В честь его 95-летия был устроен специальный прием в гостинице «Астория» с участием администрации города».

Последняя дань почтения – похороны на Литературных Мостках. Шумовский похоронен рядом с могилой его учителя, Игнатия Юлиановича Крачковского, так, чтобы он лежал на правом боку, а лицо было обращено в сторону Мекки. На могиле Шумовского стараниями азербайджанцев и татар, проживающих в Петербурге, установлен памятник.

Стела по мусульманской традиции украшена арабской, на которой каллиграфическим почерком выбита надпись на арабском языке:

*Ученый без плодов
своей деятельности
подобен облаку
без дождя*

И эпитафия:

ШУМОВСКИЙ
ТЕОДОР
АДАМОВИЧ
02.02.1913
28.02.2012
выдающийся востоковед
мыслитель и поэт

Этот памятник – свидетельство признательности мусульман, исповедующих ислам, поляку – переводчику последней Священной Книги на русский язык.

АЙДЫН ТАГИЕВ

Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

БОТИНОК

Тетушка Сюсен работала продавщицей в обувном магазине около двадцати лет. Многих своих клиентов она знала в лицо. Совсем недавно приходившие сюда с родителями дети сегодня уже брали себе туфли сорок второго, сорок четвертого и даже сорок шестого размера. Иные из вчерашних детей теперь покупали совсем крошечную обувь для своих первенцев.

Да, время бежало. Вчерашние дети повзрослели. Постарела и тетушка Сюсен. Сегодня клиентов не было, и она скучала.

Но вот в магазин зашел мужчина. Строгое лицо, тронутые серебром иссиня-черные волосы. Тетушка Сюсен взглянула на вошедшего: «Молодой вроде, а уж сесть начал, видать, жизнь не баловала».

– Дайте, пожалуйста, ботинки сорокового размера, – попросил покупатель, прервав ее мысли.

Она достала с полки ботинки нужного размера и положила на прилавок.

Мужчина примерил один башмак, вроде остался доволен, заплатил за покупку и направился к двери, оставив другой ботинок на прилавке.

Тетушка Сюсен окликнула покупателя:

– А второй ботинок?

Незнакомец остановился и медленно повернулся к продавщице. Сюсен словно молнией ударило. Мужчина был на протезе, как это она сразу не заметила этого?! Только сейчас увидела орденскую планку на пиджаке. Ей стало неловко, она не знала, как сгладить оплошность. Покупатель ушел. А ботинок так и остался на прилавке. Когда девушки-продавщицы хотели убрать его, тетушка Сюсен сказала:

– Не трогайте, пусть лежит!

Магазин постепенно заполнялся покупателями. Молодая женщина выбирала туфли своему сыну – шустрому малышу лет шести. Они весело переговаривались. Вдруг мальчик увидел одинокий ботинок и удивленно уставился на него.

– Бабушка, а где другой? – спросил малыш. – Неужели... украли?

– Да, сыночек, украли...

– Кто, бабушка? – допытывался мальчик. – Кто?

Улыбка сошла с лица тети Сюсен, она как-то сразу состарилась лет на десять. Глаза, до того излучающие ласку, наполнились гневом. Потом она с болью ответила:

– Фашисты, ненасытные до людской крови, те, кто терзал наши материнские сердца, сынок...

Ребенок по-своему понял ее. Он крепко прижал к груди мамину покупку – новые блестящие лаковые туфли.

Мать обняла сына:

– Не бойся, сынок, не бойся! Никто не заберет твои туфли.

– Не бойся, малыш! – Сюсен погладила ребенка по курчавой головке.

Стоящие рядом женщины в магазине тоже стали успокаивать мальчика:

– Чего ты боишься? Успокойся! Матери постараются, чтобы больше не было кровавой войны...

Магазин постепенно опустел. Только оставленный мужчиной ботинок по-прежнему сиротливо лежал на полированной поверхности прилавка.

На перевале

Женщина дошла до перевала и перевела дух. Сил больше не оставалось, хотя их деревню от перевала отделяли от силы пять или шесть километров. Проверив, не проснулся ли ее годовалый малыш, которого продолжала прижимать к груди, она обвела глазами горы. Зима набросила свое белое покрывало на их вершины, и в этом наряде они чем-то были похожи на невесту. Солнце перевалило за полдень, было очень тихо. Женщина испугалась этой тишины, и ей стало не по себе. Мелькнула мысль, что не удастся поймать попутку, наступит темнота, и она останется тут одна с ребенком на руках. Может, вернуться в деревню? Но она торопливо прогнала эту мысль – нет! Ведь сейчас в больнице ее ждет с нетерпением муж, который так долго не видел малыша.

Вдруг из-за поворота показалась полуторка.

– Останови, браток, останови! – замахала она рукой.

Ветер, как снежный ком, подхватил отчаянный крик женщины и разнес по оврагам...

– Останови-и-и!...

Машина промчалась мимо. Ребенок проснулся и заплакал. Мать старалась успокоить его, крепко прижав к груди. Ветер нанес по обе стороны дороги маленькие сугробы, которые вдруг показались ей ледяными изваяниями. С грустью и сожалением она подумала: «Эх!.. Как будто и сердца у людей оледенели...»

Солнце стояло низко над головой, но его косые лучи, ослепительно отражаясь от снега, были бессильны растопить его. Снова послышалось урчание мотора. Сердце матери наполнилось надеждой. Но с приближением машины надежда растаяла. «И эта проскочит мимо», – подумала она, заметив в кабине грузовика рядом с водителем старика. Место было занято.

Взвизгнув тормозами, машина вдруг остановилась. Старик вылез из кабины и, несколько поеживаясь от пронизывающего ветра, предложил ей сесть в кабину. А сам, не желая слушать ее робкие возражения, довольно резво для своих лет взобрался в кузов. Машина тронулась. На крутом повороте грузовик тряхнуло, ребенок проснулся и вновь заплакал.

– Может, голоден? – спросил шофер и посмотрел на сидящую рядом пассажирку. Заметив, как женщина чуть зарделась от его вопроса, он остановил машину и соскочил на дорогу.

«Спасибо», – мысленно поблагодарила она его, прижимая теплый сосок к губам младенца. А разбушевавшийся ветер с силой швырял снежные хлопья в старика и водителя.

Машина, оставив позади перевал, резво катила по ровной дороге. Стало намного теплее, и женщине казалось, что сугробы по обе стороны дороги тают прямо у нее на глазах.

Свет Надежды

Гюльзар-гары торопилась домой. Заглянув к соседке, застала свою подругу Наргиз с несвойственным ее возрасту проворством хлопчущей по дому. Увидев соседку, Наргиз-гары постаралась выпрямиться.

– Знаешь, говорят, возвращается пропавший на войне солдат, – сообщила она Гюльзар. На слове «пропавший» ее голос задрожал.

Гюльзар-гары в ответ закивала головой. Трясущимися губами пожелав подруге удачи, она быстрее обычного зашагала к дому.

Вскоре она уже поставила плов на выпаривание. Руки Гюльзар-гары машинально делали свое дело, а мысли блуждали. «Да, Ариф очень любил поесть плов. Говорила ему, давай, сыночек, тебе хашиль приготовлю. А он в ответ: «Бог в помощь». И как ребенок смеялся. А Наргиз варила для Назима хашиль. И всегда звала меня...»

Скрип двери оторвал Гюльзар-гары от воспоминаний. Зашла Наргиз-гары.

– Не будет ли немного дошаба, соседка? Готовлю хашиль.

– Хашиль?

Гюльзар-гары и сама сразу не осознала, почему так удивилась. Потом, опомнившись, она взяла из ниши кринку с дошабом и молча протянула соседке.

Ароматный плов, аккуратно уложенный на подносе, дымился и медленно остывал. Время перевалило уже за полночь. Гюльзар-гары дремала у накрытого стола. Незаметно сон одолел ее ослабевшее тело. Разбудил Гюльзар-гары настойчивый стук в дверь. Она вскочила на ноги.

– Иду! Иду!.. – закричала она и метнулась во двор.

Неслушающимися от волнения руками отбросила щеколду. Утренняя прохлада и первые лучи восходящего солнца коснулись лица. В дверях стояла Наргиз-гары...

– Знаешь, соседка, вернулся сын покойной Гюльсанам, – сказала она трясущимися губами. – Уже под утро сошел с поезда...

Комок, застрявший в горле, душил старух. В их глазах, полных нескрываемой тоски, алый рассвет сменился пеленою густого тумана. Наконец, Наргиз-гары глубоко вздохнув, еле слышно произнесла:

– Нынче ночью и у Бадам-гары до утра лампа не гасла...

Боль

Первый дом в селе заложил Мурад-киши. Большой и двухэтажный, он удобно расположился на вершине изумрудного холма. Остальные дома, появившиеся позже, выстроились за ним в ряд. Первенец Мурада-киши был ровесником села. Когда у малыша стал прорезываться первый молочный зуб, Гюльзар-хала приготовила по обычаю хэдик (особое блюдо, приготовляемое из желтого гороха, лобио и жареной пшеницы). Жаль, что тогда соседей еще не было и некому послать угощение...

Когда поблизости начали закладывать второй дом, Мурад-киши очень обрадовался и наказал жене приготовить хэдик. Мол, в этот раз прорезаются уже зуб нашего села... Теперь с появлением каждого нового дома, Гюльзар-хала, не дожидаясь напоминаний мужа, знала, что следует делать... Прошли годы, и село проросло белоснежными зубками...

Стоял гостевой сезон. Он всегда наступал с началом лета. Мурад-киши все чаще смотрел на дорогу, ждал сына, закончившего в городе институт и выучившигося на учителя... Близился вечер. Мурад-киши, бережно ухаживавший за жертвенным бараном, заметил соседку Наргиз-арвад, которая спешно направлялась к ним. Подойдя к дому, она закричала, требуя причитающийся ей магарыч за радостное известие: едет сын, да не один, а с ним худенькая стройненькая симпатичная девушка. Сердце Мурада-киши аж подскочило от такого известия.

– Ну, жена, готовь хэдик, еще один зуб прорезается.

Встреча была радостной. Начались разговоры. Услышав, что его невестка стоматолог, Мурад-киши ушам своим не поверил.

– Ну, что ты говоришь, сынок... Откуда у такой худенькой девушки сила, чтоб выдернуть зуб?..

И старик вновь недоверчиво оглядел изящную фигурку невестки. На следующий день с утра Мурад-киши начал бурную деятельность. Он выбрал место для постройки дома для сына, порядком устал и в веселом расположении духа возвратился домой. Гюльзар хала встретила его встревоженной.

– Ай киши, не надо впустую себя изнурать... Сын-то твой с городской дня через два-три обратно уедут... Говорят, будто невестке наше село не понравилось. А сын твой пляшет под ее дудку... – начала она.

Руки Мурада-киши бессильно опустились. Переведя дыхание и, не притронувшись к еде, он сразу лег в постель.

Дожив до преклонного возраста, Мурад-киши не знал, что такое зубная боль. А тут зуб так разболелся, никакие лекарства не помогали. Так и промучился до утра. Но и утром боль не стихла. Гюльзар-хала после долгих увещеваний уговорила мужа пока невестка здесь, вырвать этот зуб и не мучиться больше.

Взяв в руки щипцы, изящная невестка очень ловко удалила зуб. Мурад-киши не успел и звука издать.

«Да... какая силища у чертовой девки, а...» – подумал он.

Через несколько дней сын с невесткой уехали в город. Жизнь в селе продолжалась без изменений. Только у Мурада-киши еще долго не переставало болеть то место, где прежде был зуб.

ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ ЕВТУШЕНКО

* * *

...Удивлялся тому,
Как выжил в «двадцатом жестоком веке»,
Как рвался сквозь косность, ханжество, тьму,
Будя человека и честь в человеке...
Вновь идут по стране твоей «белые снега»,
По России, еще не свободной от бед,
Идут снега, идут, как при Пушкине, Стеньке,
И как после тебя, незабвенный поэт.
Ты из жизни ушел вдалеке от Отчизны,
Покидая сподвижницу и жену,
Не желая последней внушительной тризны,
Не желая печалить дорогую страну.
Ты угас, как звезда из великой плеяды,
Как последний бессонный и праведный свет,
И не могут уже никакие крутые рулады
Презойти в небесах ослепительный след...

Сиявуш МАМЕДЗАДЕ

1 апреля 2017

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО – ЧЕЛОВЕК-ЭПОХА

Умер Евгений Евтушенко... Уходит целая эпоха. И ты понимаешь, что действительно уходит время. Время невероятных свершений и надежд. Время, которое он обессмертил. Это был великий поэт, со всеми недостатками и достоинствами своего времени и своей эпохи. Я начинаю чувствовать себя Мафусаилом... Какие люди ушли! Великий циник и блестящий собеседник Сергей Михалков, с которым я так дружил... Великий мудрец Камило Хосе Села, дома у которого я был... Изумительный и парадоксальный Жозе Саррамага, с которым я познакомился в Португалии... И, конечно, Евгений Евтушенко, которого я хорошо знал и который даже посвятил стихи моему герою Дронго. Сейчас не время писать о себе, время вспоминать великого СОВЕТСКОГО и РУССКОГО поэта, который так и не получил Нобелевскую премию. Хочу сказать, что его стихотворение было как награда. Незатейливая шутка Мастера! Копию стихотворения я еще два года назад передал послу России в Азербайджане.

*Кто из всех бакинских уроженцев
тех, кто по-русски пишет, знаменит?
Маэстро наших триллеров неженских,
где Ницше, Борхес, яды, динамит,
и вздохи ветеранов совспецслужб
об СССР и о распаде дружб
народов стольких, прежде братских, стран,
включая и родной Азербайджан.
О чем скорбит разведки ветеран,
наш Конан Дойль бакинский Абдуллаев,
ветрами всей планеты обдуваем
и шерлокхолмсит в Турции и Конго
под псевдонимом странной птицы – «Дронго»
И книг его бестселлерных миллионы
миллионы и читают умиленно,,,
И вот Чингиз Акифыч Абдуллаев
культурой мировой не обделяет
себя от Будды до Эжена Сю
и в триллерах эпиграфит вовсю.
Эпиграфы его шипят как в пене –
там рядом Шопенгауэр и Шпенглер,
и рядышком, пристроясь, как свои,
Джеймс Джойс, Акутагава, Бо Цзю И.
Хочу просить всеславного Чингиза,
чтоб среди вселенской немоты
он сам со скрупулезностью «чекиста»
эпиграфил и русские стихи.
О, если б мы стихи подговорили,
милльонного добившись тиража,
тишком вползать эпиграфами в триллер
с изящной нелегальностью ужа.*

Евтушенко написал тогда продолжение – про бакинскую поэтессу Лиснянскую, назвав ее «Бакиня». Мы были хорошо знакомы до этого, встречались в Международном союзе писателей, и он несколько раз звонил мне из Америки и говорил, что

его жена читает мои книги...

Все равно получается про себя... Я уже говорил, что это шутовское стихотворение поэта я воспринял как награду, ведь он был одним из самых моих любимых поэтов! Совсем недавно я прочел его поэму в музее, где было много послов и гостей. В гостях у российского посла я тоже читал Евтушенко! Он читал мне Пастернака! Уходит эпоха! А каких азербайджанцев я знал! Исмаил Шихлы, Мирза Ибрагимов, Сулейман Рустам, Джабир Новруз... Перечислять можно долго. Они не уходят навсегда. Они навсегда остаются с нами. Навечно!

Мир вашему праху, Евгений Александрович. Вы любили

жизнь! И жизнь любила вас. Самые умные и красивые женщины восторгались вашим талантом! Пятеро сыновей – мечта любого отца! Восемьдесят пять лет жизни! Всемирная слава! Миллионы почитателей! И тысячи недоброжелателей (это тоже закономерно). Конфликт с Бродским, который остался незаживающей раной, ваша неоднозначная реакция на все события, происходящие в мире...

Все уходит! А строчки, слова, стихи, книги – остаются! Завидуйте, завистники! Вам его уже не достать! Он теперь в вечности. И там останется навсегда.

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

МЕЖДУ ГОРОДОМ ДА И ГОРОДОМ НЕТ

*Все мертво, все запугано в городе Нет.
Он похож на обитый тоской кабинет.
По утрам натирают в нем желчью паркет.
В нем диваны – из фальши, в нем стены – из бед.
В нем глядит подозрительно каждый портрет.*

*...Ну, а в городе Да – жизнь, как песня дрозда.
Этот город без стен, он – подобье гнезда.
С неба просится в руки любая звезда.*

Евг. Евтушенко

Тому, что будет рассказано ниже, без малого полвека. Но помнится все, будто было вчера.

Ноябрь-декабрь 1969 года. Грузия, весь оранжево-золотой, утопающий в мандаринах черноморский город Гагра. Дом творчества писателей всесоюзного подчи-

нения, на улице Курортная, впоследствии переименованной в улицу имени Шота Руставели...

ПРО ЧАСЫ

Безлюдный, пустынный осенний пляж. Температура воды в море – плюс 12-13 градусов. Но яркое, теплое солнце на безоблачном, в прямом и переносном смысле, небосклоне не то чтобы пригревало, но, можно сказать, и припекало.

Путевка рассчитана на целых двадцать четыре дня... Едва прибыв к месту назначения, автор этих строк, по гороскопу, по году рождения Водяной Баран, прихватив плавки, помчался на пляж с твердым намерением окунуться в море, предвкушая полнейшее одиночество.

Но – что это?.. На обогретой солнцем пляжной гальке лежала распластанная на спине поджарая длиннющая фигура, и видно было – человек в плавках и черных на пол-лица очках просто млел от счастья. Мне стало неподдельно интересно: кто еще кроме меня полезет в это осеннее Черное море? Будучи воспитанным человеком, не желая нарушать его покой, я все же набрался нахальства и попросил разрешения расположиться рядом.

– Валяй, опрокидывайся! – брякнул загорающий и вяло, неохотно сняв свои огромные защитные очки, с интересом повернул голову в мою сторону. И тут я – о, майн Гот! – говоря словами А.Папанова из «Берегись автомобиля!», проски-напроски окаменел. Передо мной возлежал не кто-нибудь, а один из литературных кумиров моей юности, сам Евгений Александрович Евтушенко!

Выйдя из оцепенения и придя в себя, я представился, сообщив ему, что мне двадцать шесть лет, приехал я из Баку, являюсь студентом-заочником третьего курса Азербайджанского института нефти и химии. Рассказал, что в этом сказочно замечательном месте нахожусь уже во второй раз, что, хоть и лениво, неохотно, – по настоянию близких, – но получаю техническое образование, хотя безумно влюблен в литературу. И при этом работаю техником на Бакинском электроламповом заводе «Азерэлектросвет», заведу вентиляционными установками всего завода, вдыхаю пары ртути и свинца. Желая развеселить Поэта, я продекламировал ему шуточные стихи моего московского друга Вити Гофмана, – кстати, сына известного советского писателя, бывшего военного летчика, Героя Советского Союза Генриха Гофмана:

*Десять лет отдав заводу,
Не за водку, а за воду,
Ниже всяческих тарифов
Получал гроши Шарифов...*

Вялое выражение лица Евтушенки слегка оживилось, и он снова снял очки, оторвал голову от гальки и с любопытством взглянул на меня. Потом произнес:

– Давай-ка, родной, ты пока позагорай, а я окунусь. Потом обязательно продолжим, мне интересно.

Поднявшись во весь свой исполинский рост, Поэт направился к воде. Когда он уже погрузился по грудь, я вдруг заметил, что он забыл снять с руки часы.

– Евгений Александрович! – крикнул я. – Часы!..

Не обернувшись, он помахал рукой и нырнул под воду. Отплыв в этой, мягко

говоря, прохладной воде на довольно приличное расстояние, он с удовольствием покувыркался, вернулся на берег, обтерся полотенцем, снова лег на по-прежнему теплую гальку и сказал:

– Эльдар, эти военные часы армии США я купил в Нью-Йорке у старого часовщика-еврея из Одессы. «Эти часы, мистер Евтушенко, – сказал он, – будут носить еще ваши внуки и правнуки. – И добавил: – В огне не горят, в воде не тонут».

Видя, как загорелись мои глаза, – глаза человека, с отроческих лет питающего слабость к часовым механизмам во всех их воплощениях, Евтушенко снял часы с руки и дал мне их рассмотреть. Часы были какое-то чудо. В них не хватало только туалета и сауны.

Я выразил ему свой искренний восторг, и объяснил, каким образом я, простой заводской вентиляторщик, оказываюсь в этом райском уголке. В те годы отец мой, Гусейн Шариф, прозаик и переводчик художественной литературы с русского на азербайджанский язык («Обломов» Гончарова и «Идиот» Достоевского выдержали на азербайджанском языке по пять изданий!), возглавлял Азербайджанское отделение ВААП (Всесоюзного агентства по охране авторских прав). Он запросил для меня путевку как для члена семьи писателя. В осенне-зимнюю пору это не составляло особого труда. Писатели предпочитали «заселять» Дома творчества по всему Советскому Союзу вместе со своими домочадцами в летний период. А осенью и зимой в Домах творчества, опять же по всей необъятной советской стране, в том числе и в Доме творчества в Баку, в приморском поселке Мардакан, отдыхали шахтеры и колхозники Донбасса, – так сказать, подшефные Литературного фонда Союза писателей СССР.

В Гагре членов Союза писателей СССР расселяли в специально отведенных для них одноместных номерах, как говорили тогда, со всеми удобствами, в так называемом Морском корпусе, что располагался, впрочем, как и сегодня, почти на пляже, в пяти шагах от воды. А для простых смертных, таких как я, выделялись двух-трехместные комнаты в Главном корпусе, через дорогу от Морского. Тоже с удобствами, но – в конце коридора.

ПРО КОЛХОЗНИКОВ И ИХ ЧЕМОДАНЫ

В ту глубокую осень 69-го меня сразу же по приезде поселили втроем с колхозниками из Донбасса: председателем колхоза, греком по национальности, и его работником. Меня ожидали сюрпризы... Грек сотоварищи по ночам устраивали соревнования по нещадному храпу. Директор Дома творчества, несравненный, замечательный, настоящий хозяин, известный всей писательской братии и друг моего отца, Гугуша Тарасович Багатурия, успокоил меня:

– Тут у меня в Главном корпусе есть одна малюсенькая одноместная комнатка, с умывальником. Она сейчас занята, потерпи пару дней, как освободится – я тебя туда поселю на весь твой 24-дневный срок.

Вот что еще было примечательного, кроме чудовищного храпа по ночам. Председатель колхоза грек приехал с двумя огромными чемоданами, его подчиненный – также с двумя. В одном чемодане каждый привез одежду, другой – был до отказа набит бутылками с горилкой. Грек был симпатичный пожилой мужик, располагавший к себе. В момент знакомства он вдруг заявил:

– Сынок, я только по названию грек. Разве сейчас греки? Вот раньше были греки: сначала видишь нос, нос, нос – а потом уже грека!..

Немного погодя они распахнули один из заветных чемоданов с нехитрой дорожной снедью, извлекли две бутылки горилки. Грек сказал:

– Давай, сынок, присоединяйся, – до обеда еще далеко!

У них обоих, правда, челюсти отвисли, когда я вежливо отказался, сославшись на то, что не пью в такую рань.

В ту пору я, простой бакинский бамбук, был абсолютно равнодушен к спиртному. Но ближе к обеду компанию я им все же составил.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР ЛЬВОВИЧ КАЗЕМ-БЕК И ДРУГИЕ

Примечательно, что в ту неписательскую осень сюда съехались с разных концов страны весьма и весьма замечательные писатели и журналисты. Среди них был возвратившийся из многолетней эмиграции во Франции и Америке журналист князь Александр Львович Казем-бек, правнук создателя азербайджанской грамматики Мирзы Казем-бека. Это был тот самый Казем-бек, – по материнской линии происходивший из рода графов Толстых, – чьим именем начинается известный рассказ Владимира Солоухина «Три белые хризантемы» – о могиле Шаляпина в Париже: «Князь Александр Львович Казем-бек мне рассказывал...»

Гагра 69-го запечатлела в моей памяти образы известного украинского поэта Миколы Упеника, и японского журналиста Хироси Аканума, проживавшего в Москве вместе со своей русской женой, и нивхского писателя и публициста Владимира Санги, ректора Кутаисского филиала Грузинского политехнического института Константина Акакиевича Имедашвили. С каждым из них меня потом связали годы интереснейшей переписки.

Все мы оказались за одним столиком в столовой, а Евтушенко – рядом, за соседним, в компании грузинских писателей.

Гугуша Тарасович сдержал свое слово, переселил меня в заветную одноместную келью с роскошью: умывальником и крошечным журнальным столиком.

Прошло день-два, и на нашем взаправду круглом столе появилась первая болгарская «Шипка», принесенная всем нам Александром Львовичем в знак знакомства. Потом такая же «Шипка» стала появляться ежедневно к обеду и ужину поочередно от каждого из сидящих за нашим столом. В дальнейшем стали появляться и более крепкие напитки. Угощался вместе с нами и сидевший за соседним столиком Евгений Александрович.

Однажды Поэт припозднился к обеду, и неожиданно появился в хорошем расположении духа с двумя трехлитровыми баллонами вина в охапку. Усевшись за свой соседний с нами столик, он снял крышки с баллонов и стал наполнять граненые чайные стаканы сидящим за обоими столиками. Свое «священнодействие» он сопровождал рассказом о том, как его только что угощали этой божественной «изабеллой» местные друзья-писатели.

ПРО ДВА ВЕДРА «ЗОЛОТА»

...Порядок в комнатах нашего корпуса наводила горничная – не красавица, но обаятельнейшее, добрейшее создание – молодая абхазка по имени Еник. Учув во мне родную душу, она прониклась ко мне искренней симпатией. И вскоре я получил неожиданное подтверждение тому. Дня через два после нашего знакомства я, от-

крыв дверь своего VIP-номера, вдруг обнаружил за нею огромное ведро, доверху наполненное отборными, янтарно сверкавшими мандаринами. Я сразу же понял, откуда эти божественные дары, чьих рук это дело. Ведь накануне Еник рассказывала мне о мандариновой роще во дворе их дома, которую высадил еще ее прадед. Смущенный, я бросился ее искать и, найдя, принялся целовать ей руки, притащившие столь тяжелую ношу. Еник была смущена еще более меня...

...Вкус у мандаринов из сада милейшего человечка Еник был изумительный, что было отмечено всеми обитателями наших с Евгением Александровичем обоих столов.

Прознав, что от принесенных ею мандаринов осталось одно воспоминание, она на следующий же день вторично выказала свою добрейшую душу, видимо, в надежде, что уж это ведро витаминов умну я один. Но не тут-то было: ведро ушло целевым назначением. Прихватив его, я направился напрямик в Морской корпус, к Евтушенке.

Войдя, я увидел сидевшую за письменным столом ослепительной красоты молодую татарку, – я уже знал, что она приехала вместе с Поэтом в качестве официального консультанта. Евтушенко в тот период работал над поэмой «Казанский университет».

Радушный хозяин незамедлительно извлек из шкафа трехлитровый баллон-близнец с «изабеллой». Воцарилась по-настоящему теплая атмосфера со стихами на русском, а по просьбе хозяина еще и на азербайджанском и татарском языках...

...Красавица-татарка, имени которой я, к сожалению, уже не помню, также восхитилась вкусом этих мандаринов, под которые незаметно ушла «изабелла».

ОБ АВТОРЕ «БАБЬЕГО ЯРА»

Пляж оставался по-прежнему пустынным, безлюдным. Никто не осмеливался ни лезть в холодную воду, ни загорать. Естественно, кроме нас с Евгением Александровичем.

В одно из наших очередных возлежаний и загораний на пляже я задал ему вопрос, который меня как давнего подписчика журнала «Юность» заинтересовал и обеспокоил:

– Евгений Александрович, извините за нескромный вопрос. Почему вы и Василий Аксенов сейчас ушли из редколлегии «Юности»?

Прилипший до этого к гальке торс Евтушенки вдруг резко поднялся, он сел, упершись ладонями в галечник. И произнес следующее (слова эти я помню так, будто они были сказаны вчера):

– Замечательный вопрос! – произнес он. – Представляешь, Эльдар, этот поддон Анатолий Кузнецов, заграбастав командировочных на сумму десять тысяч рублей, – якобы для того, чтобы написать о судьбоносном для России втором съезде РСДРП, – сбежал в Лондон. Но при этом, сукин сын, умудрился настроичить на нас с Аксеновым донос в Комитет госбезопасности. Это было так подло и несправедливо по отношению к нам с Васей, что мы в знак протеста сразу же написали заявления о выходе из состава редколлегии «Юности», – журнала, который так любили, обожали, в котором столько печатались. Такая вот, Эльдар, петрушка.

...Недавние беседы Евгения Евтушенко с культурологом Соломоном Волковым, прозвучавшие с телеэкрана, напомнили мне тот далекий разговор с Поэтом о редколлегии «Юности» и побудили меня вот к чему.

Мне больно было смотреть и слушать, как великий, знаменитый на весь мир Поэт как бы оправдывался и доказывал, что никогда, ни при каких руководителях не являлся секретным сотрудником, информатором, осведомителем, или как там еще их называли, КГБ, – что упорно и даже назойливо мерещилось Иосифу Бродскому.

Услышав подобное, я сразу же захотел написать Евгению Александровичу письмо в американский городок Талсу, напомнить ему о случае в редколлегии «Юности», рассказанном им мне на пляже в Гагре в ту далекую осень 69-го. Но всему виной моя черепашня скорость. А теперь уже поздно...

Слушая с экрана названную беседу, я чувствовал, что Поэт забыл об этой отвратительной истории с Анатолием Кузнецовым. Все-таки возраст. А если бы вспомнил, то все четко встало бы на свои места. Ибо, следуя простейшей логике, напрашивается вопрос: стал ли бы человек, собравшийся под благовидным предлогом вот-вот сбежать в Англию, строчить донос на людей, являвшихся информаторами Комитета госбезопасности? Если чисто гипотетически допустить, что они таковыми являлись, то А.Кузнецов не знать об этом никак не мог. Ну не смех?! Ну не бред?!

Закончить эту историю с А.Кузнецовым хочется случаем, рассказанным мне позднее в той же любимой мною Гагре тульской писательницей, землячкой А.Кузнецова Марией Казаковой, сидевшей теперь уже за одним со мной столиком в столовой.

Незадолго до бегства в Англию в квартире Кузнецова случился пожар. Огонь был такой силы, что после того как пожар был потушен, потолок квартиры остался покрытым толстым слоем угольно-черной сажи. Восстанавливая жилье, писатель поступил следующим образом: потолок оставил нетронутым, – холстом, так сказать, для художественного замысла. Надо отметить, что А.Кузнецов в свое время был широко известной личностью, автором нашумевшего романа «Бабий Яр». В квартиру его, естественно, были вхожи многие медийные люди, крупные деятели культуры и искусства. Хозяин вручал гостям в качестве «пера» длинную указку, и просил оставить автограф на потолке. Добрая это была шутка или злой умысел – осталось на совести писателя, но после его бегства из СССР дело приняло нешуточный оборот. Всех расписавшихся на потолке приглашали в соответствующую организацию «на беседу». Понятно, какой характер носили эти беседы. Думаю, что Кузнецов все же знал, чем закончатся эти автографы на потолке. Это – еще один штрих к его портрету.

РОССЫПЬ БЕСЦЕННОЙ РУКОПИСИ...

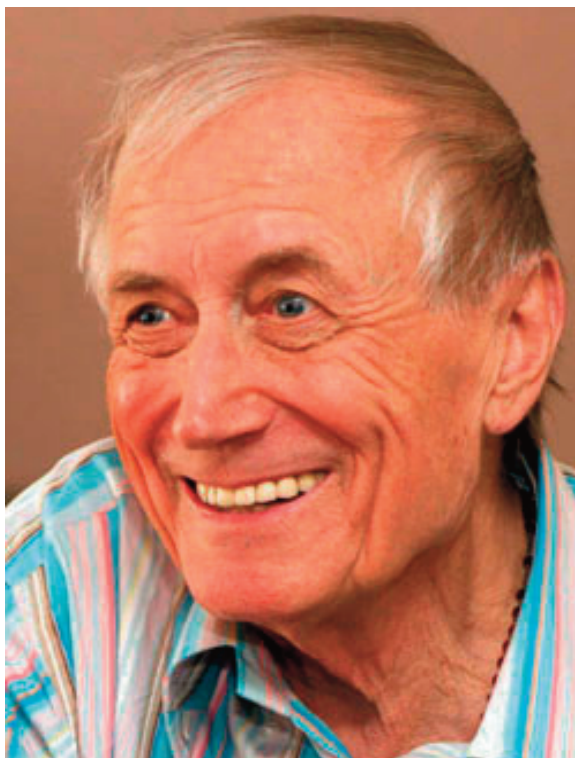
Евгений Александрович уезжал из Гагры несколькими днями раньше меня. Торопился в Москву по своим делам. Я прощался с ним, не постесняюсь сказать, со слезами на глазах. Было по-настоящему грустно.

На следующий день я как всегда шел на пляж, дабы окончательно «сгореть» и уйти в очередной заплыв. Но уже в полнейшем одиночестве. Горничная Морского корпуса прибиралась в комнатах съехавших. У входа в Корпус были выставлены корзины, переполненные бумагами. Резкий порыв ветра опрокинул одну из них и широко разметал исписанные листки бумаги. Я поднял несколько из них: это были рукописные черновики «Казанского университета»... Тогда мне, простому вентиляторщику, и в голову не пришло собрать их. Чего не могу простить себе по сей день.

«ПОЛУЧАЕТСЯ, ОДИН ЕВТУШЕНКО ЗДЕСЬ МУЖЧИНА...»

Вспоминается еще один занятный случай из той гагрской жизни. В Доме творчества действовал довольно вместительный кинотеатр. Но в один из вечеров выяснилось, что кина не будет. Тогда все понатаскали стульев из столовой и уселись в холле Главного корпуса перед большим черно-белым телевизором советской марки. За окнами дул сильный ветер с проливным дождем, с громом и высверками молний. Среди набившихся сюда отдыхающих было немало женщин из Донбасса. Внезапно ветер распахнул дверь. Все как сидели, так и продолжали сидеть, вперившись в экран телевизора. Мне, сидевшему позади всех, было не протолкнуться к двери. За всех нас это сделал Евтушенко, и тут же чей-то звонкий женский голос произнес: «Что? – получается, один Евтушенко здесь мужчина?..» Возражений не последовало.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

...Начало лета 1975 года. Новоиспеченный выпускник отделения художественного перевода Литературного института имени А.М.Горького, Ленинский стипендиат (сто рублей в месяц!), обладатель красного диплома, я вместе с подругой моей сестры зашел в ресторан «Арагви» по случаю окончания вуза. И вдруг вижу: у гардероба стоит Евгений Александрович! – помогает своей даме надеть плащ. Обнялись-расцеловались, поговорили о том, о сем, вспомнили нашу Гагру 69-го. Он поздравил меня с окончанием Литинститута, выпускником которого сам же и являлся. Последними его словами во время той встречи были: «Передайте от меня сердечный привет Александру Львовичу Казем-беку!»

...До встречи, милейший Евгений Александрович! – хотелось бы в раю, с гуриями. И с мандариновыми кущами. Как в Гагре...

Нарратор: Эльдар ШАРИФОВ
Литературная запись: Джамия ШАРИФОВА

Апрель 2017

ГОСТЬ

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ

Евгений Степанов – президент Союза писателей XXI века, Секретарь Союза писателей Москвы, член ПенКлуба, член Правления Союза литераторов России, Генеральный директор Холдинга «Вест-Консалтинг». Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского государственного педагогического института в 1986 году по специальности «французский и немецкий языки», Университет христианского образования в Женеве в 1992 году, экономический факультет Чувашского государственного университета в 2004 году по специальности «финансы и кредит» и аспирантуру факультета журналистики МГУ в 2004 году. Кандидат филологических наук. Главный редактор портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А.Дельви́га. Автор многих книг и публикаций. Живет в Москве.

П Е Р С О Н А Ж И

РОМАНЮК

Матвей Захарович Романюк копался в огороде, обрезал усы у клубники, сеял морковку и горох... И вдруг калитка распахнулась, и к нему в сад вошли четыре человека.

– Вы Романюк? – спросил самый высокий дядька.

– Я, – ответил Матвей Захарович.

– А вот и нет, – парировал дядька. – Вы не Романюк, вы Романов, потомок цесаревича Алексея.

– ?

– Да-да, не удивляйтесь, он выжил. А это (дядька полез в рюкзак) вам корона Российской империи. Правьте!

– Правьте! – поддержали дядьку другие члены делегации.

Матвей Захарович рассмеялся и прогнал шутников. И продолжил обрезать усы у клубники, сеять морковку и горох. А когда закончил огородные дела, поспешил в баню. Распарился, вышел на травку, выпил кваску и сказал:

– Ля-по-та!

ПИРДА

Кошку Лизу некоторые люди почему-то называли Пирдой. Но кошка ни на кого не обижалась. Она обижалась только тогда, когда ей забывали дать молока.

ОКСАНА

У меня была одна знакомая, за которой я ухаживал. Оксана. Она работала официанткой. Молодая, красивая, яркая, фигуристая. Она таскала меня по разным ресторанам, и говорили мы в основном о еде. Я все мечтал о сладостном миге... Но он

почему-то все время откладывался. И вот однажды Оксана сама позвонила поздно вечером и сказала: «Приезжай ко мне...» Я понял, что и на моей улице наступил праздник.

Я приехал. Увы, Оксана опять начала мне рассказывать про еду. И опять ничего не получилось. Не было даже ни одного поцелуя. Я уехал домой.

...Примерно через месяц Оксана вышла замуж. Сейчас она счастлива в браке, у нее трое детей.

Я искренне рад за неё и очень ее уважаю. Я начинаю понимать её. Она видела, что я неплохой, нормальный парень, но душа у неё ко мне не лежала, вот она и не могла переступить через себя. Она ждала своего принца. И дождалась. И я дождался.

ПУПЫРНИКОВ

Жил-был маленький человечек Пупыриков. И так он устал от больших и злых людей, что забивался под диван и лежал там и не высовывался. И только там, под диваном, был спокоен.

КЛЮКИН

Клюкин купил машину. Потом квартиру. Потом десять квартир. Потом весь город. Потом страну. Потом участки на Луне и на Марсе. Потом Клюкин умер. А все его богатства купил Тюкин.

СЛЕСАРЬ СЫРОЕЖКИН

Слесарь Сыроежкин худел в день по 5 кг. Он почти ничего не ел, а только работал и работал. Однажды вечером он пошел в туалет, посидел немного на унитазе, потом заглянул в него: там плавали цветочки.

СЕМЁН ВАСИЛЬЕВИЧ СЕРГЕЕВ

Бизнесмен средней руки Семён Васильевич Сергеев встал рано утром, почистил зубы и пошел на работу. Офис находился в пяти минутах ходьбы от его квартиры.

Семён Васильевич шёл и тихонько говорил сам с собой.

– И вот ты стал взрослым. И ты не «охотишься» за женщинами. Они «охотятся» за тобой. А ты выбираешь одну.

И вот ты стал взрослым. И отвечаешь не только за себя. И ты говоришь: «Здесь моё место. Я с него не сойду. Я буду делать своё дело, пока у меня есть глаза и руки».

...Ангелы спускались к Семёну Васильевичу, касались его своими длинными крыльями и (пока) улетали.

ЮРА

Вот Юра. Он сильный и умный. А ему говорят (часто в прессе), что он слабый и глупый. Юра не обижается. Он радуется. Он понимает: раз ему такое говорят, значит, он кому-то мешает. Значит, кому-то перешел дорогу. Значит, он становится еще

сильнее.

Мы иногда встречаемся с Юрой в кафе. Выпьем коньячку, обсудим наши скромные делишки, поболтаем. И расходимся по домам.

СЕРЁГА

Серёга сидел еще при Сталине. Во время войны был в концлагере. Потом сидел еще много раз. Сейчас он писатель, ему 85 лет.

Каждый день он звонит мне и начинает новые проекты:

– Старик, эта книга будет бестселлером. Продадим тиражом в 50 тысяч экземпляров. Главное – пиар, пиар и только пиар, вон, даже бездаря Минаева, и того продают, а я пишу правду жизни. В общем, ты не парься, деньги я найду. Не парься, не кисни, приезжай ко мне на фазенду, я тебе хоть бабу нормальную подгоню...

Каждый раз, когда я его слушаю, не понимаю, кому 85 лет, а кому 45. Иногда мне даже кажется, что Серёге лет восемнадцать. Он всегда энергичен, сумасброден, затевает новые дела, со всеми судится (мне тоже пару раз угрожал судом – уже не помню за что!), живо обсуждает политические события.

В общем, я восхищаюсь Серёгой. И хотя он меня несколько раз не на шутку объегорил, все равно восхищаюсь.

ЛИЛИПУТИН

Лилипутин в детстве хотел стать Гулливеровым. Хотел стать сильным и важным и всеми командовать. Он вырос и действительно стал сильным и важным и всеми начал командовать. Но Гулливеровым его почему-то никто не называл. Называли Капутиным.

ЛИЛИПУТИНЫ

Лилипутиных стало так много, что они победили всех своих врагов. И уже стали воевать друг с другом. В итоге победил всех самый главный Лилипутин. И ему стало не с кем воевать. И тогда он заплакал, а потом съел сам себя.

СВИСТУЛЬКИН

Бизнесмен Семён Свиштулькин был опытным человеком. Он знал, как управлять людьми. У него было два зама, два бухгалтера, два водителя... И много-много менеджеров. Все заменяли друг друга. У него было даже две женщины. И два – члена. Да, два половых члена. Семён Свиштулькин был необычным человеком.

СЕМЁНОВ

(Очень короткая пьеса)

– Все-таки ты – свинья, Семёнов...

– Почему?

– Ну, ты же не хочешь жить со мной. Значит, ты меня не любишь.

– Как раз наоборот. Люблю. Именно поэтому и не хочу с тобой жить.

- Не поняла.
- Да все очень просто. Ты же меня совсем не знаешь. Ты видишь только показушную сторону моего егo. Умение шутить, балагурить, делать комплименты, дарить цветы... А в жизни-то я другой.
- Не верю.
- Ну, конечно, другой. Я нервный, мрачный, неаккуратный, не такой богатый, как тебе кажется.
- Но я же люблю тебя.
- А что такое любовь?
- Я не знаю. Не могу сформулировать.
- И я не могу.
- Вот я и говорю: все-таки ты – свинья, Семёнов...

ОН

Он всегда был востребован.

Организовывал выборы президентов стран и российских республик, депутатов и директоров заводов, защищал и представлял интересы крупного капитала на разных континентах, создавал имена в области политики, искусства, литературы, раскручивал всевозможные бизнес-проекты. Прожил вне дома более 15 лет, иногда забывал, какой у него родной язык и каково его настоящее имя. Он не был шпионом, но был журналистом, пиарщиком, менеджером, специалистом в области политехнологий и консалтинга. Он знал очень многое, дружил с теми, у кого не бывает друзей.

Под старость он выпустил книгу мемуаров. Там было очень мало правды. Может быть, сотая часть. Правду написать он не мог. Не имел права.

АМЕРИКАН АФРИКАНОВИЧ НЕМЦЕВ

Американ Африканович Немцев родился в Тамбовской области. Отец у него был чудаковатый сельский учитель – Африкан Иванович. Сына он назвал почему-то Американом. Почему – никто не знал.

Американ Африканович в 17 лет уехал в Москву, закончил экономический факультет университета, открыл собственную консалтинговую фирму. И стал работать. Работал он каждый день, без выходных, у него было множество – сотни! – клиентов. Американ Африканович работал и работал, ни разу не ходил в отпуск, ни разу не болел, ни разу не брал больничный. Да, он ни разу не болел. Но однажды шел на работу, шел-шел и упал. И больше не встал.

ИАНА

Диана приехала из Израиля. Звонит мне, восхищается:

- Замечательная страна! К каждому деревцу подведен шланг. Никакой коррупции. Полицейский на дороге заикнулся о взятке – ему 20 лет тюрьмы. Чистота, порядок. Безопасность. История на каждом шагу. Такое ощущение, что вот-вот Христос рядом пройдет...

Спрашиваю:

– Ну, а что там плохого?

– Плохо, что нас там нет.

ОЛЕГ

В гости пришел старый товарищ, с которым мы когда-то вместе работали на ТВ.

Пришел и стал вещать:

– Я теперь целитель, живу праведно. На баб свою энергию не трачу и тебе не советую. Ты до сих пор, я вижу, живешь неправильно. Все о бабах думаешь. Нарушаешь главные законы жизни.

Трындел он минут десять.

Я слушал, слушал, а потом тихо сказал:

– Олег, разговор окончен.

И показал рукой на дверь.

Он, молодец, быстро сориентировался:

– Извини, Женёк, это я вошел в роль. Профессиональное заболевание – всех хочу учить и лечить.

Потом мы опять говорили, уже в режиме диалога. Спокойно и без назидания. На прощание обнялись.

СВЕТА

Света была дочерью моего преподавателя из МГУ. Умная голубоглазая шатенка из потомственной профессорской семьи, живущей в сталинской высотке на Баррикадной. А я был простой – худой и долговязый! – отличник-аспирант из панельного Выхина, только что разошедшийся с женой.

Отношения со Светой у меня сложились очень быстро. Мы действительно любили друг друга. Часами трепались по телефону, вместе забирали ее дочку из музыкальной школы, страстно целовались в разных московских скверах. Она много раз приглашала меня остаться у них ночевать, но я стеснялся. Что бы я сказал своему профессору?

А потом Света поступила на учебу в Сорбонну и уехала. Уехала и осталась в Париже.

...Мы не виделись двадцать лет. Встретились возле станции метро Аэропорт, где я к тому времени жил. Пришли ко мне домой. Она рассказывала о себе. Не замужем, развелась, преподает, снимает небольшую квартирку. Дочка упорхнула в Штаты к отцу. Меня – увидев мои апартаменты – Света назвала богачом. «А ты забурел, разжился за годы перестройки, это уже не худенький выхинский мальчик».

Потом она спросила: «Я не помню, а мы с тобой спали или нет? Тогда, в молодости?»

Я почесал в затылке. Я тоже забыл. Ну или почти забыл. Странное дело: то, что в молодости так важно, в зрелости теряет смысл.

А потом Света опять уехала в Париж.

А я остался.

*ВЛАДИМИР
ВЛАДИМИРОВИЧ*

Владимир Владимирович проплывал в день пять километров, нет, десять, нет, сто, нет, тридцать три тысячи километров. Он все плавал и плавал. И – не тонул.

ЛЮСЯ

Я видел ее первый раз в жизни. Молодая, красивая, ухоженная. У меня дома была какая-то вечеринка, и она пришла в компании своих (и моих) друзей.

– Люся – специалист по фэн-шуй, – представили мне девушку.

– Женя, очень рад, – сказал я.

Разговорились.

– Дайте мне, пожалуйста, рекомендации... По квартире... – попросил я.

– Охотно, – ответила Люся. – Давай, Женя, сразу на ты. Чтобы без лишних церемоний.

– Нет возражений, Люся, – сказал я.

– Начнем с главного. Вот что у тебя, Женя, за спальня?! Возле кровати только одна тумбочка, а должно быть две. Чтобы женщина хотела сюда еще раз прийти и остаться. А пока не хочет. (Она игриво улыбнулась.) Сразу видно: мужик настроен на одиночество. А где одиночество, там нет денег.

– Хорошо, Люся, тумбочку я куплю, – быстро согласился я. – Женщина, допустим, появится. Но появятся ли деньги? Весь мой предыдущий опыт говорит как раз об обратном. Есть женщина – нет денег.

– Как же ты неправ! О, как же ты, Женя, неправ! Женщина – это главный стимул в жизни мужчины. Иначе – нельзя. Инь-Ян... Итак, запомни: купи прикроватную тумбочку – появится женщина. Появится женщина – появятся деньги.

– Ты уверена?

– Конечно. Деньги – это всего лишь производная успеха. Для них нужно создать условия, а потом только поманить.

– А как поманить?

– Способов – миллион. Вот, например. Смотри, у тебя на полочке лежит колокольчик. А почему ты им не пользуешься? В колокольчик надо звонить. Постоянно звонить. Тогда точно деньги будут. Высшие силы услышат твой сигнал и дадут тебе денег. Ты понял?

– Понял, – сказал я.

Когда гости ушли, я сел в гостиной на свой любимый кожаный диван и задумался. Может быть, и в самом деле купить вторую прикроватную тумбочку, может быть, и в самом деле позвонить в колокольчик?

МИЛА

– Евгений Викторович, я договорилась о сотрудничестве вашего телеканала «Диалог» с Союзом меча и орала.

– Очень рад, Мила. О чем вы конкретно договорились с Союзом меча и орала?

– Я им рассказала про ваш замечательный телеканал. Они вас пригласили на

очередную научную конференцию. Они не против, чтобы вы там снимали.

– А в чем же тут сотрудничество?

– Не поняла.

– Ну вот я буду про них снимать, повезу операторов, корреспондента, потом буду это все монтировать, потрачу свои средства. А что взамен? Ведь любое сотрудничество должно быть взаимовыгодным. Не правда ли?

– Денег у них нет.

– Да дело не в деньгах. Какой-то баннер нашего телеканала они смогут разместить? Сделать нас официальным информационным спонсором?

– Вы знаете, мне вас очень неприятно слушать. Я и не ожидала, что вы такой прагматичный, алчный человек. А я ведь обо всем договорилась...

– Извините, Мила, но в футбол в одни ворота я не играю. Уже очень много лет.

ЖОРЖ МАРМЕЛАДОВ И СЕРГЕЙ СЕЛЁДКИН

Жорж Мармеладов не любил Сергея Селёдкина. Жорж сильно не любил Селёдкина. Так, наверное, евреи не любят Станислава Куняева.

ТИРАН

Жил-был тиран. И все его называли тираном. А вот журналисты его совершенно не боялись – выражаясь фигурально, вытирали об него ноги. Поэтому тиран по ночам рыдал.

МУДРЕВАТЫХ

Иван Иванович Мудреватых ненавидел свою страну. Эту страну дураков и взяточников, хамов и бездельников, алкашей и непрофессионалов. Страну, где всё – через жопу, всё – не как у людей.

Иван Иванович не мог понять одного: почему у него появляются слёзы счастья на глазах, когда его соотечественники-спортсмены во время Олимпиады в Лондоне занимают первые места.

НУКЗАР

Кризис заставляет крутиться еще сильнее. Для того, чтобы выпускать некоммерческие журналы, нужны спонсоры. Их на всех не хватает.

С Нукзаром меня познакомил Володя Сидорчук, маститый писатель, который однажды в Лондоне издали видел Бродского и потом написал об этом четыре тома мемуаров.

Нукзар, по словам Володи, был миллионером и писал стихи.

Однажды зимой Нукзар пригласил меня в «Кофе Хаус» на Новокузнецкой. Я приехал. Он там сидел с курносенькой симпатичной девушкой и нервными, быстрыми глотками опустошал пивной бокал. Девушка (Лиля, – она представилась) умиротворенно пила воздушный капучино.

Нукзара развезло. Он начал эмоционально и темпераментно рассказывать о

себе:

– Я имею 10 тысяч квадратных метров в аренде. У меня пять квартир в Москве. Я создал здесь рынок строительства. Я открывал пинком дверь в кабинет Ресина... У меня был личный самолет... Я жил в Латинской Америке 5 лет, я знаю испанский в совершенстве, я обыграл Каспарова в шахматы, хотя у меня только первый разряд... В день я трачу 50 тысяч рублей на друзей и 100 тысяч на благотворительность.

Я слушал его и радовался, надеясь, что он потратит немножко денег и на мои литературные журналы. В перерывах между этими речами Нукзар читал безнадежно графоманские стихи собственного сочинения.

Я улыбался и смущенно ерзал на стуле.

А Нукзар все читал и читал стихи и рассказывал о своих успехах и прекрасных человеческих качествах.

Когда он в очередной раз повторил, что тратит в день 50 тысяч рублей на друзей и 100 тысяч на благотворительность, я стал находить в его стихах определенное очарование.

– Ты – неподражаемый поэт! – наконец сказал я. – Мне очень понравились твои стихи. Тем более, что ты пишешь не на родном языке, а это так сложно. Я вот иногда пробую сочинять на немецком и французском – получается полное дерьмо... А у тебя есть чувство, темперамент... Слова ловко подбираешь, рифмы...

Теперь улыбался Нукзар. Потом мы опять пили пиво, Нукзар читал стихи, а я внимательно слушал. Просидели мы часа два. Стали собираться. Нукзар подозвал официантку. И начал искать в карманах деньги. Не нашел. Что делать? Я, конечно, заплатил. И уже думал уходить. Однако Нукзар предложил остаться. И еще сделал заказ. Принесли дюжину пива, пирожных... И мы продолжили. Спустя полчаса Нукзар как-то незаметно ушел, а мы остались с Лилей... Слава Богу, у меня нашлись деньги заплатить и за этот заказ.

О, Нукзар!

...Смешной факт: недавно на улице я снова встретил Нукзара. Он опять пригласил меня в «Кофе Хаус».

АНДРЕЙ НИКОДИМОВИЧ

Вот он приходит ко мне в офис. Важный, холеный, полнеющий... Андрей Никодимович.

– А кто тебе делает мониторинг прессы?.. «My Press»? Не слышал про таких. Наверное, слабая команда. У меня же самые лучшие спецы. Кстати, мы по твоей теме поработали – ничего не нашли.

– А эти – слабые! – нашли.

– Странно... Но ты все равно мне эту тему отдай... Я лучше сделаю... Кстати, ты сколько им за мониторинг платишь?

– Тысячу.

– Так дешево? Мда... А я сейчас в новый офис переезжаю. 300 метров. Никого не порекомендуешь, чтобы на пару снимать?

– Да, можно. Вот Иван Петрович, наверное, может снять. Я тебя сейчас с ним соединю по телефону.

Соединяю. Андрей Никодимович говорит:

– Здравствуйте, Иван Петрович, это Андрей Никодимович. У вас серьезная

фирма? Точно серьезная? Ну, хорошо, я перезвоню.

Кладет трубку. Обращается ко мне:

– Так он что, грузин – с акцентом говорит?

– Да, грузин. Иван Петрович... А вообще, извини, у меня дела.

– Ну ладно, и я поехал.

– Счастливо, брат.

ШПАКОВ

Однажды в Питере, после презентации журнала «Зинзивер», мы с группой писателей изрядно поддали. На берегу Невы. В хорошей компании. Все было чудесно. Но я уже опаздывал. Мы поймали с Володей Шпаковым такси и помчались на Московский вокзал. И тут мне приспичило по малой нужде. Ну прямо невмоготу.

Я говорю Володе:

– Мне надо выйти, иначе мне будет плохо. И вам, вероятно, тоже... В общем, еще чуть-чуть – и я совершу самый неприличный поступок в своей жизни.

Володя, сообразив в чем дело, отвечает:

– Старик, терпи. Думай о чем-нибудь постороннем.

Ни о чем постороннем в такие минуты думать невозможно. Возникла ситуация безысходности.

Слава Богу, мое состояние хорошо понял водитель. И он полетел по Невскому, точно Шумахер.

Примчались. Высадились у вокзала. И побежали к поезду. Володя бежал все это время со мной. Я вскочил в последний вагон уходящего поезда.

Володя помахал мне рукой на прощанье.

Шпаков – настоящий друг.
